

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

**И. В. Воробьева
О. В. Кружкова**

ПСИХОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Монография

Екатеринбург
РГППУ
2012

УДК 316.454

ББК Ю954

В75

Воробьева И. В.

В75 Психология городской среды: монография / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. 244 с.

ISBN 978-5-8050-0455-2

Монография посвящена проблеме комплексного исследования городской среды с позиций психологии.

Предназначена студентам специальности «Педагогика и психология», изучающим дисциплину «Средовая психология», а также педагогам профессиональной школы и слушателям факультетов повышения квалификации.

УДК 316.454

ББК Ю954

Рецензенты: кандидат педагогических наук, доцент В. П. Бояринцев (ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»); кандидат психологических наук, доцент Д. Е. Белова (ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

ISBN 978-5-8050-0455-2

© ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2012

© Воробьева И. В., Кружкова О. В., 2012

Оглавление

Введение	5
Раздел I. Теоретические аспекты изучения городской среды	9
Глава 1. Среда как категория. Городская среда	10
Глава 2. Город как объект исследования	23
Глава 3. Образ города	40
Глава 4. Городские пространственные структуры	62
Глава 5. Корпоративность как феномен социальных структур города.....	80
Глава 6. Вандализм в городской среде.....	93
Глава 7. Методы исследования городской среды.....	111
Раздел II. Эмпирическое изучение городской среды	134
Эксперимент 1. Знаковое пространство города. Анализ ментальных карт Екатеринбурга	135
Эксперимент 2. Целостность среды города. Анализ ассоциативных связей между знаковыми местами города.....	139
Эксперимент 3. Неоднородность и информационная насыщенность среды города. Идентификация элементов города.....	142
Эксперимент 4. Виды пространственно-психологической среды города. Особенности восприятия различных видов городской среды	147
Эксперимент 5. Изучение социально-психологических особенностей субъективной классификации архитектурных пространств	184
Эксперимент 6. Имиджевые характеристики территорий города. Определение благоприятных и неблагоприятных для проживания районов Екатеринбурга.....	189
Эксперимент 7. Пространственная организация города	198
Эксперимент 8. Изучение корпоративности жителей города	207
Заключение.....	218
Библиографический список.....	220

Приложение 1. Частота встречаемости на когнитивных картах объектов города	237
Приложение 2. Узнаваемость объектов городской среды жите- лями Екатеринбурга	238
Приложение 3. Процент узнаваний по фотографиям объектов Екатеринбурга его жителями	241

Введение

Город – это поэма, но поэма не классическая, не такая поэма, где был бы четко выражен сюжет. Это поэма, в которой действует означающее...

Р. Барт

Большая часть населения Российской Федерации проживает локализовано в городах – от маленьких районных центров до многомиллионных мегаполисов. Город на современном этапе развития является наиболее привлекательной социально-экономической системой проживания человека, функционирования государства. При этом многие ли из нас задумываются над тем, как влияет среда мегаполиса на активность психики человека, на поведенческие проявления как отдельного индивида, так и целостных социальных общностей?

В современной социальной психологии не так давно появилась новая область исследований, которая получила наименование «психология среды», или «средовая психология». Понятие среды многообразно и многофункционально. В настоящей работе предпринята попытка осветить особенности, проблемы и закономерности взаимодействия человека и им же самой созданной искусственной пространственно-предметной среды города.

Естественной реакцией человека на среду является приспособление к ней посредством построения ее образа и последующих реакций на него. Данные реакции формируют поведение человека. Поэтому от того, каким сформирован образ окружающей среды в сознании человека, во многом зависит тип его поведения [5].

Изучение психологии городской среды – это комплексное исследование влияния среды города на процесс развития личности и формирования поведения его жителей. Безусловно, любая среда влияет на человека посредством визуальных, аудиальных, ольфакторных и других раздражителей. И не всегда данное воздействие искусственной среды является по отношению к личности целенаправлен-

ным и экологичным. Стихийность воздействия окружающей среды естественна, но контроль над ним в условиях города позволяет не только моделировать определенные типы поведения людей, но и формировать комплекс некоторых личностных качеств, своеобразный менталитет жителя. Актуальным становится всестороннее изучение как процесса формирования городской среды в результате человеческой деятельности, так и формирования и развития личности горожанина под воздействием окружающего городского пространства. При этом следует учитывать, что город – это не просто набор построек, но и отражение содержания межличностных и общественных отношений его жителей. Однако, если более или менее ясны психофизиологические основы взаимодействия среды и личности, то его содержательно-процессуальная сторона остается до сих пор малопонятной.

Актуальность данной темы основана на ряде противоречий.

1. Город как историческая действительность имеет многовековую (и даже многотысячелетнюю) историю. По большому счету, город – это колыбель современной цивилизации. Однако активное исследование данного социально-средового конструкта насчитывает не более нескольких десятков лет. Так, в 60-е гг. XX в. городская среда как объект исследования вообще не рассматривалась в психологии. В отечественной психологической науке представления о среде города начали развиваться лишь с конца 70-х гг. [132]. Таким образом, первое *противоречие состоит в дефиците теоретико-методологической информации и актуальной потребности в ней при современном градостроительном и социальном планировании развития городской среды.*

2. Современные тенденции как российского общества, так и мирового сообщества в целом приводят нас к осознанию неизбежности процессов глобализации. Частным проявлением этих процессов выступает явление урбанизации: расширения городов, поглощения ими все новых и новых территориальных и социально-психических единиц. Город проникает как социальное явление все глубже в психику его жителей, определяя образ их мыслей, стереотипы их действий. И здесь возникает *противоречие между набирающими темп процессами глобализации и урбанизации и отсутствием действенных и адекватных механизмов самосохранения личности в условиях городской среды.*

3. В экономическом плане город является достаточно привлекательным объектом вложения капитала. Рост городов, их активная застройка все новыми зданиями и комплексами часто осуществляется исключительно в аспекте экономической целесообразности, сиюминутной необходимости. Вопросы эстетического и психозекологического плана рассматриваются как вторичные, сопутствующие и поэтому, как правило, не заслуживают должного внимания. По мнению К.-Н. Леду, *архитектура должна говорить* [78]. Необходимость гуманизации окружения по критерию духовности, а не только утилитарной ценности, выдвигает задачу выражения «духа места» [41–43]. Возникает очевидное *противоречие между проявлением тотальной застройки городского пространства и отсутствием учета его экологического влияния на психику отдельного индивида.*

4. Город привлекает к проживанию и взаимодействию в ограниченном пространстве огромные массы людей. При этом происходит нарушение уже имевшихся до этого механизмов взаимодействия и формирование новых, иногда не свойственных индивиду норм, правил и паттернов поведения. Все это приводит к проявлению внутриличностных конфликтов и социальной дезадаптации личности в городской среде. Ускоренный темп жизни, специфическая организация пространства, кажущаяся анонимность в совокупности с жесткими ролевыми ограничениями приводят к рассогласованию в поведении человека, стремлению его выйти из-под контроля общества и, как ни парадоксально, к проявлению им массовидного поведения. Символизм архитектурных пространств и сознание субъекта, конечно, не определяют в обязательном порядке друг друга, но находятся в контаминационных отношениях. Следовательно, обозначается *противоречие между провоцированием условиями городской среды массовидного поведения отдельных жителей и его нежелательностью и наказуемостью в социально-правовом плане со стороны государства и общества.*

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что очевидной становится *проблема взаимодействия, взаимовлияния и взаимоотношения среды больших (мегаполисов) и малых городов и личности отдельного человека.*

Надеемся, что предлагаемая книга расширит представление читателей о современном состоянии обсуждаемого направления и будет полезной педагогам, так как в ней рассматриваются средовые факто-

ры развития личности, психологам и специалистам смежных областей и всем интересующимся проблемами восприятия и вопросами познания окружающей пространственно-предметной среды города.

Мы выражаем благодарность и признательность за помощь в сборе и обработке эмпирических данных студентам Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ): А. Андросенко, М. Букаревой, О. Гуровой, Н. Зуевой, Е. Кузьминых, Е. Невелевой, С. Остриковой (Радченко), Л. Плотниковой, Л. Рындиной, Я. Турыгиной и всем коллегам, оказавшим посильную помощь и проявившим заинтересованность в реализации и продолжении наших исследований.

Раздел I
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Глава 1. СРЕДА КАК КАТЕГОРИЯ. ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Среда – один из основных факторов развития личности. Среда – это то физическое, социальное, информационное, культурное, историческое наполнение мира, которое соприкасается с каждым конкретным человеком уникальным, неповторимым набором факторов и феноменов. Через призму, которую создает среда, человек глядит на окружающий его мир и формирует свое представление о нем. Также среда определяет и те «мерила», эталоны, которыми будет пользоваться этот человек при оценке новых явлений и процессов, с которыми он сталкивается в жизни. Можно заметить, что среда – это то, что формирует человека, ненавязчиво предписывая ему образ жизни, систему восприятия, шаблоны деятельности. По сути, устойчивость среды приводит к «косности» мировоззрения человека, поскольку отсутствие альтернатив, невозможность взглянуть на новое без влияния средового фактора способствуют возрастанию уверенности в догмате среды. С другой стороны, именно человек и формирует среду, изменяя ее на свой лад и вкус. Современный мир базируется на приоритете искусственной, т. е. созданной, среды над природной, независимо самофункционирующей и саморазвивающейся.

Среда в обобщенном виде понимается как совокупность внешних условий, в которых совершается какой-либо процесс. В русском языке

слово «среда» в данном значении стало применяться с 30–40-х гг. XIX в. Здесь сказалось влияние социально-политической терминологии. Французское слово *milieu* (общественное окружение) по-русски лучше всего передавалось словом *среда*, которое получило новые значения:

1) совокупность природных или социальных условий, в которых протекает развитие и деятельность как человеческого общества в целом, так и отдельных людей; окружающие условия, социально-бытовая обстановка;

2) совокупность людей, связанных общностью социально-бытовой обстановки, социальных условий. В этом значении слово «среда» развивает новые лексические связи: общественная среда, окружающая среда, социальная среда, семейная среда, образовательная среда, мещанская среда и т. п. [26].

О среде в контексте ее значения для истории впервые заговорил Ш. Л. Монтескье, который предложил теорию влияния климата на нравы, учреждения и законы народов. Позже эта идея также обстоятельно разрабатывалась Г. Т. Боклем. Он установил, что «все должно быть результатом двоякого действия: действия внешних явлений на дух человека и духа человеческого на внешние явления» [118, с. 415]. Разделяя представления географического детерминизма, Бокль объяснял эволюцию народов влиянием ландшафта, климата, почвы, рациона питания и даже «общего вида природы». Различал ландшафты, способствующие развитию рассудка и логической деятельности (Европа), которые предзадавали подчинение природы человеку, и ландшафты, возбуждающие воображение (районы возникновения древнейших цивилизаций и пояс тропиков), которые способствовали процессу подчинения человека природе. Эта теория нашла активную поддержку в работах М. Лазаруса и Г. Штейнтала в рамках разрабатываемой ими «психологии народов». В научный обиход термин «среда» в его французском варианте (*milieu*) был введен философом-позитивистом, психологом И. А. Тэном. Он выделил среду обитания, включающую в себя географическое местоположение страны, нравственные представления ее народа, быт и форму политического устройства, как один из трех факторов, определяющих своеобразие искусства.

На основе анализа работ английского исследователя Н. Теймура Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский предложили рассматривать среду в рамках четырех основных направлений.

1. Среда – это мы. Средовые факторы влияют на человека, но именно им же и создаются, и на них человек может оказывать влияние. Так, Р. Соммер писал: «Все люди строят, создают, моделируют формы среды: мы и есть среда» [Цит. по: 198, с. 21].

2. Среда – это то, что нас окружает, все, что не мы, условия, которые на нас влияют. Таким образом, среда – это то, что окружает, тела, явления, процессы, с которыми человек находится в прямых или косвенных взаимоотношениях.

3. Среда – это некоторое соотношение между нами и окружением. Б. Хиллер считает, что «термин “среда” включает два момента – во-первых, это набор феноменов и вещей, и, во-вторых, это то, что мы переживаем. Среда, с одной стороны, – это физические факты, с другой – система человеческого опыта» [Цит. по: 133, с. 22–23].

4. Среда – это элемент сверхсистемы. Этот подход сформулировал Вильден: «Среда – открытая система, связанная с сверхсистемой. Между ними существует обмен материей, энергией и информацией». Здесь понимание среды сходно с ее дефиницией в рамках теории систем [133, с. 23].

Д. Ватсон выделил пять классов определений, данных среде, в которых она рассматривается следующим образом:

- 1) как процесс;
- 2) поле активности человека;
- 3) поле семантики;
- 4) ресурс;
- 5) как способ стратификации общества.

На сегодняшний день существует огромное многообразие смыслов слова «среда» в зависимости от степени конкретизации понятия. Так, внешняя среда рассматривается как совокупность сил и явлений природы, ее вещество и пространство, любая деятельность человека как организма, находящаяся вне рассматриваемого объекта или субъекта и не обязательно непосредственно контактирующего с ним. Понятие «окружающая среда» – то же, что и среда внешняя, но она находится в непосредственном контакте с объектом или субъектом [133].

Анализ зарубежных и отечественных подходов к исследованию психологии окружающей среды позволяет глубже проникнуть в проблематику, очертить проблемное поле данного направления в совре-

менной психологии. Теоретические подходы, разрабатываемые зарубежными психологами, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Теоретические подходы к изучению окружающей среды
в зарубежной психологии

Представители	Название теории или концепции	Основные положения
1	2	3
Р. Баркер	Экоповеденческая теория	Человеческое поведение невозможно объяснить вне связи людей с окружающей средой, поэтому последняя выступает равноправным объектом психологического анализа. Психологическое исследование должно быть направлено на взаимоотношения человека и среды, взятые в их естественном, повседневном виде, без любого вмешательства извне. Основным методом должно стать наблюдение и беспристрастное описание событий. Цель исследований – соединить в единую объяснительную схему как поведенческие, так и средовые явления, а затем довести такие схемы до единых «экоповеденческих» моделей. Объектом исследования выступает «место поведения» – устойчивая взаимосвязь поведения и определенного физического окружения
Д. Кантер	Концепция «деятельности и места»	Место выступает как «категоризация опыта», как единица, с помощью которой человек формирует свое представление о внешнем мире. Места имеют определенную структуру и организацию, специфически-символические качества, а также сложившиеся правила их использования. Внутри определенной культуры сложились настолько стабильные системы «места и деятельности», что физическую форму этих мест можно считать почти идеальной
И. Альтман	Теория «приватности»	В сфере взаимоотношений людей одним из ключевых измерений выступает открытость-замкнутость человека в отношении своего социального окружения. Возможность селективного контроля доступности человеческого Я считается одной из самых существенных сторон человеческой жизни. Физическая среда выступает как важное средство

1	2	3
		регуляции приватности. Явления дистанции, персонального пространства, территориальности, феномен чувства стесненности выступают как формы регуляции приватности
Г. Сирлс	Психоанализ	Существует «значимое родство» индивида и определенных материальных пространств. Нормальное развитие человека подразумевает движение от глобальной общности с окружением у новорожденного к увеличению своеобразной дистанции между человеком и окружающим пространством. В основе механизма адаптации, приспособления человека к окружающему миру лежит чувство единства, тождества с окружающим его физическим пространством, причем это чувство заложено на глубинных уровнях человеческой психики
К. Юнг	Аналитическая психология	Пространство человека, его дом как его собственный символ. Предполагается, что дом и различные пространства внутри него символизируют различные составляющие структуры психики человека. Так, например, гостиная или общая комната является эквивалентом той личности, каковой человек стремится презентовать себя для «социального потребления», своеобразным индикатором того себя, которого человек хочет представить окружающим людям
А. Бандура, Дж. Роттер, Б. Скинер	Бихевиоризм	Средовые объекты рассматриваются как стимулы (сильные, нейтральные, специфические и т. д.), которые вносят изменения в поведение человека
Х. Мюррей	—	В любой момент, когда организм находится в определенной среде, которая детерминирует его поведение и, возможно, изменяется при этом, образ действий индивида не может анализироваться без учета характеристик этой среды. Важное значение придается развитию методологического аппарата психологии среды. Предлагается своеобразный критерий для характеристики окружающей среды – «средовой пресс». Когда имеет место процесс сопоставления влияния как потребностей и личностных характеристик субъекта, так и средового пресса, субъект либо удовлетворен местом своего пребывания, либо фрустрирован

1	2	3
М. Чикзент-михали, Е. Рохберг-Хальтон (M. Csikszentmihalyi, E. Rochberg-Halton)		Символика домашних вещей и организации пространства как характерный показатель взаимовлияния человека и окружающей его среды. Вещи и предметы гораздо больше говорят о том, что человек может сделать и как он может повести себя, чем само его поведение и мысли. Именно поэтому предметы, которые окружают человека, играют важную роль в презентации его Я, что позволяет понять всю значимость отношений, которые существуют между человеком и окружающим его предметным миром. Физические объекты, как показали эмпирические исследования, могут символизировать широкий спектр значений: от инструмента для самовыражения, самоописания через механизм идентификации до символов, выражающих определенные духовные и культурно-исторические ценности

Н. Ф. Хилько и А. С. Шатров отмечают две тенденции, наблюдающиеся в понимании феномена среды зарубежными исследователями: во-первых, это стремление присвоить некоторые свойства или характеристики социального порядка средовым (искусственным, физическим) объектам, т. е. придать им определенное значение, перенести на них некоторую деятельность или ценности; во-вторых, наличие стремления интегрировать преимущественно в социально-психологические явления некоторые элементы внешней среды, рассматривая их в первую очередь как средство регуляции в сфере межличностных отношений [127].

Следует рассмотреть понимание среды и в отечественной науке (табл. 2).

Таблица 2

Теоретические подходы к изучению окружающей среды
в отечественной психологии

Представители	Основные положения
1	2
Н. Савченко	Выделяются шесть парадигм архитектурного пространства-времени, понимаемых как разные способы «бытия в среде» со своими специфическими способами видения этой среды: 1) время как вечность (идеи «верха» и «низа», «центра» и «контуров» и т. п.);

1	2
	<p>2) пространство полезностей (мир конкретных пространственных целей, которые и определяют течение или «дрейф» времени);</p> <p>3) метрическое пространство, связанное со стрелой времени (среда как объект измерения, анализа);</p> <p>4) пространство-орган (слияние со средой, ее восприятие как своей или чужой, вызывающее как бы «тремор» субъективно переживаемого времени);</p> <p>5) фигуративное пространство (пространство форм и значений, внезапное усмотрение которых вызывает временные саккады);</p> <p>6) ритуальное пространство со своими временными циклами (мир традиций и ритуалов поведения)</p>
В. Глазычев	<p>Выделяются два аспекта понятия среды: фиксация предметно-пространственного окружения, обстановки; поведение людей в предметно-пространственной обстановке. Средовой подход призван интегрировать эти, часто раздельно рассматриваемые, реальности; данный подход ориентирован «на сохранение целостности представлений о городской среде как отношении совокупности межчеловеческих взаимодействий и антропогенного ландшафта на всех уровнях этого отношения» [43, с. 249]</p>
Н. Шкопоров, Д. Михайлов	<p>Взаимопроникновение субъекта в среду и среды в субъекта осуществляется в экологическом, поведенческом, эмоциональном и когнитивном плане. Среда для субъекта выступает как «пространственно-временное тело бытия человека». Основные свойства среды: маргинальность, которая выражается в противоположности «улицы» (открытая, коммуникативная сторона города) и «двора» (замкнутая сторона жизни). Такое строение городской среды нередко влечет за собой и маргинализацию горожанина [131, с. 106]</p>
Ю. Круусвалл, М. Хейдметс, Т. Нийт	<p>Среда – целостный мир человека, в котором можно выделить четыре саморегулирующиеся области – природную среду, деятельностьную, социальную и культурную. Человек по отношению к этим областям выступает как живое существо, субъект, личность, индивидуальность. «Понятие “среда” не может иметь операционального содержания в эмпирических исследованиях, поскольку любая ее конкретизация вступает в противоречие с ее определением, следовательно, среда – это понятие метаязыка» [125, с. 123]</p>

1	2
Д. Н. Узнадзе	Среда – это промежуточная, буферная зона между человеком и остальным миром, это наиболее близко находящаяся от него часть мира, которая может быть включена в его личность. «Только то, что было творчески преобразовано, стало частью личности, и, с другой стороны, только то, что стало частью личности, отделилось от всего остального мира и стало его средой» [Цит. по: 1, с. 58]

На основе анализа отечественных теорий можно выделить следующие их особенности:

- большинство отечественных исследований носят прикладной характер: например, решение проблем организации городской среды, психологической обоснованности различных решений, касающихся рабочей и рекреационной среды; выявление диктуемых образом жизни семьи требований к жилой среде и др.;
- наблюдается использование системного подхода при построении большинства концепций;
- очевидным становится стремление к интеграции понятий «личность» и «среда».

Хотя среда часто рассматривается как неделимое единство, все же это интегративная многоаспектная система, имеющая несколько составляющих.

Традиционно в рамках среды выделяют следующие три подсистемы, описанные С. К. Нартовой-Бочавер [88].

1. Физическая среда, которая содержит:

- природные объекты – климат, растительный и животный мир, ландшафт, состав поверхности земли, состояние атмосферы, водный компонент, плотность заселения территории;
- искусственно созданные объекты – вещи, предметы;
- собственное тело человека, в котором локализованы во времени и пространстве психологические события.

Физическая среда задает измерение пространственности в человеческом бытии. Также физическая среда является «полем» проявления субъектности, т. е. объектом приложения сил и активности личности как самостоятельного субъекта.

2. Социальная среда – это окружение человека в рамках малых и больших групп. Соответственно, можно выделить такие подсистемы:

- среда малых групп, где активизируются индивидуальный и ролевой уровни поведения [18], происходят процессы воспитания и социализации личности;

- среда большого социума, где преобладают уже ролевое и массовидное поведение.

На разных этапах развития социальная среда изменяет значимость своих компонентов для личности: в младенчестве и детстве важна именно среда малых групп, начиная с подросткового возраста все большее значение приобретает общество, в пожилом возрасте вновь становится важным окружение малой группы.

3. Культурная среда, содержащая подсистемы:

- ценности, закрепленные в значениях, социальных предметах и знаках, осуществляющие упорядочение и регулировку социальных отношений и индивидуального поведения в обществе;

- предметный мир, представленный в вещах, которые осваиваются в ходе развития предметной деятельности, когда раскрываются общественно закрепленные функции, для реализации которых и создавалась вещь;

- система знаков – чувственно воспринимаемые элементы действительности, выступающие в определенном значении и используемые для хранения и передачи информации [88].

Г. М. Андреева выделяет в среде четыре подсистемы:

1) природная среда – общий природный фон;

2) среда «второй природы» – модификации природной среды, преобразованной людьми: уголья, дороги, зеленые насаждения, культурные растения;

3) «третья природа» – искусственный мир, созданный человеком, не имеющий аналогов в естественном мире: асфальт, бетон городов, транспорт, культурно-архитектурная среда;

4) социальная среда – своеобразная интеграция трех предшествующих сред, что дает в итоге определенное качество жизни, проявляющееся, например, в культурной оседлости [5].

Т. М. Дридзе выделяет четыре аспекта измерения жизненной среды:

- естественно-природный – первоначальная природная среда и биосфера: флора, фауна, качество воды, воздуха, почвы и т. п.;

- рукотворный – физическая среда, созданная человеком или возникшая в результате его деятельности, т. е. плоды технико-технологической цивилизации;

- информационный – потоки знаков и символов, формирующие коммуникативные сети, обеспечивающие трансляцию образов и норм в текстовой деятельности;

- социопсихоантропологический – люди, их менталитет, образ и стиль жизни [53; 54].

Р. Конин и Дж. Клэк систематизируют среду и выделяют следующие компоненты [159]:

- физический компонент – естественные и построенные элементы, которые в той или иной степени воздействуют на людей через органы чувств;

- социальный компонент – люди, их характеристики, поведение и отношения;

- административный компонент – законы, политика и религия;

- экологический климат – развивается в результате взаимодействия предыдущих трех компонентов друг с другом и с системой восприятия человека.

Таким образом, структура среды – вопрос, который остается открытым.

С. К. Нартова-Бочавер указывает, что среда как фактор развития человека может быть стабилизирующей и движущей [88]. В стабилизирующей среде поведение человека приспособлено к существующим условиям и появление новообразований или изменений в его поведении маловероятно. В движущей среде человек может оказаться в ситуации лабильности и в этом случае он вынужден вырабатывать новые формы поведения.

У. Иттelson и его коллеги разработали основные положения об окружающей среде через восемь ее основных характеристик [146]:

1. Окружающая среда переживается как единое и целостное поле.

2. Человек – часть окружающей среды.

3. Физическая окружающая среда тесно связана с социальной системой.

4. Степень влияния физической окружающей среды изменяется в зависимости от индивидуальных характеристик личности.

5. Окружающая среда часто воздействует на бессознательном уровне.

6. «Наблюдаемая» окружающая среда необязательно является «реальной».

7. Окружающая среда познается и постигается через набор ментальных образов.

8. Окружающая среда имеет символическое значение.

М. Черноушек определяет семь видов информации, которые характеризуют следующие ситуации восприятия окружающей среды как целого [129]:

1. Среда не имеет определенных, твердо фиксированных рамок во времени и пространстве.

2. Среда воздействует на все чувства, и информацию о среде мы получаем из сочетания данных всех органов.

3. Среда дает не только главную, но и периферийную информацию.

4. Среда содержит всегда больше информации, чем мы способны зарегистрировать и понять.

5. Среда воспринимается в тесной связи с практической деятельностью: восприятие связано с действием, и наоборот.

6. Любая среда наряду с физическими и химическими особенностями обладает психологическими и символическими значениями.

7. Окружающая среда воздействует как единое целое.

Среда органично включена в жизнедеятельность человека и служит важным фактором регуляции его поведения. С любым компонентом экосистемы индивид связан через процессы приспособления к ней и вместе с тем через процессы преобразования. Поэтому от того, каким сформирован образ окружающей среды в сознании человека, во многом зависит тип его поведения [5].

О. Е. Трущенко определяет городскую среду как совокупность исторически сложившихся условий (социально-экономических, социально-политических, культурных, экологических, пространственно-временных и т. д.) жизнедеятельности городского населения [121].

Городская среда – сложное субъектно-объектное единство, включающее в себя множество пространственно-функциональных и поведенческих взаимодействий. Пространство среды содержит ограниченный набор элементов, сложившихся в ходе длительной исторической эволюции: площади, улицы, переулки. Параметры этих элементов одновременно и образуют городскую среду, и задаются ею [96, с. 14].

Городская среда – соотнесенность, сопряженность, взаимосвязанность предметно-пространственного окружения с межчеловеческими взаимодействиями, происходящими в нем [42, с. 96].

Исследователь А. В. Иконников в понятие «городская среда» включает все, что образует материальную структуру города – от элементарных ячеек внутреннего пространства зданий до громадных территорий жилых, планировочных и промышленных районов города. Также входит в это понятие и необходимое «наполнение» того материально-пространственного костяка, который создает архитектура – словом, все, что необходимо для того, чтобы город функционировал [60, с. 9].

В теоретических работах В. Л. Глазычева, Т. М. Дридзе, Г. З. Кагана, К. Линча определен понятийно-категориальный аппарат характеристик городской среды, где городская среда трактуется следующим образом:

- как специально создаваемый комплекс естественных и искусственных объектов, взаимодействующих с пространством и друг с другом;
- совокупность архитектурно-пространственных, природных, социальных элементов, выделенных и освоенных субъектом (индивидуальным или коллективным) в процессе его жизнедеятельности, образующих целое;
- качественное, определенное, структурированное пространство, наполненное объектами, потенциалом связанности и развития;
- художественно осмысленное пространство, возникающее из общего реального пространства с помощью архитектурных форм;
- материальное выражение смыслотворчества, кодирующего свои образы;
- качественное состояние естественно-природных и искусственных составляющих, характер информационного обмена и символики;
- пространственная замкнутая система, имеющая начало и конец;
- как пространство, сложенное из пространств человеческого общения [41–43; 53; 54; 61; 62; 80].

По мнению С. Костофа, городская среда состоит из двух элементов: городских форм и городских процессов. Городские формы – это физическая организация пространства города, преобладающие архитектурные решения, создающие городские пейзажи. Городские формы – это статика города, динамику отражают городские процессы, к которым Костоф относит, во-первых, физические изменения городской среды, связанные с фактором времени, и, во-вторых, изменения, инициируемые людьми, организациями, социальными институтами, находящимися в данной городской среде.

С. В. Пирогов выделил ряд феноменологических особенностей восприятия городской среды [97]:

1. Континуальность среды (протяженность среды в пространстве), поскольку среда – это не простой набор дискретных объектов, а некоторая протяженность, основанная на взаимосвязи всех ее элементов. С изменением одного элемента происходит изменение всей среды.

2. Процессуальность среды (протяженность среды во времени), когда средой является поток изменений, процессов, смена ситуаций.

3. Реляционность среды (продолжение среды в отношениях), когда город является и носителем, и хранителем истории, событий. В то же время события как значимая система действий существуют в смысловом контексте, при утрате которого отдельные фрагменты городской среды теряют свою выразительность или исчезают для восприятия.

4. Интенциональность среды (продолжение среды в коммуникативных замыслах), когда среда города становится культурной, социальной, коммуникативной, смысловой, духовной и материальной конструкцией пространства, которая придает определенному месту города свой внутренний смысл, отражает его сущность в восприятии горожан и формирует определенные типы поведения в этом месте, в том числе поведения коммуникационного. Восприятие, в свою очередь, корректируется, основываясь на выполняемых средой функциях, значении места для горожан, отношении к нему и его имиджевых характеристиках, прозвищах и неофициальных названиях места и т. п.

5. Интерпретативность среды (продолжение среды в истолковании и понимании), когда среде придаются определенные значения. Здесь среда понимается как текст и ей придаются такие характеристики, как емкость, выразительность и конвенциональность.

Приведенные определения позволяют сделать вывод, что понятие «среда» применяется не к объекту (город), а к процессу (городское бытие), который не существует вне рамок культуры. Городская среда – явление, возникшее на стыке двух миров – города и человека, включающее в себя два основных компонента: материальное наполнение (архитектура, дизайн, монументальное искусство и др.) и человека во всем многообразии проявлений его деятельности. Городская среда как продукт материального искусства и культуры формирует образ жизни человека и общества, в ней живущих.

Глава 2. ГОРОД КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Противоречивые и неоднозначные по своей природе процессы урбанизации, с которыми связаны все возрастающее воздействие крупных городов на жизнь человека и резкое обострение в этой связи многообразных проблем, делают город важным объектом научного анализа.

Город – особая территориально-административная, социально-хозяйственная, социокультурная форма существования общества. В языках разных народов существует множество терминов для обозначения этого феномена: «город», «сити», «таун», «урбс», «полис», «бург», «медина», «нагара» и др.

Города отражают ход развития нашей цивилизации, поэтому в истории человечества город занимает одно из центральных мест. Достаточно упомянуть, что именно города являлись культурными, экономическими и политическими центрами с древнейших времен. Недаром в латинском языке слова «город» и «цивилизация» имеют общий корень *civitas* – гражданство, народ [77]. При этом город, городская среда, городской образ жизни – явления достаточно молодые относительно всей истории развития человека как биологического вида и даже как социального существа.

С позиции современной науки, человечество появилось примерно 100 000 лет назад. И первые 90 000 лет из них основными источниками существования человека были охота и собирательство. В это время люди не вели оседлый образ жизни в связи с необходимостью

перемещения по сезонным маршрутам для нахождения пропитания. Если животные и растительные ресурсы позволяли, то сообщества людей оставались на одном месте в течение длительного времени. Но как только источники пищи истощались, люди перемещались на другую территорию. В этих условиях они жили небольшими группами в 23–50 человек, что было обусловлено возможностями местности в плане обеспечения их жизнедеятельности.

Затем, примерно 10 000 лет назад, перед самым концом ледникового периода, произошли серьезные изменения в образе жизни человечества. Необходимость, связанная с ростом популяции человека и дефицитом животных и растительных ресурсов, вынудила людей осесть на одном месте и сформировать более комплексные социальные структуры, которые занялись одомашниванием скота и окультуриванием растений. Эти процессы были возможны, только если община оставалась на одном месте достаточно долгое время, но именно зарождающееся сельское хозяйство могло обеспечить выживание более крупных человеческих сообществ. Многие ученые рассматривают этот период как поворотный в истории человечества (сельскохозяйственная революция) [183].

На этом этапе «генезис города являл собой предметно-территориальную форму интеграции новых хозяйственных, социальных и коммуникативных структур» [97, с. 34].

На протяжении последующих 5000 лет во множестве возникали новые поселения людей. Поскольку скотоводство и земледелие оказались более эффективными источниками продовольствия, в сообществах образовывался излишек, который позволил некоторым членам сообщества выполнять иные, нежели поиск пропитания, функции (например, заниматься ремесленничеством). Так возникновение первоначальных постоянных поселений привело к изменению самой социальной структуры существования человека, основанной на дифференциации труда [180].

Первоначально считалось, что первые города зародились в Месопотамии примерно 6000 лет назад в период среднего энеолита, а оттуда получили распространение в долине Инда и Китай и к западу – в Греции. Однако современные археологические изыскания опровергают устоявшийся стереотип. Установлено, что некоторые поселения эпохи неолита (примерно 8000 лет назад) имеют черты города – Иерихон, Эйн

Газал, Йатал Хийюк и Хирохития. Одно из них было окружено огромной каменной стеной, другое имело высокую плотность и большую численность населения, третье сконцентрировало в себе торговые пути.

Археологические исследования последних десятилетий совершили переворот в понимании истории города. Было открыто, что Иерихон существовал уже 10 000 лет назад. В то время он обладал другой структурой и несколько иным местоположением, но, безусловно, являлся городом, хотя до сих пор между учеными ведутся дебаты по поводу статуса древнего Иерихона: одни утверждают, что постройка упорядоченных между собой зданий и население около 600 человек позволяют назвать Иерихон городом уже начиная с VIII тысячелетия до нашей эры; другие указывают на небольшой по современным меркам размер этого поселения для присвоения ему статуса города. Как считается, размер является не единственным важным фактором в решении данного вопроса. Плотность населения и сложность социальных процессов, в том числе и власти, утверждают Иерихон в истории как городское поселение [180].

Уже на самых ранних этапах существования Иерихона в нем присутствовали здания из высушенного на солнце кирпича, крепостные стены, башни и ров. В продолжение всей своей истории Иерихон рос и перестраивался. Были периоды, когда его оставляли все жители, но затем он возрождался уже новыми поселенцами. На этом примере можно заметить, что история городов не должна редуцироваться. Города не развиваются линейно, их население не всегда неизменно возрастает. Неоднородность внешних и внутренних факторов развития, а также неожиданные поворотные события могут очень круто поменять жизнь города, подтолкнув его или к прогрессу и расцвету, или к гибели.

Также к ранним городам историки относят и Чатал-Гуюк – древнейший город в Анатолии. Площадь его в три раза больше Иерихона. Пока раскопана только 30-я часть всего Чатал-Гуюка. Обнаружено 14 строительных горизонтов. Та часть, которая раскопана, существовала как городок примерно с середины VII тысячелетия до нашей эры до середины VI тысячелетия до нашей эры. Большинство ученых полагают, что Чатал-Гуюк существовал уже в 6500–5400 г. до нашей эры [152].

Только через 1500–2000 лет после возникновения Иерихона города появляются в Месопотамии на равнинах между Тигром и Евфратом, затем в Египте, чуть позднее – в Индии и Пакистане. В Юго-

Восточной Азии (Бирма, Малайзия, Индокитай) в I тысячелетии нашей эры документально подтверждено возникновение городов. Первые американские города – Тикаль и Юаксактун – были расположены в Гватемале и на Юкатане.

Первые города продемонстрировали свою состоятельность как поселения и формы сообщества. Они эффективно обеспечивали безопасность собственных жителей и давали возможность для роста их благосостояния. Все больше людей понимали выгоду городской жизни, и идея города получила широкое распространение.

В последующие тысячелетия города множились в числе и прирастали населением. Но их рост приносил не только выгоды, но и проблемы: требовалось большее количество товаров и услуг, которые должен был предоставлять город. При этом в управлении нуждались не только процессы производства и распространения товаров, но и потребности жителей городов. Некоторые города ответили на этот вызов, усложняя свою социальную структуру и преобразуясь в города-государства, а затем и формируя вокруг себя первые всемирные городские империи. Этот период (около 4000 лет до нашей эры – 500 г. нашей эры) В. Г. Чайлд (V. G. Childe) назвал периодом «первой городской революции» [153]. Территория, занимаемая городами, возрастала, умножалось их население, достигая пределов, ранее неизвестных истории человека (например, в Риме в период его расцвета проживало более миллиона жителей). Города способствовали улучшению качества жизни народа, обеспечивали наличие альтернатив в поведении и жизни, будили воображение, но, в соответствии с жесткими классовыми различиями, все эти выгоды города предоставляли ограниченному кругу лиц – привилегированному городскому меньшинству. С появлением городов-государств и городских империй прогрессировали все социальные институты, в том числе и институт войны. Кровавопролитие и жертвы в результате людского противостояния в этот период были беспрецедентны для всей предыдущей истории.

После распада Римской империи в средние века большинство развитых европейских городов пришли в упадок. Численность их населения значительно сократилась, «большие города, которые могли похвастаться населением более 100 000 человек, стали фактически изолированными деревнями» [180, с. 42]. Малая численность населения обуславливала низкий уровень производительности, что, в свою очередь, приводило к стагнации городов. Основной задачей городов

выступала защита населения, поэтому часто они превращались в города-крепости, недоступные и самодостаточные.

Изменения пришли с эпохой Ренессанса. Возрождение городов было связано с возвратом к гуманистической концепции городской жизни, которая была характерна для древних Афин. На протяжении этого периода города постепенно возвращали интерес к искусству и архитектуре.

В XVII столетии разрушающаяся старая феодальная структура власти привела к распространению больших свобод, в том числе и свободы места жительства. Торговля как социальный институт и социально-экономическое явление занимала все более значимое место в жизни горожан и начала постепенно заменять сельское хозяйство как доминирующий способ получения дохода. Это привело в последующие столетия к интенсивному росту городов по всей Европе.

В XX в. улучшение качества жизни, системы здоровьесбережения жителей города привело к демографическому взрыву, сказавшемуся и на развитии городов, поскольку способствовало возникновению мегаполисов – городов-гигантов. Так, по мнению ученых, к 2015 г. на нашей планете будет уже 22 города, численность населения в которых превысит 10 млн человек [203].

С. Костоф (S. Kostof) подчеркивал неравномерность городского развития в пространстве и во времени. «Городская революция вспыхивала независимо в нескольких местах на Земле и в различное время». Таким образом, города не являлись «переносимым» явлением. Они не распространялись как образцы, а возникали на определенном этапе развития той или иной цивилизации как норма и показатель «цивилизационного уровня развития сообщества» [175, с. 31].

Жизнь городов имела и имеет огромное значение для развития человеческой цивилизации. В ходе истории именно города представляли собой ту почву, на которой возникали и взращивались новые идеи, социальные явления и процессы.

Как указывает Э. В. Сайко, город – один из решающих факторов перехода к цивилизации (а не просто факт результата развития цивилизации и ее успехов, как это часто представляется) [107].

Несмотря на то, что большая часть населения Земли до сих пор не проживает в городах, в развитии данных образований наблюдается определенная тенденция, раскрывающая их определяющее значение

для развития общества. Города, особенно большие, являются характерной чертой технократической цивилизации. В 1800 г. на земном шаре существовал 21 город, насчитывающий более 100 000 жителей. В 1940 г. таких городов было уже 720 [134]. А к 1990 г. численность городов-стотысячников возросла до 2647, к этому времени в них проживало 29% от всего мирового населения [186].

В современном мире городская жизнь стала нормой существования любого человека, неотъемлемой от его жизнедеятельности и мироощущения. Сам феномен города представляется как нечто «естественное», «неотъемлемое» для любого из нас. Он является средоточием, центром культурной, деловой, коммуникативной, информационной активности обширных территориальных образований. В то же время сам город и городская жизнь достаточно редко выступают в качестве объектов научных исследований непосредственно, хотя опосредовано они, безусловно, интересуют и экономистов, теоретически осмысливающих урбанистические факторы как почву для развития региональной и государственной экономики, и социологов, определяющих воздействие условий городов на общественное мнение и социальные устремления, и географов, интересующихся территориальным распределением народонаселения отдельной страны или всего мира.

Представители других наук также не обходят город вниманием, но рассматривают его как константное условие динамики интересующего их объекта исследования. При этом той или иной наукой, социальной структурой, организацией город, его составляющие и особенности воспринимаются изолированно, узко фокусированно на интересах данной науки или общности. Так, в недавнее время получил широкий общественный резонанс вопрос о строительстве в историческом центре Санкт-Петербурга 403-метрового здания офисного небоскреба «Охта-центра». Экономическая выгода от него и необходимость для деловой жизни северной столицы не раз подчеркивались губернатором Петербурга В. Матвиенко. Но при разработке проекта недостаточно внимания уделялось его конгруэнтности среде исторической застройки центра города. Различные общественные организации и министр культуры Петербурга А. Авдеев обращали внимание на возможность нарушения «небесной линии» – воздушных панорам города, что приведет к дефекту целостности восприятия города [99]. С психологической точки зрения при восприятии данное здание будет

выступать как обособленная основная «фигура», за которой другие здания, представляющие гораздо большую эстетическую, культурную и историческую ценность, не будут замечаться, а останутся только «фоном» для внушительного небоскреба.

Подобную ситуацию Н. Б. Демидов объясняет появлением триумвирата новых градостроительных тенденций: «предмет – время – место». «Предметом» являются композиционные и функциональные принципы организации нового градостроительного образования (высотного делового и общественного центра города). «Время» отражает особенности процесса организации нового строительства в современных российских условиях с учетом политико-экономической и социальной составляющих, процессов новейшего градостроительного этапа в России и мире. «Место» – аспект, учитывающий процессы развития делового центра по отношению к исторически сложившейся структуре города [51].

На наш взгляд, город, как и все созданное человечеством, должен рассматриваться комплексно с учетом всех его особенностей и артефактов с точки зрения разнообразных научных направлений. Без этого представление о таком «обыденном», но малоизвестном объекте будет неполным, дискретным или даже ущербным.

Э. В. Сайко отмечает парадокс современного состояния науки: по ее мнению, на сегодняшний день не существует точного и полного определения города, хотя проблемы города исследуются в разных аспектах. Обсуждаются условия его становления, его будущее, принципы организации, степень урбанизации, морфологические признаки (размеры, численность населения) в качестве главных его характеристик. Однако становится ясно, что ни функции, ни признаки не могут определить город, так как не выражают его специфическую субстанциональную сущность – как социокультурного явления [107].

Выделение города как такового чаще всего происходит в рамках его понимания как крупного населенного пункта, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры [20]. К критериям отнесения населенного пункта к категории «город» можно причислить:

- численность населения;
- функции, которые населенный пункт выполняет (промышленно-производственная, организационно-хозяйственная, культурно-по-

литическая и административная, функция отдыха и развлечений, функция лечения и др.);

- плотность заселения;
- компактность застройки [20].

Формализованное отнесение населенного пункта к категории «город» происходит через присвоение ему статуса города. В большинстве стран (и в России в том числе) присвоение поселению городского статуса закрепляется законодательно, но в отдельных странах это понятие является не юридическим, а только историческим, обиходным или статистическим. Один из распространенных базовых принципов придания населенному пункту статуса города – численность населения. Согласно рекомендациям ООН для возможности сопоставления урбанизации стран и других целей предлагается считать городами все поселения, имеющие 20 тысяч жителей и более.

В России населенный пункт может приобрести статус города, если в нем проживает не менее 12 тысяч жителей и не менее 85% населения, занятого вне сферы сельского хозяйства. Тем не менее, в России достаточно много городов (208), население которых меньше 12 тысяч человек. Это связано либо с историческими факторами, либо с изменением количества жителей населенных пунктов, уже имевших статус города. С другой стороны, некоторые населенные пункты, удовлетворяющие приведенным выше требованиям, не стремятся получить статус города, чтобы не потерять определенные льготы.

На начало 2010 г. в России насчитывается 1099 городов, 12 из которых являются «миллионниками»: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград. Постоянно в указанных городах проживает более 28,2 млн человек. Только за 20 лет (в период с 1989 по 2009 г.) в нашей стране появились 62 новых города [89].

Процесс роста численности городского населения называется урбанизацией, основу его составляет миграция сельского населения в города. Для урбанизации характерна концентрация населения в больших (с населением свыше 100 000 человек) и сверхбольших (свыше 1 000 000) городах. Именно рост больших городов, связанные с ними новые формы расселения и распространения городского образа жизни наиболее ярко отражают процесс урбанизации населения. Самый высокий процент городского населения имеют развитые страны: в Европе – Великобритания

(91%), Швеция (87), ФРГ (85), Дания (84), Франция (78), Нидерланды (76), Испания (74), Бельгия (72%); в Северной Америке – США (77%) и Канада (76%); в Азии – Израиль (89%) и Япония (78%); в Австралии и Океании – Австралия (89%) и Новая Зеландия (85%); в Африке – ЮАР (50%). Когда доля городского населения превышает 70%, темп ее роста, как правило, замедляется и постепенно (при подходе к 80%) приостанавливается [139].

Большие города, в ходе своего развития сливаясь с другими близлежащими поселениями (поселками, деревнями, малыми городами), образуют городские агломерации. На данный момент в России существует более 20 агломераций, самая крупная из которых Московская (в ее состав входят более 50 городов и в ней проживают более 14,5 млн человек).

На современном этапе развития город становится особой, не только территориальной, но и психологической формой существования человека в мире. Таким образом, город может рассматриваться и как территория, и как особый вид социального сообщества (так называемая территориальная общность), когда под городом понимается исторически сложившаяся, территориально локализованная форма организации жизнедеятельности общества, в основе функционирования которой лежит механизм городского устройства, выражающий способ взаимосвязи подсистем, составляющих социально-пространственную структуру города: городской социальной инфраструктуры, городской социальной морфологии, социальной стратификации городского населения, городской культуры, городского образа жизни.

В то же время актуальной становится задача – определить сущность явления города и его специфических особенностей, отличающих его от других типов поселений.

На данный момент в социологии, экономике, географии, психологии и других науках существует огромное множество определений феномена города. Все эти частные определения, как правило, делятся по трем основаниям:

- 1) территориально-поселенческому – когда город понимается как общность совместно проживающих людей (Ласло Пал, И. Б. Нахутин);
- 2) социально- или структурно-функциональному – город как система функциональных групп (Е. Е. Горяченко, Б. Ф. Марков);
- 3) ментальному – город как культурно-духовный феномен объединения людей (Дж. Торенберг, Т. В. Семенова, Г. В. Акопов).

Город является некоей универсалией всемирной истории, всегда имевшей устойчивые признаки, отличавшие ее от догородских поселений. Эти признаки проявились на самых ранних стадиях урбогенеза, и тогда же обозначились некоторые всеобщие закономерности и тенденции городского развития.

С. Костоф [175] выделяет следующие признаки, по которым тот или иной тип поселения может быть признан городом:

1. Город – это поселение, где имеет место некое активизированное объединение людей, характеризующееся не конкретным размером или численностью, а плотностью заселения.

2. Города объединяются в группы. Отдельный город не может существовать в отрыве от других городов. Все они включены в урбанистическую систему и иерархию, в которой выделяются системообразующие центры (столицы, экономические и политические центры), подчиненные им крупные города, связанные с первыми торговыми и социальными обязательствами, и небольшие города (поселения), вырастающие на путях связи между центром и периферией. Например, в Древнем Китае урбанистическая иерархия была выражена суффиксами, которые добавлялись к названию города. Так, Костоф упоминает, что суффикс *fu* добавлялся к названию городов первого порядка, *chu* – для более низкого иерархического статуса, для самого низкого использовался суффикс *hieu*.

3. Город – это тот тип поселения, который имеет четкие очертания и воспринимаемые границы собственной территории. Так, средневековые города имели крепостную стену и охраняемые ограниченные входы-выходы для отделения территории города от внешнего мира. Даже если за пределами крепостной стены и возникали стихийные поселения (так называемый *подол*), то они все равно не считались городом. В современном мире стены заменяются топографическими границами – «чертой города» и психологической идентичностью.

4. Исторически сложилось так, что города являются поселением со специализированной дифференциацией труда и социальной неоднородностью. Деревня более гомогенна, среди ее жителей может встречаться только одна фамилия, всех ее обитателей так или иначе объединяют родственные отношения, схожие трудовые обязанности и высокая взаимозаменяемость на основе универсальности труда. Для города подобное нехарактерно – здесь выделяются особые социальные категории: торговцы, жители, ремесленники, чиновники и др.

При этом для перехода индивида из одной категории в другую необходимо изменение некоторых внешних базовых условий и характеристик самого индивида (уровень и спецификация образования, уровень дохода, место жительства и т. п.).

5. Город – это источник финансового роста, как отдельных граждан, так и государства в целом. Благодаря четкой дифференциации труда и высокой конкуренции, создающей уникальность некоторых трудовых ресурсов, в городе образуются разнообразные излишки, служащие источником дохода и повышающие качество жизни горожан, в отличие от сельских жителей.

6. Город – явление бюрократическое. Его существование фиксируется в документальных источниках, жизнедеятельность целенаправленно и перманентно регистрируется отдельными лицами или ведомствами и определяется особыми законодательными нормами. В результате в условиях функционирования городов появляется особый слой – чиновники. При этом происходит отчуждение чиновничества от остального населения, основанное на его кастовой исключительности. Государство берет своих служащих из всех сословий, в одной и той же коллегии оно соединяет сыновей дворянских родов, городских обывателей и крестьян; но они все чувствуют себя равно отчужденными от всех сословий. Им чуждо сознание общего блага, они не разделяют жизненных задач какого-либо из сословий или классов в отдельности.

7. Город неотделим от его окрестностей и подчиненных территорий. Они находятся между собой в тесной симбиотической связи, деревни и поселки обеспечивают город продовольствием, а он, в свою очередь, дает им защиту и производит орудия труда для сельского хозяйства.

8. Город имеет сложную социально-техническую структуру, выраженную в многообразии строений и выполняемых ими функций. Средневековые города в первую очередь выделяло среди деревень здание ратуши (чаще всего имевшее башенные часы). Также в отличие от деревень в городах присутствовали многообразные технические нововведения – водопровод, канализация.

9. Город – это не только материальный каркас, но и специфическая социальная сеть, созданная отношениями живущих и функционирующих в нем людей [175].

При рассмотрении феномена города часто априори говорится только о больших городах, поскольку городской образ жизни рафинируется именно в рамках этих образований.

Л. Уирф определяет большой город как довольно многочисленное постоянное поселение с большой плотностью социально разнородных индивидов [210]. По Мамфорду, большой город – это место максимальной концентрации государственной власти и культуры общества [184].

Т. В. Семенова считает, что город можно называть большим тогда, когда в сообществе его жителей начинают формироваться новые правила совместного проживания, новые нормы и новые психологические защиты, поскольку старые нормы и правила ограничивают проявление и реализацию открывающихся новых возможностей [109].

Как полагает И. Б. Нахутин, мегаполисы являются ареалами наиболее глубокого преобразования окружающей среды. Сочетание на их территории первичной биосферы и созданной человеком техносферы приводит к возникновению новой, более сложной, постоянно меняющейся среды – биотехносферы, включающей природную, техногенную, социальную и другие подсистемы [90].

Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский [133] выделяют следующие различия между большими и малыми городами:

1) в малых городах присутствует сильный неформальный контроль, жители общины более жестко относятся к инновациям, которые несет с собой новый член сообщества. Жители малых городов ревниво охраняют свои традиции;

2) в малых городах община оказывает более сильную поддержку, что является одним из важнейших ресурсов выживания. Слабые связи соседей бывают часто гораздо эффективнее родственных отношений [102];

3) история семьи в малых городах становится не только личной историей, она известна большинству жителей и на ее основе формируются мнение и ожидания по отношению как ко всей семье, так и ее отдельным представителям;

4) в малом городе естественней происходит процесс социализации. В больших городах образцом для идентификации являются только члены собственной семьи (хотя частично и присутствуют в этом процессе элементы масс-медиа), в малом – практически все роли исполняются конкретными людьми, поведение и жизнь которых может наблюдать каждый;

5) с одной стороны, житель малого города – хозяин не только дома, но и участка земли, которая обеспечивает его минимальные по-

требности, с другой – он является носителем не индивидуального, а общинного сознания;

6) среда малого города в основном рукотворна, сомасштабна человеку, разнообразна. Она создает особый дух города и поддерживает культурную преемственность поколений;

7) в малых городах общение более гетерогенно. Если в больших городах человек общается с небольшим кругом лиц, составляющих его семью, друзей, коллег, хотя и контактирует со множеством людей, то в малых городах общение строится на территориальной близости и объединяет людей из самых разных слоев общества;

8) малые города, как правило, обладают одним градообразующим предприятием, что ограничивает альтернативы в сфере занятости населения;

9) культурная жизнь в малых городах самостоятельна и основана на энтузиазме жителей.

Как отмечает Г. М. Лаппо, существует три общественно значимые функции, которые выполняют большие города:

- создания нового – обеспечение научно-технического прогресса;
- интеграции – укрепление целостности народнохозяйственного комплекса;
- центрации воспроизводственного процесса – именно большие города культивируют определенный образ жизни (сосредоточение и воспроизводство такой категории населения, как интеллигенция, специалистов высшей квалификации) [76].

А. Э. Гутнов рассматривает понятие «город» в трех аспектах:

1) как развитый народнохозяйственный комплекс, где связаны воедино десятки и сотни самых разных предприятий и производств;

2) как мощное инженерное хозяйство, своего рода систему жизнеобеспечения для больших скоплений населения;

3) как колыбель и вершину цивилизации, где всегда создавались и продолжают создаваться наиболее выдающиеся образцы материальной и духовной культуры человечества [47].

В настоящее время существует несколько классификаций городов по различным параметрам:

1. В зависимости от количества населения города делятся:

- на малые (до 50 тыс. жителей);
- средние (50–100 тыс. жителей);

- большие (100–250 тыс. жителей);
- крупные (250–500 тыс. жителей);
- крупнейшие (500 тыс. – 1 млн жителей);
- на города-миллионеры (свыше 1 млн жителей).

2. В зависимости от степени влияния на мировую экономическую, политическую, научную и культурную жизнь в рамках мировой городской структуры выделяются:

- «глобальные центры», или «театры мировой аккумуляции». В них сосредоточены транснациональные корпорации, международные банки и организации, от которых зависит принятие тех или иных стратегических решений международного значения;
- «национальные метрополии», или «театры национальной аккумуляции». Они участвуют в выработке тактических решений и действий;
- «региональные центры», или посредники в осуществлении «стратегических» и «тактических» решений;
- все остальные города [39].

Функции города – его роль, назначение в обществе. В любом городе имеются функции градообслуживающие (отрасли производства, обслуживающие население города) и градообразующие (отрасли и производства, продукция и услуги которых идут за пределы города).

Градообразующие функции делятся на центральные (разнообразное обслуживание окружающей город территории) и специальные (специализирующиеся на какой-либо отрасли в масштабах всей страны или ее крупной части).

Крупные города, как правило, полифункциональны, т. е. выполняют сразу несколько функций (хотя и среди этих функций обычно можно выделить преобладающую). Небольшие города очень часто монофункциональны.

Возникновение плеяды городских поселений на базе крупного города вносит коренные изменения в картину расселения. Агломерации становятся ключевой формой территориальной организации производительных сил и расселения. Агломерирование носит выборочный характер, но в то же время весьма распространено. Крупный город находит в агломерациях свое дополнение и одновременно обретает новые возможности для решения своих проблем, в том числе и экологических. Выдающийся потенциал крупного города реализуется полнее.

В социальном отношении городская агломерация – ареал, в котором замыкается недельный цикл жизнедеятельности современного горожанина. У агломераций два фундаментальных свойства: сближенность образующих их поселений и взаимодополняемость (комплементарность) последних. С агломерациями связан существенный экономический эффект, обусловленный возможностью замкнуть в пределах территориально ограниченных агломерационных ареалов значительную часть производственных и иных связей. Это особенно важно для стран с большой территорией.

Типология малых городов, составляющих агломерацию мегаполиса, выглядит следующим образом:

- центр малой агломерации (Верхняя Пышма, Березовский);
- город науки (Озерск);
- многоотраслевой город с разнообразной промышленностью (Нижний Тагил);
- город-спутник (Сысерть, Полевской);
- город – местный центр, рекреационный центр, промышленность местного значения (Невьянск, Первоуральск);
- монофункциональный центр: промышленный, научный, транспортный (Асбест).

Данная типология, например, использовалась при разработке «Стратегического плана Екатеринбурга» [119].

Типы городов России:

1) центральные места:

- столица (Москва);
- центры экономических районов (Воронеж);
- центры субъектов (Майкоп);
- межрайонные центры (Орск);
- районные центры (Козельск);
- внутрирайонные центры (Апрелевка);

2) специализированные (отраслевые) центры:

- промышленные (Тольятти);
- транспортные (Новороссийск),
- научные (Пушино);
- туристические (Суздаль);
- курортные (Сочи) [39].

А. В. Иконников различает города по ряду параметров [60].

По величине: малые (до 50 тыс. жителей), средние (до 350–400 тыс.), крупные (до 1 млн), гиганты (свыше 1 млн жителей).

По преобладающим функциям: промышленные (Череповец, Рубцовск, Комсомольск-на-Амуре); административно-индустриальные (Кострома, Волгоград); административно-культурно-индустриальные (Самара, Новосибирск); портовые с развитой промышленностью и культурной, административной сферами (Архангельск, Владивосток) и портовые специализированные (Ванино, Находка); курортные (Кисловодск, Сочи); «наукограды» (Обнинск, Саров).

По региональной принадлежности: Архангельск – на Северо-Западе, Орел – в центре, Кемерово – в Сибири.

По длительности существования: древние (более 500 лет) – Новгород Великий, Великий Устюг; старые – Воронеж, Елабуга; новые (менее 100 лет) – Нижнекамск, Норильск, Магнитогорск.

По составу жителей (по соотношению половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп населения): «молодые» (Уренгой), «старые» (Мышкин); социально дифференцированные в большой мере (Курск) и слабо дифференцированные (Пушино); моноэтнические (Миценск), с двумя-тремя преобладающими этническими группами (Казань, Уфа), полиэтнические (Москва, Ростов-на-Дону).

По стабильности населения – соотношению коренных горожан и мигрантов из сельских поселений, других городов и регионов.

В различных исследованиях (социологических, философских, психологических и пр.) город отражается как особая форма сообщества, как тип особой социальности, т. е. выступает как социальный феномен.

Другой подход к классификации городов был предложен К. Линчем, который выявил три вида моделей формирования города:

1. Космическая модель (святой город). Должен быть толкованием мироздания или всего божественного. Свойства архитектуры такой модели характеризуются монументальными осями, защитными ограждениями и укрепленными воротами: это основной знак этой модели, основанный на систематической архитектуре и пространственной организации его структуры в соответствии с определенными религиозными представлениями.

2. Практическая модель (город как механизм). Фактический, функциональный, «холодный» город. Состоит из маленьких, независимых частей, связанных одним механизмом, который, в отличие от них, имеет четкие функции и структуру. Это города, построенные для выполнения какой-либо определенной функции, являющиеся не самоцелью, а ресурсом, обеспечивающим выполнение этой функции.

3. Органическая модель (биологический город). Город как одушевленный предмет. Имеет конкретные границы и оптимальный размер, неделимую внутреннюю структуру и свой ритм жизни, который иногда меняется для идеального баланса [179].

Очевидно, что город – многоплановый, полисмысловой феномен, берущий свое начало в древнейших пластах истории человечества. Его развитие неразрывно связано со становлением цивилизации, поскольку его структура, наполнение, образ жизни в нем, феномены, которые он формирует, – все это является лишь отражением конкретной культуры, экономики, политики общества с одной стороны и глобальных архетипов, основанных на потребностях как индивида, так и социальной группы, – с другой.

Глава 3. ОБРАЗ ГОРОДА

Образ в одном из психологических словарей определяется как субъективная картина мира или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий [113].

Кроме того, в психологии понятие «образ» используется в нескольких значениях. Наряду с более общим толкованием, синонимичным понятиям «отражение» и «психика», существует традиция, связывающая с образом преимущественно перцептивные процессы, которые лежат в основе восприятия. Например, при описании развития мышления ребенка выделяют стадию наглядно-образного мышления, отличие которой от более ранних и последующих стадий состоит в опоре на зрительные представления и их трансформации как средства решения мыслительных задач. Выделяется также категория умственного образа, каковым, в частности, является значение. С точки зрения исследования возрастного развития индивида, образ предполагает интериоризацию схем действия с предметами (Дж. Бруннер, А. В. Запорожец, Ж. Пиаже). В работах А. Н. Леонтьева была выдвинута гипотеза об образе как многомерном психологическом образова-

нии. К числу пяти его «квазиизмерений» относятся координаты пространства-времени и «квазиизмерение» значения. Последняя из этих образующих, в свою очередь, может быть представлена с помощью соответствующих средств математической обработки (многомерное шкалирование, кластерный анализ и т. д.) в виде разнообразных геометрических моделей – субъективных семантических пространств.

Образ города – субъективная картина окружающей пространственно-предметной среды, искусственно создаваемой человеком на протяжении определенного времени, с включением развернутой системы динамических взаимосвязей между элементами и эмоционально-чувственным компонентом воспринимающей личности.

В зависимости от субъекта можно дифференцировать образ города индивидуальный, коллективный, национальный или образ города в контексте исторической эпохи.

Соответственно, каждый из них выполняет определенные функции. В обобщенном виде в качестве функции города можно выделить:

1. Коммуникативную функцию – помимо реализации семантико-символической задачи, образ города реализует контактоустанавливающую функцию, обеспечивая возникновение таких феноменов, как соседство, землячество и др.

2. Мировоззренческую функцию – формирование целостной картины мира, а также чувства сопричастности городскому сообществу и, соответственно, патриотизма к городу.

3. Социализационную функцию – обеспечение функционирования механизма нормообразования социальных норм и формирования правил поведения в конкретном городе, что способствует процессу адаптации в городском социуме.

4. Функцию личностной самореализации – создание условий для реализации личностного потенциала через обеспечение механизмов идентификации с городским сообществом и одновременное обособление от него.

5. Прагматическую функцию – реализацию личностью на основе образа города прагматических целей и задач.

6. Магическую функцию – элемент неожиданности, тайны, загадки, когда город воспринимается как лабиринт и способствует удержанию внимания и поддержанию его привлекательности для человека [97].

Образ города – это результат восприятия. На формирование образа города оказывает влияние целый ряд факторов; центральными из них с точки зрения психологии являются сенсорные особенности среды, особенности установок воспринимающей личности и архетипы человеческого сознания.

Проблема восприятия в психологии до сегодняшнего дня остается одной из центральных и ключевых проблем. Она рассматривается в двух основных планах: во-первых, как проблема превращения объективных событий в содержание чувственного опыта субъекта (гносеологический план), которая предполагает исследование механизмов чувственного отражения энергетических, пространственно-временных и предметных характеристик среды; во-вторых, как проблема событийности восприятия (онтологический план); связана с выявлением закономерностей порождения и становления перцептивных образований, поиском условий их существования и развития. В первом случае восприятие рассматривается в результативной форме, что позволяет изучить его состав, структуру и способ функционирования; во втором специализируется процессуальная сторона перцепции: ее генезис и динамика.

Восприятием называется отражение в сознании человека предметов и явлений в совокупности их свойств и частей при их непосредственном воздействии на органы чувств. В ходе восприятия происходит упорядочение и объединение отдельных ощущений в целостные образы вещей и событий. Восприятие связано с осознанием, пониманием, осмыслением предметов, явлений, с отнесением их к определенной категории по соответствующим признакам и основаниям. Только включив предмет или явление в определенную систему, охватив его соответствующим понятием, человек может правильно интерпретировать его [44, с. 99].

Таким образом, восприятие выступает как осмысленный (включающий принятие решения), означенный (связанный с речью) синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое, явлений.

Являясь чувственным этапом познания, восприятие связано с мышлением, имеет мотивационную направленность, сопровождается эмоциональным откликом. Именно на основе восприятия возможна деятельность памяти, мышления, воображения.

А. В. Петровский выделяет следующие свойства восприятия:

1) предметность – акт объективации, т. е. соотнесение имеющихся сведений о внешнем мире с его актуальным, воспринимаемым образом. Решающую роль играют осязание и движение. Объект воспринимается нами как обособленное в пространстве и времени отдельное физическое тело. Наиболее ярко это свойство проявляется во взаимообособлении фигуры и фона;

2) целостность – внутренняя органическая взаимосвязь частей и целого в образе, независимость образованного целого от качества составляющих его элементов. Ощущения отражают отдельные свойства предметов, восприятие – лишь целостный образ, складывающийся на основе обобщения знаний об отдельных свойствах, качествах, получаемых в виде отдельных ощущений;

3) структурность (обобщенность). Не является суммой ощущений. Человек воспринимает фактически абстрагированную из этих ощущений обобщенную структуру, которая формируется в течение некоторого времени (слушая музыку, мы слышим ноты одну за другой);

4) константность. Относительно воспринимающего субъекта объекты непрерывно меняются. Благодаря свойству константности, состоящему в способности перцептивной системы компенсировать эти изменения, мы воспринимаем окружающие предметы как относительно постоянные по форме, величине, цвету. Многократное восприятие одних и тех же объектов при разных условиях порождает константность этого образа, обеспечивает относительную стабильность окружающего мира, отражая единство предметов его существования;

5) осмысленность. Перцептивные образы имеют определенное смысловое значение. Восприятие тесно связано с мышлением, пониманием сущности предмета, что позволяет мысленно назвать его, т. е. отнести его к определенной группе предметов, классу;

6) избирательность – преимущественное выделение одних объектов по сравнению с другими [95, с. 67].

Восприятие городской среды – целостное отражение человеком архитектурно-средовых и социально-психологических аспектов мегаполиса. Восприятие городской среды – достаточно сложный, многоуровневый процесс, так как подразумевает, с одной стороны, восприятие человеком объективного мира (зданий, улиц, районов), а с другой – проявляется в субъективизме межличностного восприятия тех же самых объектов в соотношении с людьми, населяющими их.

С точки зрения исследователей, важным принципом в средовой психологии является то, что человек не живет в фиксированной среде, адаптируясь к ней и страдая, а активно изменяет ее. Изменяя свой мир, человек изменяется сам. Предметом исследования становится роль человека в создании своей среды. В теоретическом плане основное внимание ученые уделяют исследованию процесса восприятия. В. Иттelson отмечает, что «соприкасаясь с окружающим его миром, каждый человек по необходимости действует в условиях воспринимаемого им мира. Он не имеет альтернатив, потому что это единственный мир, в котором он живет, единственный мир его опыта» [174, с. 6].

Попытаемся проанализировать основные теории, повлиявшие на развитие исследований в области восприятия городской среды.

Дж. Гибсон разработал теорию, объясняющую механизмы формирования целостного образа, и назвал ее экологической оптикой. Автор говорит о наличии двух зрительных систем:

1) зрительного поля наблюдателя – оно связано с развитием культуры и формированием установки наблюдателя;

2) зрительного мира с установкой человека на действие.

Восприятие зрительного мира происходит непосредственно через рецепторы и ассоциативные системы головного мозга [40].

В теории Дж. Гибсона появляются два важных момента: во-первых, идея наличия непосредственной связи «человек – среда», когда причиной действия могут быть не анализаторные системы, а резонанс с предметным миром; во-вторых, признание наличия двух систем – непосредственного резонанса и опосредованного наблюдения.

Интерес для понимания средовой психологии представляют взгляды зарубежных исследователей С. Вапнера и Х. Вернера, создавших теорию, которая рассматривает особенности восприятия человеком окружающего мира как результат культурно-исторического развития. С точки зрения С. Вапнера и Х. Вернера, в восприятие человека включены следующие моменты:

- наличие витального чувства (тона организма) – примитивной базы для сенсорного обобщения и синестезии;

- наличие сенсорно-тонического поля восприятия, иными словами, соответствия между тонусом организма и стимулами среды;

- развитие в онтогенезе способности к дифференциации стимулов среды тела, переход от синкретического восприятия к артикулированному [206].

А. Менегетти рассматривает механизмы воздействия среды в рамках онтопсихологического подхода. Автор считает, что среда обладает определенной семантикой, и человек, находясь в ней, оказывается под воздействием семантического поля. А. Менегетти предлагает искать биологический смысл образов. В соответствии с положениями онтопсихологии все объекты, живые и неживые, являются носителями информационных программ. Последние взаимодействуют между собой и могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние, подавлять друг друга, способствовать прогрессу или тормозить развитие [83].

Рассмотренные теории позволили Х. Э. Штейнбах выделить следующие тенденции в развитии представлений о целостности чувственного мира человека:

- во-первых, можно говорить о выявлении третьего фактора, помимо субъекта и объекта рассматривается еще и среда взаимодействия как фактор, формирующий систему «субъект – объект»;
- во-вторых, характер указанной среды взаимодействия не имеет однозначного строго научного определения;
- в-третьих, искусственная среда является носителем не только физических характеристик, но и той семантики, которую внес в нее человек;
- в-четвертых, рассматриваются две системы средовых воздействий: через среду взаимодействия, возникающую между субъектами или субъектом и объектами, и через воздействие общей среды, под влиянием которой находятся и субъект и объект одновременно;
- в-пятых, в ряде исследований допускается наличие двух систем восприятия – в основе одной лежит характеристика объекта восприятия, в основе другой – физиологические механизмы восприятия.

В процессе восприятия искусственно созданной среды города, при отражении предметно-пространственных объектов и отношений между ними И. М. Коваль и В. В. Федоров выделяют несколько феноменов, качественно характеризующих данный процесс [122]:

1. Сенсорные качества среды и их количественные параметры. Естественная среда, природа насыщена многообразием сенсорных раздражителей для человека – цвета, звуки, фактура, запахи и др. Несомненно, и в искусственной среде города присутствуют обозначенные характеристики, они необходимы нам для построения целостного образа окружающего пространства, для формирования опре-

деленного поведения и адекватной реакции на окружающую действительность. Степень интенсивности различных раздражителей неоднородна и воспринимается не только в зависимости от приоритетного информационного канала человека, его установок и индивидуально-психологических особенностей, но и в соответствии с конкретной ситуацией. Например, порядка 80% населения Земли являются визуалами по доминирующему каналу восприятия, им свойственно составлять картину мира, опираясь на приоритет зрительных образов. Однако в ситуации экстремальной жары или при пожаре поведение человека будут определять совершенно другие информационные потоки: в первом случае – температурные ощущения (субъективный образ строится за счет реагирования на изменения теплового баланса организма и среды специализированных рецепторов, которые находятся во втором чувствительном слое кожи между ороговевшей оболочкой и подкожной клетчаткой), во втором – информация от ольфакторной системы (это сенсорная система восприятия, передачи и анализа обонятельных ощущений).

2. Конфигурационные качества воспринимаемых объектов (форма, контур, группировка и др.). Среда города, особенно большого, состоит из множества разнообразных по форме и конфигурации объектов. Здания имеют определенную этажность, протяженность и расположение в конкретном месте относительно других объектов архитектурно-пространственной среды. Одна из современных тенденций развития городов, особенно мегаполисов, – это увеличение высоты строений и сосредоточение в одном объекте нескольких форм. Для восприятия человека эти параметры, безусловно, одни из важнейших. В ходе нашей экспериментальной работы были подтверждены данные о том, что, например, однотипные высотные здания формируют у человека негативные эмоциональные переживания, он ассоциирует с ними отрицательные поведенческие паттерны. Специалистами также была обнаружена закономерность увеличения этажности домов и количества попыток суицида.

3. Феномены константности восприятия (восприятие величины на расстоянии, цвет при разных условиях освещения и др.). Константность восприятия как одно из свойств этого процесса в условиях городской среды приобретает важное значение для человека в ситуации ориентации и построения маршрутов передвижения в городе.

Так, например, восприятие расстояния между объектами, находящимися на открытом, широком и просматриваемом проспекте будет скорректировано в сторону реального увеличения, несмотря на то, что визуальная информация будет говорить об обратном.

4. Феномены формирования систем отсчета в восприятии свойств. В сущности, это построение субъективной шкалы оценок при отсутствии какого-либо эталона. Для формирования индивидуального образа города человек вырабатывает персональную систему оценок по отношению к каждой переменной среды. Данные феномены определяют субъективность восприятия среды, уникальность и неповторимость предпочтений человека.

5. Феномены реального предметного характера восприятия. На протяжении жизни, социализируясь, человек помимо основных ценностей, норм, правил поведения и установок знакомится с предметными объектами человеческой культуры. Современный мир и, соответственно, город насыщены ими: это исторические памятники, уникальные здания, знаковые объекты для страны и города (колизей, кремль, мавзолей, египетские пирамиды, храмы и др.). Однако для каждого человека характерно выстраивание собственной цепочки знаковых объектов, именно она и лежит в основе так называемых когнитивных карт.

6. Феномены, связанные с эффектами доминирующих установок или состояний субъекта восприятия. Эта группа феноменов зачастую является определяющей в процессе восприятия окружающего мира. Соматическое состояние индивида, психофизиологические особенности, особенности и свойства внимания, эмоциональный настрой, актуальные потребности, характер деятельности, ценности и установки могут определить, скорректировать или даже видоизменить процесс и результат восприятия городской среды. Например, испытывая мучительную головную боль, человек вряд ли будет любоваться архитектурным ансамблем; если он голоден, в его поле зрения, как правило, попадают здания, в которых расположены кафе, булочные и продуктовые магазины.

Как и любой другой, процесс восприятия человеком окружающей предметно-пространственной среды города включает в себя цепь актов:

1) выделение из потока информации комплекса стимулов, относящихся к объекту восприятия;

2) поиск в памяти близкого по составу ощущений комплекса признаков, позволяющего идентифицировать объект восприятия;

3) отнесение объекта восприятия к определенному классу с последующим поиском признаков, подтверждающих или опровергающих принятое классификационное решение;

4) приписывание объекту восприятия дополнительных (невоспринятых) свойств, характерных для объектов выбранного класса.

В связи с тем, что восприятие городского пространства подчиняется общим законам и механизмам самого процесса построения целостного образа, а также в нем можно выделить схожие особенности и феномены, необходимо рассмотреть и варианты нарушения этого процесса:

- гипертезия – нарушение восприятия, наблюдающееся при резком физическом или эмоциональном переутомлении; проявляется в форме повышения восприимчивости к обычным внешним раздражителям. Так, например, дневной свет вдруг ослепляет, окраска окружающих предметов делается необычайно яркой. Звуки оглушают, хлопанье двери звучит, как выстрел, звон посуды становится невыносимым. Запахи воспринимаются остро, вызывая сильное раздражение. Прикасающиеся к телу ткани кажутся шероховатыми и грубыми. В отношении городской среды гипертезия может проявляться в виде ощущения невыносимого шума машин или любого общественного транспорта, чрезмерных запахов выхлопных газов на улице, серости и мрачности дворов и т. п.;

- гипостезия – нарушение восприятия, противоположное состоянию гипертезии; выражается в понижении восприимчивости к внешним стимулам и, как правило, связано с умственным переутомлением. Окружающее становится неярким, неопределенным, утрачивает чувственную конкретность. Предметы словно лишаются красок, все выглядит блеклым и бесформенным. Звуки доносятся глухо, голоса окружающих утрачивают интонации. Все кажется малоподвижным, застывшим. Так, человек может не заметить на улице машину, не среагировать на резкий сигнал автомобильного клаксона, пройти мимо своего подъезда или подняться выше на несколько этажей, пропустив свою квартиру;

- галлюцинации – нарушение восприятия, выражающееся в возникновении каких-либо образов без наличия реальных объектов (видения, призраки, мнимые звуки, голоса, запахи и т. п.). Галлюцинации

являются, как правило, следствием того, что восприятие оказывается насыщенным не внешними действительными впечатлениями, а внутренними образами. Галлюцинации переживаются как истинно воспринимаемое, т. е. люди во время галлюцинирования действительно видят, слышат, обоняют, а не воображают или представляют, т. е. субъективные чувственные ощущения являются такими же действительными, как и ощущения, формируемые раздражителями объективного мира. Наибольший интерес у специалистов обычно вызывают зрительные галлюцинации, отличающиеся необычайным многообразием: видения могут быть бесформенными (пламя, дым, туман) или, наоборот, казаться более четкими, нежели образы реальных предметов. Величина видений также характеризуется большой амплитудой: они бывают как уменьшенные, так и увеличенные, гигантские. Зрительные галлюцинации могут быть и бесцветными, но гораздо чаще у них естественная или крайне интенсивная окраска, обычно ярко-красная или синяя. Видения могут быть подвижными или неподвижными, не меняющегося содержания (стабильные галлюцинации) и постоянно меняющиеся, в виде разнообразных событий, разыгрывающихся, как на сцене или в кино (сценopodobные галлюцинации). Возникают одиночные образы (одиночные галлюцинации), части предметов, тела (один глаз, половина лица, ухо), толпы людей, стаи зверей, насекомые, фантастические существа. Содержание зрительных галлюцинаций оказывает очень сильное эмоциональное влияние: может пугать, вызывать ужас или, напротив, интерес, восхищение, даже преклонение. Как правило, в городской среде галлюцинации связаны с возникновением образов объектов пространственно-предметной среды – люди видят несуществующие дома, магазины, деревья, кусты и т. п.;

- иллюзии – нарушение восприятия, суть которого заключается в построении ошибочных образов реальных вещей или явлений. При этом обязательным является наличие подлинного объекта, хотя и воспринимаемого ошибочно, – это главная особенность иллюзий, обычно разделяемых на аффективные, вербальные (словесные) и перейдолические.

Аффективные (аффект – кратковременное сильное эмоциональное возбуждение) иллюзии чаще всего обусловлены страхом или тревожным, подавленным настроением. В этом состоянии даже висящая на вешалке одежда может показаться грабителем, а случайный прохожий – насильником и убийцей. Так, в темном переулке стоящее де-

рево принимают за человека; в ситуации фрустрации нам кажется, что у здания есть еще один этаж, и т. п.

Вербальные иллюзии заключаются в ложном восприятии содержания реально происходящих разговоров окружающих; человеку кажется, что эти разговоры содержат намеки на какие-то его неблагоприятные поступки, издевательства, скрытые угрозы в его адрес.

Очень интересны и показательны переходические иллюзии, обычно вызываемые снижением тонуса психической деятельности, общей пассивностью. Обычные узоры на обоях, трещины на стенах или на потолке, различные светотени воспринимаются как яркие картины, сказочные герои, фантастические чудовища, необыкновенные растения, красочные панорамы.

К. Трубридж в начале XX в. в своих исследованиях доказал, что несформированные или искаженные представления о пространстве города повышают уровень тревожности у субъекта восприятия [171]. Однако возможна и обратная зависимость, когда высокая напряженность и тревожность накладывают свой отпечаток на мысленные репрезентации пространства [204].

В результате индустриализации и стихийной урбанизации окружающая человека сенсорная среда постепенно стала «агрессивной» для органов чувств, эволюционно приспособленных за многие миллионы лет к естественной природной среде.

В. Филин утверждает, что «современный город состоит из одинаковых деталей. Глазу не на чем остановиться. Его рецепторы начинают работать в бешеном режиме, возникает огромная нагрузка на зрение и мозг, которая приводит к сильному стрессу» [116, с. 7]. Наиболее опасными (агрессивными) для восприятия являются два типа городских пейзажей. Первый – когда преобладают углы, прямые линии и крупные плоскости внутри них. Второй – монотонные поверхности с множеством мелких повторяющихся деталей.

Постоянная визуальная среда, ее насыщенность зрительными элементами оказывают большое влияние на состояние человека, действуют как любой другой экологический фактор, составляющий среду обитания человека. Новое научное направление, развивающее аспекты визуального восприятия окружающей среды, было названо видеоэкологией. В настоящее время видеоэкология постепенно начинает входить в сферу интересов психологов, врачей, архитекторов, художников.

Изучением проблемы визуальной среды в отечественной науке занимались такие исследователи, как Е. Л. Беляева, С. Габайдуллина, А. В. Иконников, Ю. С. Лебедева, З. Н. Яргина, В. А. Филин и др. [16; 60; 123], в зарубежной – Г. Гибсон, В. Д. Глезер, Дж. Голд, К. Зиттер, К. Линч и др. [40; 80; 179].

Под видимой средой следует понимать окружающую среду, которую человек воспринимает через орган зрения во всем ее многообразии. Всю видимую среду можно условно разделить на две части:

1) естественную – находящуюся в полном соответствии с физиологическими нормами зрения;

2) искусственную – находящуюся в противоречии с законами зрительного восприятия человека. В свою очередь, искусственная среда имеет следующие разновидности:

- гомогенная видимая среда – такая среда, в которой отсутствуют видимые элементы или число их резко снижено;

- агрессивная среда – видимая среда, в которой рассредоточено большое количество одинаковых элементов;

- комфортная визуальная среда – среда с большим разнообразием элементов в окружающем пространстве.

Исследователи видеоэкологии выделяют следующие факторы, способствующие формированию комфортной визуальной среды:

1) природоподобие форм зданий (архитектурная бионика); является одним из наиболее простых способов достижения гармонии с ландшафтом (например, здание оперы в Сиднее или храм в Индии в форме цветка лотоса);

2) цвет в архитектуре города. Призван выполнять ряд важнейших функций:

- ориентирует человека в пространстве и во времени, придает значение отдельным компонентам среды;

- создает психофизиологический комфорт, формирует содержательное и эмоционально насыщенное городское пространство;

3) наличие декоративных элементов: портал, ордер, колонна, аркада, балюстрада, атланты и кариатиды, гербы, капители, гирлянды, карнизы, плафоны, пилястры, эмблемы, орнаментальные вставки и др.;

4) высота домов, которая не должна превышать высоту деревьев (следует активно развивать малоэтажное строительство);

5) создание в городах замкнутых пространств, которые создают ощущение безопасности (уплотнение территорий небольшими строениями, устройство «арок» между торцами домов, дополнительных улиц и озеленение).

В. Л. Глазычев в качестве факторов, способствующих формированию комфортной городской среды, выделил следующие переменные, в основе которых лежат ценности человека:

- замкнутость – активизирует архетип «убежище»; искусственная архитектурно-пространственная среда должна соответствовать оптимальным для человека размерам, т. е. не быть слишком растянутой или сжатой. Например, человек должен различать лица людей на противоположной стороне улицы, узнавать знакомую фигуру на площади и т. п.

- неоднородность и разнообразие – мультивариантность презентуемых человеку пространств и реализация возможности построения в них многовариативных видов деятельности;

- плотность – с одной стороны, это плотность социального пространства или, точнее, передвижений людей, а с другой – это возможность перехода внешнего пространства во внутреннее (витрины магазинов, сплошная застройка первых этажей зданий);

- насыщенность – представленность в городском пространстве достаточно большого количества разнообразных сенсорных раздражителей, обеспечивающих формирование целостного образа городской среды на основании информации, полученной по всем сенсорным каналам человека;

- сомасштабность – соответствие искусственной среды определенным размерам человека; так, например, максимальная комфортная этажность зданий – четыре этажа, это высота самого большого дерева;

- темперированность – соответствие предыдущего образа восприятия последующему, т. е. соответствие и плавные переходы от одной архитектурной формы к другой [42].

Таким образом, комфортная визуальная среда создает благоприятные условия для проявления физиологических механизмов зрения. Совершенно очевидно, что грамотно организованная искусственная среда должна приближаться к естественной, но не дублировать ее, а учитывать основные закономерности построения.

Итак, процесс восприятия городской среды формирует у человека некий образ города, который представляется в виде когнитивных или ментальных карт. Однако помимо элементарных психических по-

знавательных процессов в формирование образа города включается понимание. Понимание – это способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат [93].

Понимание – это вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений и содержания воздействий [113].

Понимание – это компонент мышления, один из образующих его процессов, обеспечивающих установление связей раскрываемых новых свойств объекта познания с уже известными субъекту, а также формирование операционного смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности [59].

В. В. Знаков определяет также три основных формы понимания: понимание-узнавание, понимание-гипотеза и понимание-объединение. Понимание-узнавание носит констатирующий характер, в данном случае просто фиксируются определенные факты, события или явления, далее актуализируется их смысл или общее содержание в контексте определенной ситуации, при этом отсутствует личностная включенность или заинтересованность человека. Понимание-гипотеза – это интеллектуальные действия человека по прогнозированию, поиску неизвестного или решению задачи. Эта форма более специфична, так как требует не только осмысленного узнавания познаваемого объекта, но и выдвижения определенного предположения о характере его окружения, содержания и др. Понимание-объединение является самой сложной из всех перечисленных форм и включает в себя все мыслительные операции и действия предыдущих, а также объединяет все познаваемые элементы в единое целое.

Без понимания как особого состояния субъекта невозможны продолжение общения, координация действий и вообще любые осмысленные действия и воздействия.

Для понимания характерно ощущение ясной внутренней связанности, организованности рассматриваемых явлений. Это может быть логическая упорядоченность, четкое «видение» причинно-следственных связей, когда ранее механически перечисляемые факты объединяются в единую логическую систему (понимание доказательства теоремы, понимание формулы, естественного закона и пр.). Возможно ясное ощущение связанности и осмысленности явлений и без усмотрения их логического каркаса. В этом случае явление выступает как направленное

на некую цель, сопоставимую с целями субъекта: человек понимает поведение другого человека, его мысли, мотивы и пр.; подобным же образом возможно и понимание социокультурных, в том числе исторических, событий, письменных памятников; на этой же базе возможно понимание поведения животных и явлений природы, связанное с их антропоморфизацией, приписыванием им форм поведения людей.

Возможно и понимание на основе сопереживания, идентификации: понимание эмоций другого человека, нерасчленимое «понимание человека», понимание этических и эстетических явлений и пр. Результат понимания – смысл – субъективно уникален для субъекта, но произволен, ибо понимание определяется в конечном счете социокультурными условиями, независимыми от индивида.

В то же время следует учитывать и субъективный фактор в процессе формирования понимания, в том числе понимания городской среды.

На восприятие в целом, а также на понимание субъектом городского пространства и отдельных его частей оказывают воздействие различные состояния человека, опыт, установки, цели, потребности, в итоге приводящие к возникновению готовности воспринимать объекты среды и факты средового воздействия. Другим важным фактором являются объективные характеристики объектов и города в целом.

Являясь основными материальными единицами городской среды, сооружения представляют собой фундаментальный компонент мысленных представлений о городе. Все сооружения, даже если опустить их непосредственное функциональное значение, являются носителями трех важных характеристик, играющих серьезную роль в процессе познания пространства: они служат памятниками, ориентирами и представляют собой некие территории. Здания играют чрезвычайно важную роль в обыденной жизни потому, что они выступают в качестве хранителей культурных ценностей. Использование в архитектуре строений элементов знакомых стилей помогает людям чувствовать себя в новом окружении более уютно.

Чувство устойчивости во времени, которое внушают сооружения, может играть серьезную роль в обеспечении внутреннего благополучия человека. Они способны давать ощущение стабильности и причастности, возможно, компенсируя этим высокую перманентную изменчивость окружающего мира, вызывающую противоречивые

эмоциональные переживания (недоумение, сожаление, радость, удивление, разочарование и др.). Человек, взаимодействуя с окружающим миром, стремится сохранить отдельные его элементы неизменными или преобразовать их, воплощая в пространстве свои мечты и делая их реальностью [16].

Сооружения служат ориентирами при перемещениях по городу, на них основывается определение местонахождения человека в городском пространстве. Хотя точное значение сооружений в указанном смысле зависит от особенностей пространственной организации и архитектурной среды исследуемого города, считается, что их роль как ориентиров возрастает по мере узнавания данного города.

Целное восприятие города возникает не только в результате непосредственного наблюдения урбанистического творения. Город оказывает на человека и глубоко символическое воздействие. В ментальной репрезентации человек искажает его образ, субъективируя его, выстраивая индивидуально-специфичную когнитивную карту значимого городского пространства [22].

Когнитивная (ментальная) карта – абстрактное понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве. Следовательно, ментальная карта – это созданное человеком изображение части окружающего пространства. Когнитивная психология понимает ментальную карту как субъективное внутреннее представление человека о части окружающего пространства.

Любая среда, особенно городская, дает не только четкую, но и противоречивую информацию. Люди создают устойчивые картины среды. Ментальные (мысленные, когнитивные, психологические) карты являются результатом комплексного характера восприятия города [42]. Такая карта является нашей внутренней картиной среды. Она существует в сознании у каждого горожанина, в соответствии с ней человек ориентируется и действует. Иначе говоря, психологическая карта – это город, отображенный в индивидуальном сознании [85].

Соответственно, характеристики города становятся очевидными могут быть исследованы через изучение отношений жителей к своему городу. Так, образ города, по К. Линчу, становится средством адаптации человека к нему.

К. Линч [80] выделил следующие элементы, входящие в состав ментальных карт:

- пути – коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно: улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы;
- границы, или края – линейные разрывы непрерывности: берега, железнодорожные выемки, края жилых районов, стены;
- районы – части города, средние по величине и представимые как двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри»;
- узлы – места или стратегические точки города, в которые наблюдатель может свободно попасть, фокусирующие пункты, к которым и от которых он движется: соединительные звенья, места разрыва транспортных коммуникаций, перекрестки или слияния путей, моменты скачкообразного перехода из одной структуры в другую;
- ориентиры – точечные элементы: здание, знак, фасад, витрина, гора. Использование ориентира означает вычленение одного элемента из множества.

Анализ научной литературы позволил выделить следующие характерные функции когнитивных карт:

- 1) создавая собственную ментальную карту, человек с помощью восприятия «отсеивает» большое количество информации, оставляя объекты важного значения;
- 2) мысленная карта определяет действия индивида, т. е. является одним из этапов планирования деятельности;
- 3) психологическая карта служит для «прочтения» среды, иначе говоря, ее понимания;
- 4) при помощи ментальной карты можно сделать город объектом собственного воображения, а также объектом изучения;
- 5) ментальная карта является элементом целостного образа мира в его пространственном континууме.

На основе выделенных функций следует отметить, что ментальная карта является комплексным представлением о том, что мы воспринимаем, когда стремимся представить себе ту среду, в которой действуем.

Для ориентации люди выбирают такие объекты, которые связаны с их личным интересом. Ментальная карта всегда имеет индивидуальную окраску и никогда не соответствует реальности в точности.

Психологическую ментальную карту можно использовать не только в научных целях. Линч утверждает, к примеру, что по ней можно определить, хорош какой-либо город или плох. Хороший город, по Линчу, является в высшей степени «представимым», имеет множество известных всем символов, которые соединяются знаковыми всем путями, в то время как посредственные города невыразительны и не поддаются описанию [80]. Линч также выделил основные критерии оценки простоты восприятия городов:

- отдельность или частота соотношения «фигура – фон»; так, в городах, где существует возможность беспрепятственного выделения указанного соотношения, возникают условия для построения четких пространственных образов и структуры их взаимодействия между собой;

- простота формы; здесь необходимо учитывать то, что чрезмерно перегруженные объекты архитектурно-пространственной среды воспринимаются дискретно, отрывочно и в совокупности могут вызвать у человека негативные реакции;

- непрерывность; наличие общей, протяженной линии в среде городских объектов имеет очень важное значение для формирования полноценного образа самого города, в этом случае город предстает целостным предметом восприятия, из которого систематически выделяются доминантные объекты;

- доминанта; городская среда должна быть равномерно насыщена теми составляющими, которые в силу своих характеристик (как правило, визуальных) привлекают внимание на произвольном или постпроизвольном уровне;

- ясность соединения; предполагает, с одной стороны, однозначность в определении каких-либо границ, пределов, с другой – восприятие непрерывности городского ландшафта;

- различение направлений. Среда города, понятная для его жителей или приезжающих в него людей, должна содержать понятную информацию о своей структуре;

- поле видения, обеспечение возможности просмотра окружающего пространства – дает ощущение свободы и комфорта передвижений, человек не только обладает информацией о том месте, где он находится, но и в состоянии планировать свои маршруты передвижения исходя из визуального восприятия объектов;

- осознанность движения; возникает в тех случаях, когда среда города не является сильной доминантой с агрессивными ориентирами, определяющими и задающими четкую траекторию движения человека;
- временные серии. Город динамичен и изменяем, иногда за достаточно короткий промежуток времени некоторые места в городе трансформируются до неузнаваемости; для простоты восприятия необходимо наличие прогностической возможности по отношению к среде и сохранение центральной идеи образа города;
- название и значения; являются определяющими в контексте ориентации в окружающем пространстве и необходимы человеку как ориентиры и указатели.

П. Смит, автор исследований о «динамике урбанизма», различает несколько уровней символизма, которые играют важную роль в искусственно созданной городской среде [195]:

1. *Ассоциативный символизм* включает основные индивидуальные ассоциации, посредством которых каждый человек оценивает значимость определенной среды. Это очень важные связи, так как они соединяют сегменты городской среды воедино и позволяют возникнуть определенному образу города, который остается у нас в памяти и в соответствии с которым мы ориентируемся, — так называемой ментальной карте.

2. *Окультуренный символизм* городской среды свое начало берет в истории культуры и представляет символизм объектов в классическом смысле слова. Культурные символические значения мы довольно легко расшифровываем: колеса с крыльями на здании вокзала в Праге символизируют поезда и движение вообще; на зданиях суда и прокуратуры, как правило, изображены символы юстиции; кресты на башнях церквей символизируют христианскую идеологию. Эти символы представляют собой неизменные архитектурные дополнения городской среды, помогают нам ориентироваться в городе и наделяют произведения архитектуры соответствующим значением.

3. *Символизм известного* есть каждодневная среда, образующая основу нашего существования в городе. Люди могут создать постоянно действующую символику своего непосредственного окружения из доступных пониманию каждого мотивов безопасности и непрерывности существования. Поэтому даже кажущиеся мелочи, дополняю-

щие целое, могут проявляться как подтверждающиеся символы города. И как только этот символизм известного нарушается каким-либо серьезным вмешательством в среду, люди воспринимают изменения как угрозу своему единству с известной им средой.

В соответствии с символизмом известного на нас оказывают воздействие исторические постройки, памятники разных эпох культурного наследия. Символика исторических архитектурных памятников действует, как особый психологический фильтр, пропуская только те моменты, которые поддерживают коллективное признание значения данного объекта.

4. *Символизм «архетипа»* в архитектуре городов и исторических памятников представляет собой как бы приключение созерцания.

Архетипы – это бессознательные структуры психики, лежащие в основе первичных схем образов и априорно формирующие активность воображения. Они лежат в основе общечеловеческой символики, прослеживаются в мифах и верованиях, в сновидениях и произведениях искусства.

Понятие архетипа было введено аналитической психологией: это суть, форма и способ связи наследуемых бессознательных первообразов и структур психики, переходящих из поколения в поколение. Архетипы обеспечивают основу поведения, структурирования личности, понимание мира, внутреннее единство и взаимосвязь культуры и взаимопонимания. Другими словами, это всеобщие, заданные психические и поведенческие программы. Согласно К. Г. Юнгу [140] первообразы, структурные элементы психики – своего рода образцы поведения, мышления, видения мира; простые и фундаментальные образы, скрытые в коллективном бессознательном и возникшие на заре человечества. Существуют наподобие инстинктов. Наследуются подобно тому, как наследуется строение тела. Задают общую структуру личности и последовательность образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности, поэтому духовная жизнь несет на себе архетипический отпечаток. Являются формообразующим началом, присутствующим в психике каждого человека. Архетипы всегда наполняются конкретным содержанием; они нейтральны в отношении добра и зла, им свойственны амбивалентность, имманентность и пр. Они структурируют понимание мира, себя и других людей. Ус-

мотреть их непосредственно невозможно, но можно видеть их проявления в феноменах культуры, прежде всего в мифологии. Особо отчетливо они проявляются именно в мифических повествованиях, сказках, снах, а также в бредовых состояниях при некоторых расстройствах психики.

Архитектура сама по себе вызывает мысли о чем-то вечном, вневременном. Архитектурные памятники не подвергаются влиянию погодных условий, выдерживают превратности различных социальных переворотов и войн.

Таким образом, целостное восприятие города возникает не только в результате непосредственного наблюдения урбанистического творения. Город оказывает на человека и глубоко символическое воздействие.

При современном быстром развитии крупных городов, агломераций и микрорайонов символика теряет значение, поскольку ее мотивацией раньше была необходимость в безопасности. В настоящее время город формирует скорее социально важное сознание коллективизма и обеспечивает экономическую сторону человеческого бытия. Горожане уже очень редко воспринимают символы в их вневременном, универсальном понимании. Такие впечатления возникают скорее во время посещения незнакомого города. Весьма примечательно, что люди отдают свои симпатии такой городской среде, мнения о которой у разных людей не совпадают. Они позитивно воспринимают среду, для которой характерна многозначность.

В восприятии и действиях людей в столь разнородной окружающей среде, какой является современный город, наиболее важным представляется общее чувство – настроение, которое у них возникает от соприкосновения с этой средой.

Формируют это чувство следующие факторы:

- уровень стресса (шум, загрязнение, перенаселенность, перенасыщенность импульсами);
- социальные качества среды (роль физической среды в развитии или подавлении взаимодействий социального характера);
- ориентация и подвижность (как горожане используют город в соответствии со своими «образами» и «представлениями» о среде обитания);

- наполненность среды (эстетический уровень импульсов, которые соответствуют удовлетворению потребностей и создают чувство удовлетворенности);

- возможности принятия решений (как горожане воспринимают отдельные решения об уровне развития среды обитания и в какой степени они активно участвуют в принятии таких решений);

- культура и отдых (как город выполняет задачи в интеллектуальной, культурной, спортивной и образовательной сферах).

Образ города, с одной стороны, – динамичное и изменчивое образование, постоянно подпитываемое новыми впечатлениями, получаемыми от взаимодействия с городской средой. С другой стороны – это устойчивая репрезентация города как целого, позволяющая человеку осуществлять ориентировку в его пространстве и времени как непрерывности.

-

Глава 4. ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ

«Город представляет собой конструкцию в пространстве, но гигантского масштаба, нечто такое, что можно воспринять только за продолжительное время» [128, с. 6].

Пространство города, с одной стороны, является физическим и включает здания, улицы, площади, а с другой – символическим, т. е. таким, которое несет скрытую, зашифрованную информацию морального, сакрального, политического и других планов. Город не сводится к архитектуре и не прочитывается до конца как система знаков или овеществленная форма духа. Он представляет собой пространство культуры, которое в значительной мере формирует индивида и социум [49].

Рассмотрение структуры города может вестись на основании выделения основных аспектов его существования, каковыми являются архитектурный, экологический, психофизиологический и символический [97].

Архитектонический аспект. Архитектоника города – это общее устройство городской территории, включающее в себя:

- архитектурно-эстетический план;
- инженерно-коммуникационный план – коммуникации, обеспечивающие жизнедеятельность города: водопровод, газопровод, линии электропередач, канализация, системы связи, телекоммуникационные системы и др.;
- предметное окружение (реклама, транспорт, средства связи, символика и т. п.

Часто два последних элемента в силу их высокой интегрированности друг с другом и взаимопроникающей диффузии не разделяют и объединяют в категорию инфраструктуры города.

Архитектоника имеет три уровня, связанных с высотными характеристиками среды:

- наземный (ландшафтный);
- подземный (субландшафтный);
- воздушный (люфтшафтный).

Экологический аспект городской жизни складывается из природных объектов, возникающих в процессе геолого-географической эволюции территории, и антропогенных объектов, появление которых связано с деятельностью человека. Оба вида объектов совместно образуют городской ландшафт, формируя смысловую композицию отдельных элементов пространства [63].

Культурный ландшафт представляет особое единство двух образов: образа территории и образа социально приемлемого и эмоционально ожидаемого поведения на ней. Оба образа существуют в семантической форме как названия, определения, оценочные суждения и сливаются в единую топонимическую конструкцию – название места, которое является культурным символом, задающим схему восприятия, оценивания и поведения. Городская топонимика наслаивается на историческое наследие города и отражает социально значимые для его жизни события, аккумулирует культурный опыт, нормативность, модели поведения, а также отражает специфику жизненного мира отдельных групп горожан.

Психофизиологический аспект городской жизни активно исследуется в последние десятилетия через определения качеств территории города, их комфортности и пригодности для проживания и для взаимодействия. Так, В. В. Федоровым и И. М. Коваль была предложена следующая классификация архитектурного пространства города по степени и качеству его воздействия на психику человека [122] (табл. 3).

Таблица 3

Виды архитектурного пространства

Архитектурное пространство	Воздействие пространства на психику человека	Внешние характеристики
1	2	3
Драматическое	Обычный процесс восприятия человеком ок-	Сверхактивные ритмические построения пространства подчеркну-

Продолжение табл. 3

1	2	3
	ружения приобретает драматическую окраску	ты светотеневыми контрастами и цветовыми решениями; доминируют спектральные цвета, присутствие ахроматических ограничено; велика роль ярко выраженного природного (или модифицированного техническими средствами) рельефа
Принудительное	Пространство воспринимается как организующее начало, активизирует и дисциплинирует человека, организует его внимание, не давая отвлекаться	Подчеркнуто стремление к упорядоченности; исключена визуальная напряженность; прослеживается соподчинение частей и целого; явно выявлена иерархия зон архитектурного пространства; исключены высотные доминанты единичного характера; отсутствуют места для отдыха и пешеходные пути произвольного направления; ландшафт носит чрезмерно организованный, плоскостной характер
Депрессивное	Порождает у субъекта тревожные опасения по поводу своей безопасности, нарастающее чувство безнадежности, пониженный фон настроения	Организовано из подчеркнуто однородных (по одному признаку или совокупности признаков) объектов, возведенных практически одновременно; исторический контекст маскируется или исключается; рельеф не выражен; определение местоположения затруднено; наблюдается обилие ахроматических цветов; озеленение организовано примитивно
Патологическое	Пребывание в них сопровождается умственным и физическим напряжением, связанным с психическими воздействиями	Пространство воспринимается как ограничение (свободы передвижения, свободы действий, свободы мироощущения и т. п.); фактуры и цвета поверхностей воспринимаются как бессистемные;

Окончание табл. 3

1	2	3
		возможно присутствие обилия спектрального красного цвета; звуковой фон носит неясный, какофонический характер; отсутствует растительность
Саблюрогенное	Наиболее благоприятное пространство для психики человека, формирует позитивные эмоции	Разнообразие стилистических решений; присутствие многочисленных декоративных элементов; включение в абрис кривых линий, тупых и острых углов; отсутствие однообразных элементов; негомогенизированное визуальное поле

Символический аспект территории города постоянно присутствует в жизни и сознании жителя города как культурно-историческое наложение жизнедеятельности предшествующих поколений в знаковой форме. Семантические объекты города вплетаются в жизнь и биографию горожан как личностно освоенные и биографически запоминающиеся, обретают для человека личностно значимый смысл.

Можно выделить три уровня пространственных структур городской среды: макроуровень – описывает особенности строения всего города в целом или отдельных его районов; мезоуровень – характеризует особенности строения микрорайонов и отдельных кварталов, их пространственную конфигурацию; микроуровень – определяется наполненностью среды отдельными зданиями и малыми архитектурными формами, обладающими специфическими пространственными и архитектурными особенностями.

Макроструктура. При рассмотрении города как целого и особенностей его строения общераспространенной является тенденция зонирования городского пространства с выделением поясов, районов, страт, секторов и других компонентов общей структуры. Основание зонирования в разных городах может быть различным: определенные зоны могут присутствовать в конкретном городе, а в другом – нет. В практико-эмпирическом исследовании сделать это однозначно порой нелегко, но очевидно, что городская среда качественно разнородна, что

поведение, сознание, личностное самочувствие и возможности самореализации различны. Существуют качественно разнородные социально-функциональные зоны городской жизни как теоретические локусы городской среды, не сводимые к территориальным местам и традиционным социальным структурам: демографическим, профессиональным, административным, идеологическим и т. п. Городская среда характеризуется социально-функциональной динамикой: одни социальные функции появляются, другие исчезают, меняется «удельный вес» отдельных социальных функций на конкретных территориях и в конкретных городах. При этом отдельные районы территории могут приобретать устойчивый социально-функциональный характер в плане доминирования того или иного вида деятельности и нормативности поведения. Исходя из этого городскую территорию можно зонировать по разным основаниям: центр – периферия, по производственно-экономическому характеру, по характеру рекреации («культурные», «спальные» и т. п.), по архитектурному и инфраструктурному (так, например, для курортных городов инфраструктурными локусами являются «пляж», «зрелищные центры» и т. п.) [97].

Как считает Я. Щепаньский, большие города располагаются в пространстве в соответствии с тремя схемами, образуя три вида структуры: концентрическую, структуру секторов и полицентрическую структуру [134].

Концентрическая структура впервые была описана Р. Э. Парком и Э. У. Барджем на примере американских больших городов, в частности Чикаго [188]. В рамках данной структуры выделяется пять основных поясов:

1) деловой район города или центральный административно-торговый пояс, где сосредоточены здания администрации города, офисы фирм, банки, центральные транспортные развязки, вокзалы, редакции газет, гостиницы, торговые центры, театры и т. п. В дневное время этот район многолюден, но в вечернее время пустеет, поскольку на его территории мало жилых домов;

2) промежуточный пояс – населен бедными слоями населения, заполнен дешевыми жилыми домами, дешевыми увеселительными заведениями, магазинами эконом-класса. Он является центром концентрации городской преступности и населен чаще всего иммигрантами, маргиналами и людьми, имеющими малый доход. Это пояс текучего населения с большой пространственной и социальной мобильностью;

3) рабочие районы – городской пояс, заселенный постоянным рабочим населением и низшими слоями среднего класса;

4) богатые районы – пояс города, состоящий из одного или более районов, где проживают обеспеченные слои среднего класса и люди, относящиеся к богатому классу;

5) пригородный пояс – он выходит за границы самого города и образуется населенными пунктами – спутниками большого города, заселенными людьми, едущими в город на работу и удовлетворяющими в рамках города различные потребности.

Данная схема является в значительной степени условной и не может распространяться на все случаи. Ее возникновение – отнюдь не результат целенаправленной планировки города, а итог действия сил, основанных на конкуренции, классовом делении и межклассовых барьерах, возникающих в городском обществе. Недостатком в применении этой теории на практике является то, что она не учитывает некоторые факторы, к которым можно отнести рельеф местности, изменение местоположения градообразующих объектов, особенно транспортных путей, диффузия жилых зон, расположение центра города вне геометрического центра территории города, территориальное закрепление культурных и этнических групп.

Второй подход реализован в рамках рассмотрения секторной структуры города. Х. Хойт предположил, что города застраиваются не концентрическими поясами, а секторами [173]. Было выделено несколько секторов: центральный сектор (аналог делового пояса), сектор легкой промышленности и предприятий обслуживания, жилищный сектор бедных классов, жилищный сектор средних классов, жилищный сектор богатых классов.

Основными факторами развития города по секторному типу являются стоимость земли и транспортные артерии. Сектора развиваются вдоль транспортных путей, а качество и функциональный профиль территории обусловлены ценой на землю, которая зависит прежде всего от престижа места. Последнее обстоятельство может быть обусловлено разными причинами: наиболее распространенными являются престиж центра как такового и престиж территории, связанный с проживанием на ней влиятельных лиц. Динамика развития обусловлена устойчивостью выбранного направления: сектор развивается тем интенсивнее, чем больше средств в него вложено.

В дальнейшем, по мере накопления эмпирического материала, эта модель также оказалась не универсальной. На секторальную структуру городской территории также влияют уже отмеченные географические и социокультурные факторы. Сектора не являются однородными ни в плане застройки, ни в плане состава проживающих: на территории всех секторов имеется немало разнообразных «анклавов», растворить которые бывает очень нелегко.

Третий подход был реализован С. Харрисом и Е. Ульманом [171]. Полицентрическая модель предполагает, что на территории города имеются различные центры, вокруг которых складываются однородные по своему внутреннему составу, но разнородные по характеру и функциям территории – административная, финансовая, торговая, рекреационная и др. Схема полицентрической структуры к указанным Хойтом секторам и районам добавляет сектор тяжелой промышленности, внешний торгово-обслуживающий сектор, предместья с резиденциями, предместья промышленные и внешние, заселенные приезжающими людьми.

Эта модель учитывает как культурно-исторический фактор, так и фактор функциональной специализации. Количество ядер, возникших в процессе исторического развития, и воздействие факторов размещения сильно варьируется в разных городах. Однако просматривается и тенденция развития городской территории: чем старше и крупнее город, тем больше в нем ядер и тем более разнообразный характер они носят. Исторический центр превращается в одно из ядер. Фактическим центром, престижным местом могут становиться различные ядра, имеет место динамика, изменение места центральной зоны, инверсия территории по оси «центр-периферия».

Схема полицентрической структуры к указанным секторам и районам добавляет сектор тяжелой промышленности, внешний торгово-обслуживающий сектор, предместья с резиденциями, предместья промышленные и внешние, заселенные приезжающими людьми.

По большей части указанная типология структур города основана на социально-экономических и функциональных особенностях частей города. В то же время наибольший интерес в плане изучения психологических особенностей городской среды имеют его пространственная и архитектурная структуры, поскольку именно они в первую оче-

редь воспринимаются человеком, именно на их основе строится ментальная карта местности и формируется отношение к ней.

Наиболее интересно пространственную структуру города в целом описал П. Спрейреген [199]. Несколько расширив ее, можно выделить следующие глобальные формы города в виде элементарных геометрических фигур:

1. Радиальная (рис. 1) – характерна для старинных городов (древнегреческие города-полисы, европейские города, сформировавшиеся вокруг замковых построек, старорусские города).

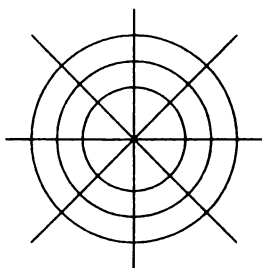

Рис. 1. Схема радиальной формы города

2. Лучевая (рис. 2), когда улицы-лучи выходят из одного центра (например, площади). Такое строение встречается в современных мегаполисах, но является не явно выраженным, так как чаще всего оно характерно не для всего города, а только какого-либо его отдельного района. Подобное строение, например, имеет часть Костромы, район Уралмаш в Екатеринбурге и т. п.

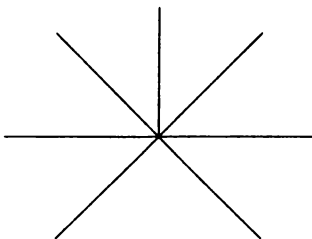

Рис. 2. Схема лучевой формы города

3. Кольцевая (рис. 3) – когда улицы расходятся от окружности (крепостных стен, кольцевой улицы и т. п.) в разные стороны под разными углами (например, Садовое кольцо в Москве).

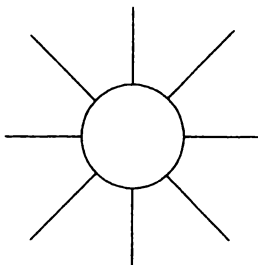

Рис. 3. Схема кольцевой формы города

4. Линейная (рис. 4) форма – строение города подобно линии, одностороннее, когда практически весь город выстроен вокруг одной-двух параллельных улиц (похожее строение имеет, например, Волгоград, который простирается вдоль берега Волги более чем на 60 км).

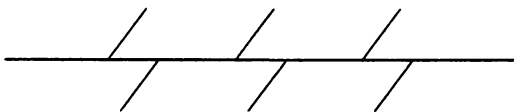

Рис. 4. Схема линейной формы города

5. В виде дерева (рис. 5).

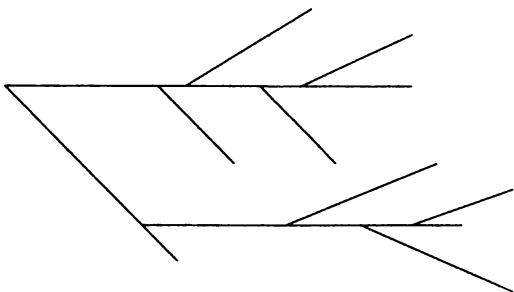

Рис. 5. Схема древообразной формы города

6. Сетевая форма (рис. 6) – наиболее часто встречаемая в современных городах, предполагающая регулярную параллельно-перпендикулярную застройку. При этом можно выделить как регулярную (см. рис. 6, а), так и нерегулярную (см. рис. 6, б) сетевую застройку.

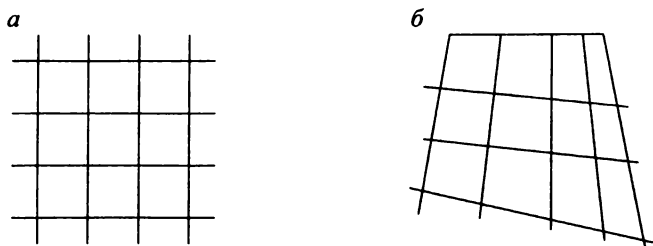

Рис. 6. Схемы сетевой регулярной (а) и нерегулярной (б) формы города

7. В виде городов-спутников (рис. 7). Подобное строение характерно для целостных городских агломераций, разросшихся мегаполисов.

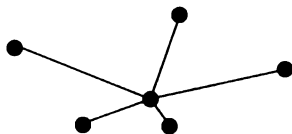

Рис. 7. Схема строения города в виде городов-спутников

Макроструктура определяет общую ориентацию человека в городе, позволяет сформировать представление о расположении города в пространстве, его строении и соотношении его значимых объектов (улиц, зданий, перекрестков, районов и т. д.). В представлении человека существующая макроструктура города может в значительной степени искажаться, упрощаться, редуцироваться. Но при этом она все же будет оставаться основным «каркасом» города, на основе которого человек производит ориентацию в нем.

Мезоструктура. Целью уровня мезоструктуры является не формирование или поддержание образа города (района), а застраивание отдельных ограниченных земельных участков, т. е. увеличение плотности застройки.

А. Э. Гутнов в качестве базисных понятий для описания мезоструктуры города предложил использовать термины «ткань» и «каркас». Каркас – это сеть улиц, а ткань – застройка, которая окружает каркас, как бы нанизанная на него. Гутнов говорит о плотности и рыхлости ткани, о крупной и мелкой сети каркаса [48].

Мезоструктура города может выражаться в виде архитектурно-пространственной композиции, включающей в себя весь перечень социальных объектов, коммуникации, транспортную и пешеходную сеть, функциональные взаимодействия между объектами. От того, какова архитектурно-пространственная организация застройки, зависят качество и уровень комфорта жилой среды.

К. В. Синицын выделил несколько базовых типов организации подобного пространства [111]:

- сквозное пространство, замкнутое с двух сторон зданиями. Здесь сам дом «разделяет» всю территорию пространства на равные участки. Постановка зданий либо строго перпендикулярна, либо хаотична и бессистемна. Внутреннее пространство двора имеет либо строго прямоугольную форму, либо расплывчатую. Данное пространство лишено акцентов и доминант, среди района приобретает однородность, невыразительность, хаотичность из-за одинаковых зданий;

- замкнутый, прямоугольный двор-квартал-пространство – пространство, ограниченное со всех четырех сторон 9-этажными домами и представляющее своего рода квартал застройки. Детские сады, школы, магазины вынесены за пределы двора на межквартальные территории. либо располагаются на его углу. Границы дворового пространства неоднотипны: углы могут фиксироваться высотными домами, а одна из сторон может быть ограничена низкоэтажным зданием;

- замкнутое внутренне пространство со зданием малого объема посередине (детского сада, школы и т. п.). Внутреннее пространство ограничено со всех сторон и может иметь либо прямоугольную, либо многоугольную форму в плане за счет применения поворотных блок-секций типовых домов. Границы участка могут быть в виде сплошного замкнутого контура по периметру, либо с одной стороны участок ограничивается точечными домами. В центре дворовой территории расположено малоэтажное здание;

- безграничное пространство вокруг высотного здания. Такое пространство располагается вокруг точечных многосекционных до-

мов, не имея четкого ограничения. «Точечный дом» не создает и не организует вокруг себя ограниченной территории, но играет в общей застройке роль доминанты;

- линейное пространство вдоль фронта рядовой застройки. Жесткий фронт формирует линейное пространство без начала и конца. Метричный ряд домов также не создает и не организует вокруг себя территории [111].

Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский [133] выделяют несколько иные типы пространственных мезоструктур:

- рядная застройка, когда здания выстраиваются параллельно друг другу, не столько образуя квартал, сколько сопровождая направляющую траектории улицы;

- хаотически разбросанная – бессистемная застройка в квартале, связанная с разным временем застройки или ее уплотнением. Кварталы и районы, построенные с применением подобной мезоструктуры, характеризуются серьезным нарушением ориентации в них человека. Так, например, в Качканаре большинство районов застроены по подобной схеме, поэтому на границе района устанавливаются щиты с картой-путеводителем для решения проблемы ориентации;

- дворовая – когда двор образуется пластинами домов. В огромный прямоугольный двор часто вписываются здания детских садов и школ;

- нестандартное планировочное решение, когда пластины домов слегка искривляются и пространство двора приобретает свойства индивидуальности и уникальности. Подобная планировка была применена при планировании района Комсомольский в Екатеринбурге.

Мезоструктура в психологическом плане формирует отношение человека к городской среде, является основным фоном для осуществления межличностной коммуникации и систематической реализации функционально-ролевых отношений. Мезоструктура должна удовлетворять основные психологические потребности человека (в безопасности, в принятии и принадлежности, в общении, в идентификации и др.). Отсутствие учета данного уровня потребностей с преобладанием ориентации на функциональность пространства при проектировании макро- и мезоструктуры может приводить к негативным последствиям: возрастанию агрессивного и вандального поведения жителей, отказу от проживания в данном районе, стихийной застройке земель-

ных участков вокруг этого района и т. п. (что показательно на опыте района Порт-Айгоу в городе Сент-Луис и города Бразилиа).

Наиболее интересен пример города Бразилиа [92], который задумывался как город будущего, лишенный всех проблем современных городов. Предполагалось возвести город, свободный от неудобств и проблем старых перенаселенных центров, — скученности, транспортных неурядиц, а главное — от многотысячных трущоб (фавел) и бедняцких окраин. Основой Бразилиа как столицы должны были стать административные учреждения. Резиденция президента и его канцелярии (Palacio do Planalto), его дом (Palacio do Alvorada — «Дворец утренней зари»), Национальный конгресс, Верховный суд (Palacio da Justica), десятки зданий министерств, самое заметное из которых — здание министерства иностранных дел (Palacio do Itamarati, названное так в честь первого здания МИДа в Рио-де-Жанейро — дворца барона Итамарати). Кроме этого — университет, Национальный театр, Кафедральный собор (Catedral Metropolitana) и жилые дома.

По замыслу одного из архитекторов Л. Коста город в плане напоминает очертания самолета. В «крыльях» размахом свыше 12 км — жилые зоны, разделенные на кварталы с многоквартирными и частными домами. Кварталы объединяются по четыре в микрорайоны с несколькими магазинами, одной школой и одной церковью. Жилой блок из четырех зданий представлял своим жильцам комплекс услуг. Вокруг подобных блоков были проложены автострасы без перекрестков с широкими развязками в форме четырехлистника. В «фюзеляже» города, на проспекте Эйшу Монументал (Eixo Monumental), на площадях, спускающихся от железнодорожного вокзала к водохранилищу Лагоа Параноа, — правительственные и общественные здания, большой парк Рожериу-Ритон-Фарма (Rogerio Rithon Farma), главная площадь — Трех Властей (Praca dos Tres Poderes) с единым комплексом Сената (полусфера), Парламента — Палаты представителей (перевернутая полусфера) и разделяющими их двумя башнями Национального конгресса, с Дворцом Правительства и Дворцом Правосудия — Верховным судом. Эти три строения — придуманный О. Нимейером и воплощенный в бетоне символ одного из главных положений Конституции Бразилии о разделении властей. Тут же — скульптура Бруно Жиоржи, посвященная строителям города — два воина с копьями. А главный монумент го-

рода – Пантеон Родины (Panteao da Patria Transredo Neves) в форме голубя сооружен в честь павших в борьбе за демократию.

Архитекторы тщательно изучали системы функций, необходимых городу. Они согласовали биологические, социологические, политические, эстетические данные, коды узнавания и ориентации, принципы организации движения транспорта и т. д. Выделенные функции были переведены в архитектурные образы, одновременно укладываемые в традиционные представления и создающие новые возможности. Продумывали все, не забывая о визуальном комфорте – купольные, пирамидальные, чашеобразные объемы, стреловидные колонны, обилие скверов и свободного пространства между домами – все должно было радовать глаз горожан.

Но события начали развиваться независимо от первоначальных замыслов проектировщиков и идеологических вдохновителей города. Уже в день открытия города на его окраинах существовали временные постройки (бараки ста тысяч рабочих-строителей), превратившиеся впоследствии в трущобы. По проекту сразу после окончания стройки их должны были снести, но забыли. Также в проекте не были учтены психология, привычки и потребности той категории людей, которая будет обслуживать город будущего. За несколько лет население Бразилии увеличилось в три раза, причем в основном за счет развития пояса временного жилья малообеспеченных жителей. В то же время наблюдалось нежелание новых жителей осваивать спроектированное инновационное жилье, поскольку архитекторы не учли многие факторы, влияющие на его восприятие (формирование образов, насыщенность среды, архетипизация пространства и т. п.). Таким образом, проработанная идеология макроструктуры и недостатки мезоструктуры изменили облик города кардинальным образом.

Микроструктура. Микроструктура выражается в особенностях структуры отдельных архитектурных форм – зданий. В современной застройке большинства российских городов можно выделить следующие типы: историческая застройка, дома сельского типа, «сталинки», бараки, «хрущевки», типовая многоэтажная застройка советского периода, хай-тек, современная малоэтажная городская застройка (коттеджи, таунхаусы), современная высотная застройка и т. д. Данный уровень структуры ответствен за архетипизацию пространства, формирование эмоционального и ассоциативного отклика человека на него.

Архитектор С. В. Семенцов предложил особый язык для описания отдельных зданий, в основе которого лежат пороги восприятия человеком окружающей среды. Он выделил пять рангов восприятия:

- первый ранг – 1–200 м до здания – на этом расстоянии воспринимается фактура, неровности штукатурки, нюансы декора;
- второй ранг (200–400 м до здания) – хорошо воспринимаются архитектурные детали: зубчики, ниши, фигурная кирпичная кладка;
- третий ранг (400–700 м до здания) – это ранг тектоники, где видны крупные архитектурные детали: балконы, эркеры;
- четвертый ранг (700–1500 м до здания) – здесь хорошо читается объем здания, соотношение масс верха и низа;
- пятый ранг (расстояние более 1500 м) – виден силуэт здания.

По мнению С. В. Семенцова, гармоничное здание должно включать все ранги восприятия [110].

Проводя анализ архитектурной среды современного большого города России, можно выделить ряд обобщенных видов строений, обладающих общим психологическим эффектом, производимым на воспринимающего их человека. В целом было выделено восемь видов архитектурной среды [25], примеры которых приведены на рис. 8.

1. Историческая застройка (рис. 8, а) – здания, являющиеся культурно-историческим наследием города, обладающие ярко выраженной индивидуальностью и неповторимостью. На облик этих зданий накладывают отпечаток эпоха, в условиях которой они создавались, этнокультурные традиции конкретного города или его отдельного района, условия содержания и реконструкции. Как правило, здания, относящиеся к этому виду среды, концентрируются в центре города, его ядре, откуда и пошла застройка территории. В психологическом плане это комфортная среда, пробуждающая интерес человека, активизирующая его.

2. Дома сельского типа (рис. 8, б) характерны для окраинных районов больших городов или районов, включенных в территорию города в ходе возникновения агломерации как поглощенные большим городом сельские поселения. В малых городах подобной средой может характеризоваться основная масса застройки. Частные дома, или дома частного сектора, предполагают проживание в них одной семьи. К дому также прилегает, как правило, небольшой участок земли, предназначенный для частных сельскохозяйственных нужд хозяев дома. Эти дома считаются малоблагоустроенными и низкокомфортабельными. Ветшая, они привлекают в подобный район застройки маргинальных членов городского сообщества.

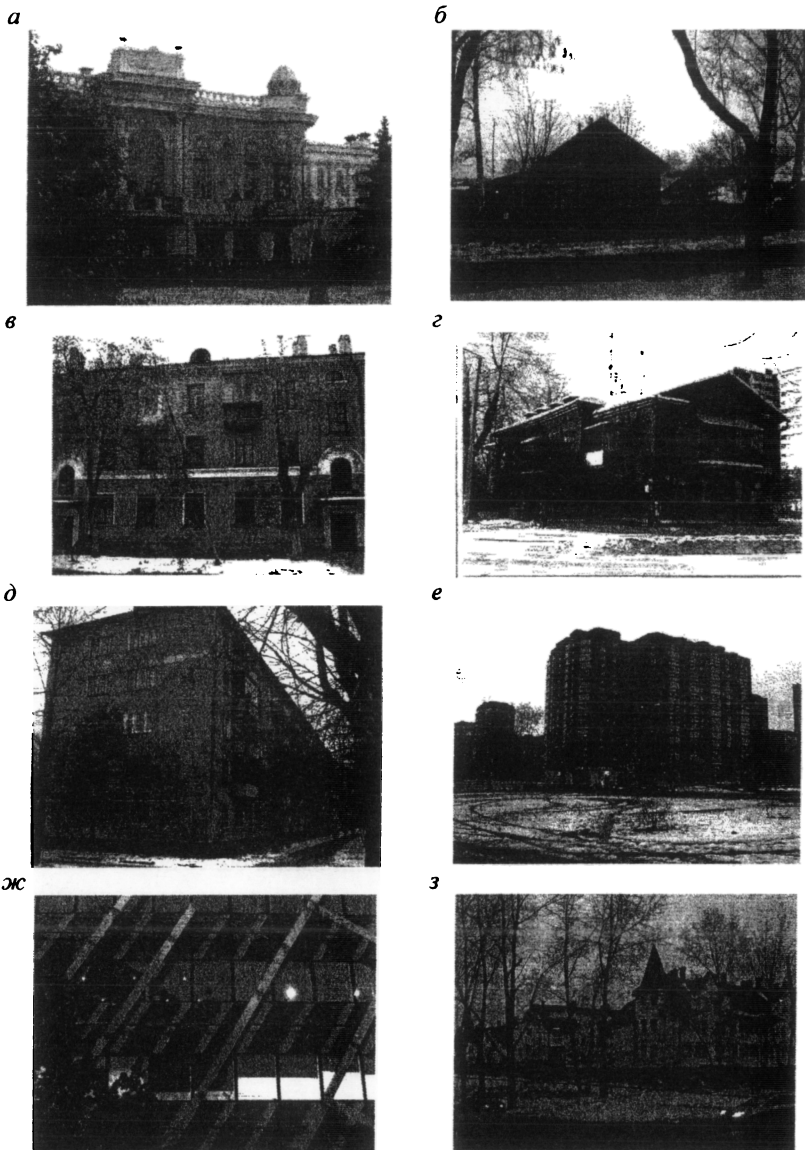

Рис. 8. Примеры архитектурных сред, составляющих микроструктуру:

а – историческая застройка; *б* – дома сельского типа; *в* – «сталинки»;
г – бараки; *д* – «хрущевки»; *е* – панельные и кирпичные многоэтажные дома;
ж – хай-тек; *з* – коттеджи и таунхаусы

3. «Сталинки» (рис. 8, в) – общее название домов, сооружавшихся в СССР с конца 1930-х до середины 1950-х гг. Для данных зданий характерны классические архитектурные формы, обычно небогатый декор, использование красного, белого кирпича, шлакоблоков. Эти здания крупные, с высоким бельэтажем. Все здания, относящиеся к данному виду, можно поделить на три группы: номенклатурное жилье для советских партийных и хозяйственных руководителей; рядовые «сталинки» для рабочих (более утилитарная архитектура, почти плоские фасады со стандартным лепным декором); «ущербные сталинки» – бывшие рабочие общежития (последние, по нашему мнению, составляют самостоятельный вид архитектурной среды).

4. Бараки, или «ущербные сталинки» (рис. 8, г) – это довоенные рабочие общежития, возведенные в период индустриализации как временное жилье. Для этих зданий характерны деревянные перекрытия и узкие окна, малая благоустроенность. Поскольку здания не предназначались для длительной эксплуатации, то в большинстве своем они на сегодняшний день приходят в упадок и ветшают. Их внешний облик свидетельствует о низкой пригодности этих зданий для проживания.

5. «Хрущевки» (рис. 8, д) – созданные по проекту В. П. Лагутенко панельные или кирпичные трех-пятиэтажные дома, массово сооружавшиеся в СССР в период правления Н. С. Хрущева и названные в народе по его имени. Первые проекты «хрущевок» были с черепичными или шиферными крышами, однако уже имели характерную планировку. В рамках кампании по борьбе с архитектурными излишествами последующие проекты этих зданий имели более дешевые в исполнении плоские битумные крыши с низким чердачным пространством, обычно засыпанным изоляционным материалом и имеющим лишь вентиляционные отверстия наружу. В оформлении фасадов зданий отсутствует лепнина и другие декоративные элементы, характерные для зданий предыдущего, сталинского периода.

6. Панельные или кирпичные дома массовых серий (9-, 12-, 15-этажные и т. п.) (рис. 8, е). Эти дома отличаются небольшим разнообразием архитектурных решений и делятся на типовые серии. С 60-х гг. XX в. на основе промышленного домостроения подобные здания, объединенные в микрорайоны, сооружались в каждом городе Советского Союза.

7. Хай-тек (англ. *hi-tech* – от *high technology* – высокие технологии) – стиль в архитектуре и дизайне, зародившийся в недрах постмодернистской архитектуры в 1970-е гг. и нашедший широкое применение в последние годы (рис. 8, ж). Основными характерными чертами данного стиля выступают:

- широкое применение стекла и пластика;
- трубчатые конструкции из металла и лестницы, выведенные наружу;
- децентрализованное освещение, создающее эффект просторного, хорошо освещенного помещения;
- широкое использование серебристо-металлического цвета;
- высокий прагматизм в планировании пространства;
- частое обращение к элементам конструктивизма и кубизма.

8. Коттеджи и таунхаусы – современное малоквартирное жилье (рис. 8, з). Коттедж (англ. *cottage*, первоначально «крестьянский дом»), одноквартирный индивидуальный жилой дом, обладает высокой степенью индивидуальности и вариативности внешнего облика. Как правило, коттеджи располагаются на городской периферии, вымещая застройку сельского типа, или в новых районах города, создаваемых как пояс частного жилья обеспеченной категории горожан. Таунхаусы (англ. *Townhouse*), правильнее «террасы» (англ. *Terras*) – комплексы малоэтажных комфортабельных домов, совмещенных друг с другом боковыми стенками. Каждый из таких домов имеет свой вход, иногда гараж и небольшой палисадник. Их расположение по территории города может быть различным – от центральных кварталов до отдельных высококомфортабельных современных районов.

Таким образом, городские структуры иерархичны и многофункциональны. Обеспечивая ориентацию человека в городской среде, психологическое разграничение пространства города, формирование эмоционально-личностного отношения к элементам города, в целом городские структуры определяют территориальное поведение человека, а вслед за ним и территориальную идентичность его как жителя города, района, улицы, дома.

Глава 5. КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ГОРОДА

Город может рассматриваться и как обособленная территория, и как специфический вид социального сообщества. В то же время в науке нет четкой позиции относительно того, к какому социальному феномену можно отнести город: группе или общности.

В зарубежной социологии существуют множественные ссылки на то, что город – это территориальная общность. Так, Я. Щепаньский определяет его как исторически сложившуюся, территориально локализованную форму организации жизнедеятельности общества, в основе функционирования которой лежит механизм городского устройства, выражающий способ взаимосвязи подсистем, составляющих социально-пространственную структуру города: городской социальной инфраструктуры, городской социальной морфологии, социальной стратификации городского населения, городской культуры, городского образа жизни [134].

В американской социологии вводится понятие *community*, которое дословно переводится как «общность» и является синонимом понятия «территориальная общность». Однако термин «коммьюнити»

является одним из наиболее расплывчатых социологических терминов, который, по сути, до сегодняшнего дня так и не приобрел точного значения. По замечанию Н. Смелзера, оно имеет много оттенков значений и поэтому почти невозможно дать точное определение этого понятия [114, с. 245].

А. Сэтон и Т. Мэнсон, используя для анализа определений «коммьюнити» 125 определений, пришли к выводу, что большинство из них концентрирует внимание на таких компонентах коммьюнити, как территориальность, социальные взаимодействия или социальные взаимоотношения, общие связи или общие действия [45].

Исходя из анализа многообразия дефиниций термина «коммьюнити», можно сделать вывод, что он используется для обозначения единиц территориальной организации общества, которые в определенном смысле образуют замкнутую совокупность. Как отмечает Е. Е. Горяченко, не все территориальные совокупности становятся территориальными общностями, поскольку общность должна быть относительно невелика по своим масштабам для образования в ней чувства общности, вызванного близостью проживания, сходством повседневных дел, постоянными личными контактами, сходным стилем жизни и т. п. [45]. Д. Поплин к «коммьюнити» относит такие типы поселений, как деревня, небольшой город, пригородный район большого города и т. п. [189]. Основные характеристики коммьюнити в подходах зарубежных специалистов:

1. Коммьюнити отличается от других единиц социальной организации тем, что имеет прочную территориальную основу. Основным критерием выделения территориальной общности среди других единиц территориальной организации является способность удовлетворять повседневные потребности людей на данной территории.

2. Коммьюнити следует анализировать в терминах взаимодействий как социальную группу или социальную систему.

3. Члены коммьюнити идентифицируют себя с данной территориальной общностью, осознают свою причастность к ней, а от нее получают ощущение принадлежности и безопасности.

Таким образом, коммьюнити – это социальная территориальная группа специфического рода, к которой не могут быть отнесены все типы городов, существующих в современном мире.

В отечественной социологии существует более широкое понимание общности, как реальной, эмпирически фиксируемой совокупности индивидов, отличающейся относительной целостностью и выступающей самостоятельным субъектом социального действия [15].

Ю. Г. Волков перечисляет следующие признаки общностей:

- сходство, близость условий жизнедеятельности людей;
- общность потребностей, субъективное осознание людьми сходства своих интересов;
- наличие взаимодействия, совместной деятельности, взаимосвязанного обмена деятельностью;
- формирование собственной культуры: системы внутренних норм взаимоотношений, представлений о целях общности, нравственности и др.
- укрепление организации сообщества, создание системы управления и самоуправления;
- социальная идентификация членов общности, их самопричисление к ней [27].

Однако следует отметить, что перечисленные характеристики в их несколько видоизмененной формулировке встречаются и в отечественной социальной психологии – как признаки малых групп [6].

Б. А. Грушин всесторонне обосновал деление общности на два больших класса: номинальные общности – классификационные группы, условно выделяемые исследователем ради достижения его локальных целей; реальные общности – т. е. непосредственно сами социальные группы.

Также можно заметить, что вскрывается существенное противоречие в соотнесении понятий «общность» и «группа» с точки зрения отечественных и зарубежных исследователей. Если в зарубежной социологии группа является системообразующим понятием, в которое и входит дефиниция общности, то в отечественной социологии и социальной психологии общность – это более общее понятие, через которое идет определение групп.

Исходя из этого, по нашему мнению, города во всем их многообразии целесообразно рассматривать как большие социальные группы, поскольку данное понятие позволяет не только наиболее полно изучать их социально-территориальные и экономико-политические характеристики, но и выделять и исследовать психологическую доминанту данного феномена.

На необходимость отнесения города к особому территориальному виду больших социальных групп указывали П. Лоури, Э. Рейс, Р. Уоррен, Э. Хиллар и др.

Действительно, город обладает основными свойствами, необходимыми для того, чтобы составляющую его совокупность людей можно было рассматривать в качестве социальной группы: наличие членов группы (жителей), некоторые критерии членства (отношения к группе), совокупность предписанных ролей и множество специфических норм, которых должны придерживаться члены группы. Характерной чертой города, отличающей его от других социальных групп, является наличие территориального измерения как группообразующего признака.

Кроме того, городское население как большая группа включает в себя разнообразные большие и малые социальные подгруппы, психологически отличающиеся друг от друга (В. В. Покшишевский, В. О. Рукавишников, А. Г. Харчев и др.). Различия между этими образованиями обусловлены особенностями конкретных городских территорий, специфическими профессиональными предпочтениями, этнокультурными характеристиками и т. п. [109].

В соответствии с этим очевидно, что город как большая социальная группа должен обладать определенными характеристиками, свойственными любым социальным образованиям.

Каждое социальное образование может быть представлено как особая система, структура или рассматриваться как целостно функционирующий феномен. Термином «системный подход» обозначается группа методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов. Существует несколько разновидностей системного подхода: комплексный, структурный, целостный.

Комплексный подход предполагает наличие совокупности компонентов объекта или применяемых методов исследования. При этом не принимаются во внимание ни отношения между компонентами, ни полнота их состава, ни отношения компонентов с целым.

Структурный подход предполагает изучение состава (подсистем) и структур объекта. При таком подходе еще нет соотношения подсистем (частей) и системы (целого). Декомпозиция систем на подсистемы производится не единственным образом.

При целостном подходе изучаются отношения не только между частями объекта, но и между частями и целым.

Методологические основания применения системного подхода в психологии разработаны в трудах Б. Г. Ананьева, В. П. Кузьмина, Б. Ф. Ломова.

С помощью системного подхода решаются проблемы интеграции и систематизации психологических знаний, устранение излишней избыточности в накопленной информации и сокращение за счет этого объема описаний, выявление инвариантов психологических знаний, преодоление недостатков локального подхода, уменьшение субъективизма в интерпретации психических явлений. Системный подход позволяет выявлять пробелы в знаниях о данном объекте, обнаруживать их неполноту, определять задачи научных исследований, в отдельных случаях (путем интерполяции и экстраполяции) предсказывать свойства отсутствующих частей описания.

Рассмотрим город с позиций системного подхода – как целостный психологический феномен, опираясь на идею Т. В. Семеновой, которая предприняла попытку систематизировать и дифференцировать городские процессы, состояния и свойства [109]. Взаимообусловленность этих трех переменных можно представить в виде рисунка (рис. 9). Необходимо отметить, что подобная система является классической в изучении психики, а именно сознания как формы или части психической реальности личности [4].

Городские процессы – всевозможные закономерности, зависимости, проявляющиеся в динамике городской жизни.

Городские состояния – особые психические состояния, свойственные людям, проживающим в городе, и обусловленные влиянием на них «городского образа жизни».

Городские свойства – отличительные, наиболее постоянные, основные признаки города, выделяющие и характеризующие его как отдельную специфическую социальную группу.

Данные категории не статичны, а взаимообусловлены и дополняют друг друга. Так, корпоративность является городским свойством, в основе которого лежит процесс идентификации личности с некоторым городским сообществом.

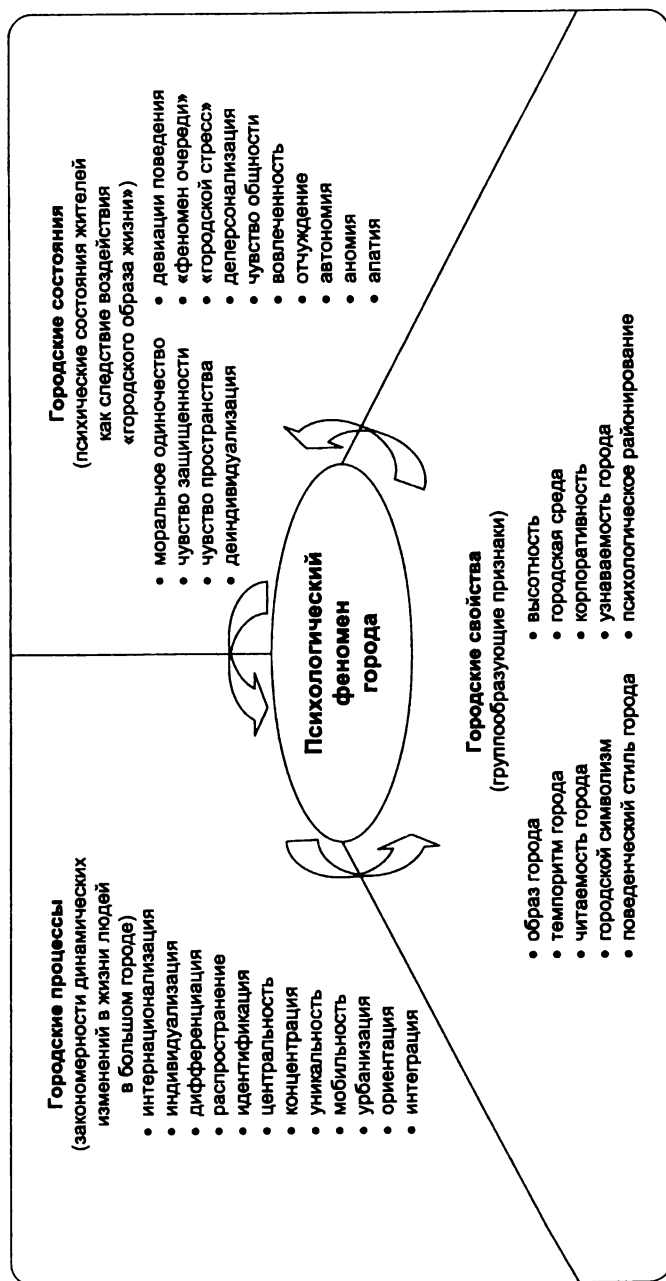

Рис. 9. Систематизация психологического феномена города на основе подхода Т. В. Семеновой

Идентификация – это эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления субъектом себя с другим субъектом, группой, образцом [117, с. 49]. Традиционно различают интериоризационную идентификацию, которая обеспечивает само «присвоение» и «вчувствование» в другого, а также экстрариоризационную идентификацию, которая обеспечивает перенос своих чувств и мотивов на другого. Только в активном взаимодействии эти идентификационные механизмы дают возможность индивиду развиваться, рефлексировать и быть адекватным социальным ожиданиям [86].

В онтогенезе личности овладение идентификацией как способностью приписывать свои особенности, склонности и чувства другим (экстрариоризационная идентификация), как способностью приписывать себе особенности, склонности и чувства других, а также переживать их как свои (интериоризационная идентификация) ведет к формированию механизмов социального поведения, к установлению отношений с другим человеком на положительных эмоциональных началах.

По мнению В. С. Мухиной, развитие способности к идентификации определяет формирование социально значимых свойств личности, например, таких, как способность к сопереживанию (со-чувствию и со-радости) и активному нравственному отношению к людям, к человечеству, к самому себе [86].

Идентификация как феномен социогенеза личности, как механизм, определяющий бытие личности, имеет двойное воздействие на развивающегося индивида. С одной стороны, идентификация обеспечивает присвоение многообразных психических действий, формирует способность к установлению положительных взаимоотношений с людьми, ведет к развитию социально значимых личностных качеств. С другой стороны, идентификация может привести к растворению индивида в другом человеке, выхолащиванию индивидуального.

В условиях корректного воспитания социальное развитие человека идет в направлении формирования личностных качеств, обеспечивающих успешное существование индивида в группе и группы в целом.

Идентификация обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе.

В городской среде отождествление происходит по отношению к людям, проживающим в этом городе определенное время, т. е.

к тем, кто называет себя горожанами. Этот процесс необходим, так как именно за счет него у человека формируются такие психические состояния, как чувство защищенности, принадлежности и общности.

Однако необходимо отметить, что ключевым звеном не всегда является процесс, который инициирует какое-либо городское свойство, приводящее к формированию у жителей города определенных состояний. Определенные состояния личности или степень их интенсивности могут корректировать или даже видоизменять городские процессы.

Например, приезжая в большой город из менее населенного городского сообщества, человек, как правило, стремится удовлетворить базовую потребность в безопасности, для чего подсознательно запускаются процессы идентификации себя в с новой для него средой. Индивид принимает нормы и правила поведения в группе, ориентируется на общие ценности, тем самым способствуя формированию высокой корпоративности, в результате чего осуществляется удовлетворение актуальной потребности, формируется чувство «мы». Но в условиях города будут систематически взаимодействовать различные социальные группы, различающиеся по основным культурным, ценностным и другим характеристикам; таким образом параллельно формируется и четкое представление о «чужих», что, в свою очередь, запускает процессы обособления и достаточно противоречиво влияет на корпоративность.

В онтогенезе личности овладение обособлением как способностью выделиться из общего, осознание личностью своей собственной уникальной целостности и индивидуальности ведет к формированию механизмов социального поведения, развития и бытия личности.

Обособление – это механизм установления с другим человеком (или группой) отношений на социально приемлемых началах, дающих возможность общающимся сохранять свою индивидуальность, чувство собственного достоинства и тем самым реализовывать свои притязания на признание.

Обособление как феномен социогенеза личности имеет двойное воздействие на развивающегося индивида. С одной стороны, обособление возлагает на личность индивидуальную ответственность за себя. С другой стороны, обособление может привести к отчуждению как социальной холодности.

В условиях адекватной социализации социальное развитие человека идет в направлении личностных качеств, обеспечивающих успешное существование индивида в группе и группы в целом. Если идентификация обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе, то обособление позволяет присваивать «внешнее через внутреннее». Именно обособление индивидуализирует присвоенное поведение, ценностные ориентации и мотивы человека.

И хотя каждый индивид присваивает структуру самосознания через идентификационные механизмы, обособление определяет индивидуальное развитие каждого звена этой структуры.

Общая направленность социального развития такова, что в индивидуальном генезисе первоначально возникает готовность к идентификации с другим человеком. Обособление начинает проявляться в социальной ситуации, требующей от индивида отделения от других, отстаивания своего Я. Так возникает механизм, регулирующий поведение личности в обществе: идентификация и обособление.

Корпоративность – одна из наиболее значимых характеристик городской среды, под которой мы понимаем преданность индивида, принадлежащего к обозначенной группе, ее интересам.

Корпоративность – одна из высших форм организации групповых взаимоотношений; это система воззрений, постулирующая интересы группы. По мнению Н. М. Рязанова, современная корпоративность – это совокупность рациональных принципов взаимодействия людей, характеризующих их организацию со стороны эффективности их взаимодополнительности и комплементарности, приводящих их (людей) к чувству комфорта, защищенности и расширяющихся возможностей [104].

Корпоративность является своеобразным аналогом сплоченности, наблюдающейся в малых группах, в то же время первая строится не на наличии большого количества информации о другом, а на «безусловном» доверии по кипплинговскому принципу «мы с тобой одной крови: ты и я». Основой корпоративности являются с одной стороны потребность в принадлежности как обеспечение определенного уровня социальной безопасности, с другой – необходимость в идентификации с другими для формирования адекватного образа Я личности. В этом смысле город как большая группа позволяет полностью удов-

летворить обозначенные потребности человека, превращая его в некую составляющую своей полисубъектности. Вместе с тем не стоит считать, что он разрушает или нарушает личностные границы человека. Происходит частичный и необходимый обмен между личностью и социумом города.

В связи с тем, что корпоративность – это одна из универсальных характеристик социальных групп, ее необходимо рассматривать в контексте размера этой группы. Так, корпоративность по отношению к большим организованным социальным группам: государству, стране, нации и т. п. – принимает форму патриотизма.

Патриотизм – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами сообщества, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы Родины и своего народа [25].

Различают несколько форм патриотизма:

- полисный патриотизм; исторически возник в античности как чувство любви, принадлежности к городу-полису, выполнявшему основные функции государства; в современном обществе его можно экстраполировать на город как родственное полису явление;

- государственный патриотизм – чувство принадлежности, любви к государству; проявляется в активном согласии с политическим, экономическим и социальным курсами развития государства, отстаивании его интересов в разнообразных ситуациях взаимодействия;

- этнический патриотизм – трансляция и активная поддержка национальных традиций, основ культуры своего народа; в максимальной степени выраженности приводит к национализму;

- «квасной» патриотизм – это гипертрофированное чувство любви к своему народу, государству, которое выражается в показном и чрезмерном соблюдении обычаев, традиций и т. п.

Корпоративность жителей города в виде полисного патриотизма может проявляться как гордость за свой город, проявление любви и приверженности к нему, восхищение им, нежелание его покидать, активная позиция в построении и преобразовании городского пространства.

Многие исследователи настаивают на том, что современная городская среда упрощает поведение человека, она не инициирует активность, не является условием развития каких-либо социально-психологических характеристик. На этот негативный аспект влияния городской среды обращали внимание и известные теоретики XX в. Конрад Лоренц отмечал, что современная архитектура, заменившая людям естественную природную среду, подобна распространению раковых опухолей, а с точки зрения науки приводит к невосполнимой потере информации и дефицитарному восприятию [177]. Нарушение гармоничного образа окружающего пространства не дает человеку возможности восполнения и восстановления психоэнергетических ресурсов, города «душат» личность.

Н. Е. Прянишников и В. М. Петров выделяют два аспекта влияния среды на межличностные отношения человека:

1) посредством организации общего мироощущения человека, активизирующего или подавляющего потребность в межличностной коммуникации;

2) посредством создания реальных условий и возможностей для осуществления указанной коммуникации [100].

Таким образом, среда города как создает материальные условия для разнообразных коммуникаций, так и является нематериальным фактором, обеспечивающим мотивацию, настроение и готовность человека устанавливать контакты.

Условием появления корпоративности может быть некоторая общая для жителей ценность: собственность, чувство сострадания, эстетические предметы и др. Собственность занимает особое положение в сформировавшейся корпоративности. Каждый носитель корпоративности имеет свой индикатор комфорта. В общем плане им является убежденность в наличии расширяющихся возможностей в осуществлении собственных действий [104]. Таким образом, одним из основных индикаторов корпоративности является ценностно-ориентационное единство членов группы (жителей города).

Помимо общегородского масштаба корпоративность проявляется и в менее крупных социальных образованиях, включенных в городскую среду, – это районы, кварталы, улицы, дворы, дома, подъезды и квартиры коммунального типа. Здесь корпоративность принимает форму сплоченности.

А. И. Донцов определяет групповую сплоченность как один из процессов групповой динамики, характеризующий степень приверженности к группе ее членов [117]. В качестве конкретных показателей сплоченности, как правило, рассматриваются:

1) уровень взаимной симпатии в межличностных отношениях – чем большее количество членов группы нравятся друг другу, тем выше ее сплоченность;

2) степень привлекательности (полезности) группы для ее членов – чем больше число тех людей, кто удовлетворен своим пребыванием в группе, т. е. тех, для кого субъективная ценность приобретаемых благодаря группе преимуществ превосходит значимость затрачиваемых усилий, тем выше сила ее притяжения, а следовательно, и сплоченность.

Согласно представлениям родоначальников концепции групповой сплоченности – американских психологов К. Левина, Л. Фестингера, Д. Картрайта, А. Зандера и их многочисленных последователей, данный феномен является своего рода «результатирующей» тех сил, которые удерживают людей в группе. При этом считается, что группа удовлетворяет человека в той мере и до тех пор, пока он полагает, что «выгоды» от членства в ней не просто превалируют над «издержками», но превалируют в большей степени, чем это могло бы быть в какой-либо другой группе или вообще вне группы. С этой точки зрения силы сплочения определены «балансом» степеней привлекательности собственной и других доступных групп. К числу основных факторов групповой сплоченности чаще всего относят сходство базовых ценностных ориентаций членов группы, ясность и определенность групповой цели, демократический стиль лидерства (руководства), кооперативную взаимозависимость членов группы в процессе совместной деятельности, относительно небольшой объем группы, ее престиж. Методический аппарат измерения групповой сплоченности представлен в основном социометрической техникой в различных модификациях, а также другими разновидностями процедуры опроса. В отечественной психологии существует трактовка групповой сплоченности как ценностно-ориентационного единства и предметно-ценностного единства.

Еще одним специфичным феноменом, изучающимся в рамках средовой психологии, является соседство. Дж. Лансинг полагает, что соседство – это важная жизненная среда современного человека, спо-

способствующая его самоидентификации посредством формирования эмоциональной привязанности к дому и местной социальной группе и обеспечивающая ему систему психологической поддержки [176]. Это своеобразная местная, или частная, корпоративность. К. Франк выделяет три фактора, определяющих развитие соседских контактов [167]:

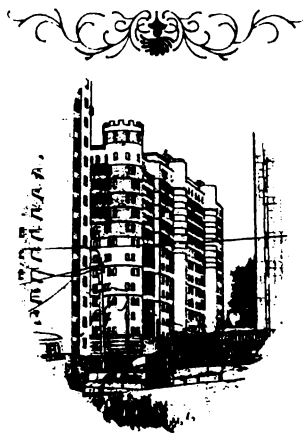
- функциональная зависимость: люди, проживающие на смежных территориях и имеющие некоторые пространства в общем пользовании, неизбежно вовлекаются в развернутую систему функциональных взаимосвязей;

- формирование межличностных отношений: наличие помимо пространственных еще и других видов отношений является следствием систематических взаимодействий людей друг с другом, присутствия разнообразных ситуаций обмена и устоявшегося эмоциональных приоритетов;

- отсутствие альтернатив; определяет вынужденность и необходимость сосуществования, совместного проживания и, соответственно, выстраивание для этого системы взаимодействий друг с другом.

Однако частная корпоративность возникает только в тех случаях, когда требования среды не превышают индивидуальных возможностей личности; другими словами, социальная среда должна соответствовать человеку, а преимущества общения – превышать его недостатки.

Определение корпоративности города позволяет: прогнозировать отношение к вновь прибывающим, выявлять психологическую динамику развития города, объяснять поведенческую специфику его жителей, находить глубинные психологические источники социальных проблем.

Глава 6. ВАНДАЛИЗМ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Человек – единственное существо на нашей планете, сознательно и целенаправленно изменяющее окружающее его пространство. Именно как результат деятельности человека появился такой тип окружающей среды, как искусственная среда. Но стремление к изменению не заканчивается только созданием этой среды: человек продолжает изменять и ее, не смирясь с тем, что уже существует как данность, как результат чужих действий. Само по себе преобразование может носить как социально одобряемый, так и асоциальный характер. В чем причина такого специфического типа активности, его глубинная мотивация? Какова его потребностная база?

С одной стороны, можно рассматривать стремление к преобразованию как склонность к творчеству, инновациям, изменениям ради определенного материального, социального или духовного блага, своего или других людей.

С другой стороны, причина этого может крыться гораздо глубже. Ведь человек не только преобразует среду в позитивную сторону, но и часто ее разрушает. Так, например, то, что мы называем хулиганством и вандализмом – граффити на стенах, оскорбительные, скабрезные или просто информирующие, но не целесообразные надписи на заборах, скалах, вырезанные на коре деревьев и парковых скамей-

ках инициалы. И это не только проблемы отдельного человека с его собственным самовыражением или дефекты его воспитания. Кто из нас когда-то в школьном прошлом не писал на партах? Но зачем мы это делали? От скуки, из чувства протеста или из-за особой внутренней потребности, которую мы мало осознаем?

Человек постоянно преобразует окружающее его пространство – информационное, искусственное, природное, социальное. Он оставляет частичку себя в этом пространстве, заставляя ее нести определенную информацию о себе. Таким образом, человек включает пространство в свою личность как ее особую часть. При этом естественным образом происходит искажение этого пространства под его субъективные требования, даже если пространством является другой человек!

Из этого следует, что без пространства как необходимой части личности последняя становится неполной, лишенной собственной действенной компоненты и собственной константности, так как пространство этой же личности позволяет закрепиться, укорениться, зафиксировать себя во времени.

Исходя из этого функциональное назначение преобразования пространства – вовсе не адаптация, а нечто иное. Вероятно, это некая форма преодоления базального страха смерти, возможность оставить после себя что-то, что значительно дольше, чем сам человек, будет существовать на Земле.

Слово «вандализм» произошло от названия древнегерманского племени вандалов, которые в 455 г. разграбили Рим и уничтожили многие памятники античной и христианской культуры. Вандалы отличались особой жестокостью, они не только разрушали святыни и храмы, но старались сделать это особенно унижительным образом. Появление же самого термина «вандализм» относится ко времени Великой французской революции и приписывается аббату Грегуару. В 1794 г. он выступил с докладом «о разрушениях, творимых вандализмом, и средствах их предотвращения», призывая самым суровым образом пресекать уничтожение памятников искусства. В XIX в. слово «вандализм» вошло в литературный обиход как обозначение разрушения или порчи произведений искусства и памятников архитектуры. Так, в 1846 г. появилась книга графа де Монталамбера, в которой автор осуждал разрушение католических церквей [112].

Проблема вандализма характерна для любой культуры, но степень ее остроты и распространения зависит от уровня и качества жизни общества. На сегодняшний день распространение графического вандализма приобрело угрожающие размеры – в больших и малых городах стены домов, стволы зеленых насаждений, ограды и заборы, асфальтовые дорожки, рекламные стенды, т. е. поверхности всех доступных предметов и построек городской среды покрыты несанкционированными рисунками. Также эта проблема характерна и для учебных заведений, стены и мебель которых часто разрисовываются учащимися. При описании проблем вандализма многие исследователи (Э. Фромм, Т. Парсонс, В. И. Добренко, В. Н. Кудрявцев, С. А. Величева, В. Ф. Пирожков и др.) указывают на то, что наибольшая склонность к вандальному поведению проявляется в подростковый период и в юности. Это связано с особенностями данных возрастных периодов, когда в силу вступают реакции эмансипации (дети перестают признавать взрослых авторитетами, для них становится важным показать, что они сами могут все решать за себя, решать, как себя вести), группирования (объединение для свободного времяпрепровождения со сверстниками в большие компании), подражания (демонстрация сходных типов поведения всеми участниками подростковой компании). Сочетание всех этих реакций приводит к проявлению открытого протестного или демонстративно асоциального поведения среди подростков и юношества. Наибольшую склонность к крупным формам вандализма, связанным с уничтожением каких-либо объектов, проявляют представители мужского пола [190], в то время как мелкие формы вандализма (рисунки на мебели и стенах, процарапывание, марание и т. п.) распространены как среди мальчиков, так и среди девочек [112]. И если насчет крупных форм вандализма у нас не возникает сомнений в их категоризации к общему феномену вандализма, то мелкие формы часто могут рассматриваться как баловство, результат непреднамеренных действий, т. е. не воспринимаются в качестве вандализма как такового.

«Большая советская энциклопедия» определяет вандализм как бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей [19]. В социально-психологических и социологических исследованиях понятие «вандализм» имеет более широкое значение, чем в юридичес-

ких источниках. В то же время наблюдается достаточно разрозненное представление об этом феномене в целом (табл. 4).

Таблица 4

Дефиниции феномена вандализма

Автор, источник	Определение
В. Даль	Поступок грубый, противный просвещению, образованности [50]
Французский энциклопедический словарь «Лярусс»	Состояние духа, заставляющее разрушать красивые вещи, в частности произведения искусства [170]
Современный толковый словарь русского языка Ефремовой	Действие, поведение вандала, вандалов, разрушение исторических памятников, уничтожение культурных ценностей; варварство [58]
Британский акт криминального ущерба	Разрушение или нанесение ущерба любому виду собственности, принадлежащей другому лицу, или намерение разрушить или нанести ущерб собственности, даже если эти действия совершаются без специально продуманного плана [161]
«Энциклопедия юриста»	Бессмысленное, жестокое разрушение памятников, культурных ценностей. Вандалы – древние германские племена, известные своими нападениями на Рим и его провинции, причинявшие при этом огромные разрушения [21]
Уголовный кодекс РФ	Преступление против общественной безопасности, предусмотренное ст. 214 УК РФ, заключающееся в осквернении зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [64]
The Merriam-Webster dictionary	Намеренное или вследствие невежества разрушение собственности, принадлежащей другому лицу или обществу [202]
А. М. Бандурка, А. Ф. Зелинский	Агрессивное правонарушение, по своим внешним (объективным) и психологическим (субъективным) признакам, близкое к насильственным посягательствам [10]
Д. Кантер (D. Canter)	Экзистенциональное исследование, т. е. средство самоутверждения, исследования возможности своего влияния на общество, привлечения внимания к себе [150]
А. Голдштейн (A. Goldstein)	Намеренный акт разрушения или порчи чужой собственности [169]
Дж. Уайс (J. Wise)	Изменение части физической среды без согласия на то ее собственника или управляющего [211]

Очевидно, что определяющими вандализм категориями являются:

- правонарушение (преступление) – т. е. нарушение принятых в обществе норм поведения, за которое будет следовать наказание;
- уничтожение (разрушение, осквернение, порча) – приведение в полную или частичную негодность для дальнейшей эксплуатации предмета;
- агрессия (грубость и т. п.) – проявление негативных эмоциональных реакций во время совершения вандального акта;
- самоутверждение – проявление власти над окружающей действительностью с целью обретения уверенности.

Также важно, что одним из маркеров вандализма является совершение действия с предметами чужой собственности, которые представляют ценность для других, но не для вандаля.

Еще одним признаком вандализма некоторые исследователи считают преднамеренность совершаемых действий. Как указывает Л. С. Ватова, вандализмом может считаться только то деяние, которое совершается с прямым умыслом, а содержание последнего зависит от воли и интеллекта человека. Интеллектуальный момент умысла состоит в осознании асоциального характера поведения и предвидении его последствий. Волевой момент раскрывается через желание совершить противоправные действия и добиться социально нежелательного результата [24].

Однако, как замечает А. С. Скороходова, преднамеренность разрушения создает главные трудности и разночтения в применении этого понятия. Многие виды ущерба окружающей среде и оборудованию наносятся не столько из-за осознанного желания разрушить, сколько вследствие невнимательности, отсутствия заботы и аккуратности, соображений личного удобства. К числу таких действий относятся вытаптывание газонов, замусоривание улиц, грубое обращение с телефонными автоматами и т. п. Отличительной чертой этих поступков является то, что люди не осознают последствий своего поведения и, следовательно, не ощущают ответственности за них. На практике провести различие между намеренными и ненамеренными разрушениями довольно сложно, так как они имеют одинаковый результат – материальный ущерб и деградацию окружающей среды, а часто и ощутимый моральный вред другим людям [112].

В то же время неосторожная вина исключает ответственность за вандализм исходя из ст. 168 Уголовного кодекса РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности». Мотив и цель составляют

субъективную сторону деяния и являются лишь факультативными признаками вандализма, не влияющими на классификацию преступления, но позволяющими назначить справедливое наказание [24].

Следует учитывать, что вандализм – это динамическая структура, представленная разными стадиями развития. По нашему мнению, их можно охарактеризовать следующим образом.

На первой стадии акты вандализма предположительно являются эпизодическими, обусловленными воздействием внешних социальных факторов и переживанием субъектом неконтролируемых эмоциональных реакций. Могут проявляться в виде «случайной» поломки общественной собственности, в виде нежелаемого сорения и т. д.

На второй стадии акты вандализма приобретают устойчивый, повторяющийся характер и мотивированы потребностью в самоидентификации, идентификации с группой или особой субкультурой и часто происходят в результате поведенческой реакции эмансипации в подростковом возрасте.

На третьей стадии развития вандализм становится убеждением, из материальных его форм переходит в вандализм осознанный, духовный. Фактически формируется образ асоциальной личности.

В общественном сознании вандализм часто предстает бесцельным, бессмысленным, немотивированным поведением. Большинство людей могут не замечать, что их действия потенциально носят вандальный характер, например простой рисунок, оставленный на парте в школе, опрокинутая урна для мусора или сломанная скамейка. При этом в оценке вандальных действий нет единства мнений, поскольку индивидуальные, групповые и социальные нормы в понимании того, какие именно разрушения имеют деструктивный для общества характер, зачастую не совпадают. Так, С. Козн отмечал, что «мы приходим к неприятному признанию того, что вандализм не является ни точной характеристикой поведения, ни узнаваемой правовой категорией, это ярлык, применяемый к определенным типам поведения при определенных условиях» [157, р. 23]. Таким образом, некоторые виды разрушений в обществе «нормализованы», институционализированы. Козн предложил список обстоятельств, при которых разрушения рассматриваются обществом как допустимое или терпимое поведение. Это ритуализм, общественная лояльность по отношению к действиям некоторых социальных групп, игра и привычность [112].

Классификации причин вандального поведения разнообразны. В зарубежной литературе обобщенно принято выделять следующие виды вандализма на основании его причинно-мотивационной обусловленности:

- вандализм непреодолимого искушения [209] – объект вандализма привлекателен для его «преобразования» или разрушения;
- вандализм «по-другому-сделать-было-нельзя» [209; 212] – возникает из-за ущербности, неудобства и незргономичности окружающей среды;
- вандализм хищений [154] – хищение общественной или частной собственности для собственного финансового обогащения;
- вредительствующий вандализм [201; 209] – разрушение предметов, когда не могут быть удовлетворены стяжательные намерения;
- злонамеренный вандализм [157; 201; 212] – выражение гнева, направленное на общественную собственность;
- злоупотребляющий вандализм [209] – «неадекватное» или неосторожное обращение с объектами;
- идеологический вандализм [157] – как средство достижения каких-либо целей, имеющих какую-либо идеологическую подоплеку;
- конфликтный вандализм [209; 212], возникающий из-за наличия противоречия между потребностями субъекта и условиями окружающей среды;
- конформный вандализм [154; 168; 205], совершающийся под давлением группы (субкультуры);
- любопытствующий вандализм [209], появляющийся из-за чрезмерной любознательности и «разрушительного экспериментаторства» субъекта с объектами общественной собственности;
- маскирующий вандализм [157; 201], служащий методом сокрытия хищений и краж;
- мстительный вандализм [181; 157] – выражение враждебности или гнева по отношению к собственнику объекта вандализма;
- непреднамеренный вандализм в ходе игры [157; 201; 212] – как следствие неосторожных игр детей и подростков;
- тактический вандализм [157] – как средство достижения иных целей (запугивания, саботажа и т. п.);
- экстравагантный вандализм [172; 154] – как средство самоутверждения или следствие реализации желания вандала привлечь к себе внимание.

В отечественной психологии, социологии и юриспруденции также существуют различные подходы к выделению видовых аспектов вандального поведения. Так, в одной из немногочисленных научно-аналитических работ на данную тему Е. В. Евменова перечислила следующие виды вандализма: экологический; идеологический; вандализм, совершаемый из мести; вандализм музыкальных и спортивных фанатов; корыстный; совершаемый в отношении сооружений малых архитектурных форм; уничтожение и повреждение памятников культуры; осквернение могил; электронно-вычислительный вандализм [56].

А. М. Бандурка и А. Ф. Зелинский считают, что основанием для классификации видов вандализма выступает криминологическая природа отдельных его проявлений, складывающаяся из ведущих мотивов и тех общественных отношений, в сфере которых совершается агрессивное правонарушение. Они различают шесть разновидностей вандализма: бытовой (возникает на почве конфликтных отношений между людьми в сфере быта), эпатажный (ориентируется прежде всего на производимый эффект), «криминальный», идеологический, террористический, государственно-чиновничий [10].

На основе отечественных и зарубежных подходов к пониманию видов вандализма и их мотивационной основы можно представить следующую комплексную типологию видов вандального поведения [31].

1. *Вандализм, вызванный внутриличностными причинами.* Являясь социальным явлением, вандализм и его причины тесно связаны с особенностями личности человека, совершившего данное деяние. Согласно эстетической теории вандализма В. Оллена и Д. Гринбергера данный тип поведения понимается с позиции его процессуальной характеристики как акт, доставляющий удовольствие человеку, имеющему врожденную предрасположенность к разрушениям. В рамках данной теории также указывается на особую роль переживаемого человеком при совершении вандализма возбуждения.

На эмоциональную составляющую совершения вандальных действий указывали также Р. Бэрон, В. Венмайер, Д. Кантер, С. Коэн и др. Переживаемые субъектом эмоциональные состояния лежат в основе внутрилично обоснованного вандализма и прослеживаются в следующих его видах.

Стяжательный вандализм. Это вандализм, совершаемый ради получения выгоды, приобретения чего-либо. Его основным мотивом

является материальная выгода, а разрушения каких-либо объектов чужой собственности выступают как сопутствующие последствия достижения цели приобретения. Как указывает С. Козн, данный вид вандализма является некоей разновидностью кражи [155; 158]. При этом часто вандалами изымаются отдельные части инсталляций, украшений витрин магазинов, присваиваются дорожные знаки, вывески, элементы декора зданий и тому подобные элементы, что в итоге нарушает целостный облик объектов, подвергшихся несанкционированному воздействию.

Исследование, проведенное в молодежной среде С. А. Остриковой и О. В. Кружковой, показывает, что наиболее характерными формами данного вида вандализма являются разграбление могил и захоронений; похищение цветного металла с объектов общественной собственности и культурного значения; самовольное размонтирование и похищение полезных для себя предметов; поиск кладов на не принадлежащей субъекту территории; похищение элементов товаров и декора в торговых помещениях [70].

Агрессивный вандализм. При данном виде вандализма разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление. При этом разрушение имущества представляет собой отложенный ответ на действие противной стороны и совершается анонимно. Р. Бэрн и его сотрудники к одной из причин вандального поведения относят деструктивную критику в адрес подростка, поскольку она вызывает напряжение и чувство гнева [149]. С. Козн, описывая «злой» вандализм, характеризует его как поведенческие акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям и удовольствия от причинения вреда, без учета специфики принадлежности объектов людям, вызвавшим данные переживания [157]. Дж. Доллард в ходе исследований выявил, что внутренний мотив агрессии как побуждение человека к разрушению создает состояние фрустрации [165]. Однако Л. Берковиц предположил, что к агрессии могут приводить возбуждение или любые негативные чувства [17].

Часто встречаемыми формами данного вида вандализма являются порча имущества человека или учреждения, которые вызвали обиду или злость; намеренное замусоривание и деформация элементов природной среды в плохом настроении; порча афиш, рекламы, плакатов, вызывающих раздражение; разрывание книг, тетрадей или других бумажных предметов, не являющихся собственностью субъекта [70].

Тактический вандализм. Данный вид вандализма объясняет наносимые разрушения как средство для достижения других целей (запугивания, саботажа и т. п.). Иногда данный вид вандализма может носить идеологический оттенок, когда объект разрушения имеет ярко выраженный символический смысл, вызывающий агрессию или протест со стороны субъекта вандализма. Кроме того, А. М. Бандурка и А. Ф. Зелинский указывают, что данный вид вандализма может «соединяться» с террористическими актами [10].

В содержательном аспекте данный вид вандализма проявляется как создание условий для невозможности проведения учебных занятий в учебном заведении; порча имущества для устранения вероятных негативных последствий апеллирования к нему; «телефонный терроризм»; порча чужого имущества с целью запугивания его владельца; порча чужого имущества с целью выведения соперника из конкурентной борьбы [70].

Любопытствующий вандализм. Происходит из-за чрезмерной любознательности и «разрушительного экспериментаторства» с объектами общественной или частной собственности. В этом случае целью разрушения является познание. Д. Кантер указывает, что причиной вандального поведения является желание понять, как работает система, разобраться во внутреннем устройстве объекта. Это может быть также экстраполировано с материальных объектов на социальные системы, когда «изучаются» прочность социальных связей и межличностных отношений, устойчивость социальных норм, авторитета взрослых [150].

Данный вид вандализма встречается в форме порчи чужого имущества ради наблюдения за ответной реакцией его обладателя; разрушения вещи ради познания ее внутреннего устройства; испытания чужих вещей на прочность; взлома помещения ради интереса; экспериментов со взрывчатыми и горючими веществами и предметами; примерка заведомо малых субъекту вещей [70].

Эстетический вандализм. Совершается ради получения удовольствия от процесса и результата вандальных действий. По мнению Д. Кантера, наблюдение разворачивания процесса разрушения во времени создает новые визуальные структуры, рождает необычные звуковые ощущения, что может быть особо приятно субъекту вандального поведения [150]. На процессе получения удовольствия центриро-

вана и эстетическая теория происхождения вандализма [143; 144]. По мнению авторов теории, человек может получать эстетическое наслаждение, не только созидая что-либо, но и разрушая какой-либо «сложный» объект, пробуждающий интерес и желание разобраться в его природе или строении. При этом разрушение объекта является проявлением стремления постичь его. Удовольствие вандал получает от прилагаемых усилий для приобретения «познавательного» опыта разрушения объекта. И здесь основой вандализма могут быть названы интерес к объекту разрушения и творческое познание его сути. В. Оллен и Д. Гринбергер отмечают, что степень получаемого вандалом удовольствия может зависеть от таких условий, как новизна, сложность, неожиданность ощущений [143; 144].

Творчество и креативность как причинная основа вандализма редко называется исследователями данной проблемы, поскольку под вандальными актами ими чаще всего понимается разрушение объекта, а не его преобразование (нанесение рисунков, надписей, придание ему иной формы и т. д.). В то же время и теория удовольствия, и тем более эстетическая теория могут быть распространены на эти случаи именно в свете получения подростком удовлетворения от творческого акта, хотя и носящего не созидательный, а деструктивный характер по отношению к общественной собственности. Интересно, что сами подростки, увлеченные граффити и относящие себя к субкультуре райтеров, в качестве основного мотива своего асоциального поведения называют именно творческое самовыражение.

Эстетический вандализм может проявляться в форме нанесения граффити и рисунков на объекты общественной или частной собственности, надписей краской или другими способами на стены, тротуары с целью выражения своих чувств; разрушения непривлекательных для субъекта элементов общественной собственности; изменения внешнего вида объекта против воли его владельца, поскольку, по мнению субъекта, «так будет лучше» [70].

Экзистенциальный вандализм. Вандализм может выступать и как средство самоутверждения, в форме исследования возможности своего влияния на общество, привлечения внимания к себе. По мнению Л. С. Ватовой, мотив самоутверждения при совершении вандальных действий характерен для подростков, склонных к лидерству [24]. Л. Берковиц предположил, что проявление агрессии, в том числе

в виде вандального поведения, может быть основано на желании оказать влияние на других людей, завоевать власть, продемонстрировать превосходство над окружающими, создать впечатление, заслужить одобрение от значимых лиц и т. п. [17]. Как правило, разрушители такого типа не пытаются избежать наказания и стараются сделать из своего поступка публичное событие. Так, порча крупных произведений искусства часто детерминирована «причудливым» желанием субъекта вандального поведения привлечь к себе внимание [160]. Поэтому одной из психологических основ данного поведения может выступать истероидная акцентуация характера субъекта вандализма.

Разнообразие форм проявления данного вида вандализма может быть сведено к следующим разрушительным действиям: самовольное изменение объектов общественной собственности с целью вызвать восхищение собой; деформация окружающей среды с целью привлечь к себе внимание других людей; порча чужого имущества и объектов общественной собственности для утверждения или демонстрации своих возможностей; реализованное желание «оставить свое имя в истории» начиная от банальных надписей с указанием своего имени, инициалов, никнейма на объектах частной или общественной собственности и заканчивая разрушениями данных объектов с обязательным указанием на персону совершившего деяние; демонстрация бравады, сопровождаемая деструктивными действиями по отношению к объектам среды [70].

Протестующий вандализм. Протест против социальных и культурных норм взрослого мира довольно часто характеризует поведение подростков. В то же время данный вид вандализма вполне может быть присущ человеку, вышедшему из подросткового возраста, — представителю оппозиционных юношеских субкультур или человеку, сочувствующему какой-либо политической партии, общественной организации и совершающему вандальные акты по отношению к собственности ее оппонентов, или человеку, обиженному на общество или отдельных его представителей и демонстрирующему свою обиду через вандальные действия и т. п. В целом мотив мести можно рассматривать как определенные негативистские действия. Д. Кантер считает, что мотив мести возникает в ответ на ущемление каких-то интересов субъекта вандализма обществом или его отдельными представителями [150]. Например, граффити, влекущие порчу обществен-

ного или частного имущества (что само по себе является нарушением социальных запретов), представляют собой относительно безопасный для индивида способ заявить о своей оппозиции закону или другим социальным институтам. Подобное же предполагает и Э. Росс, связывая подростковый вандализм с ущемлением стремления подростка к гедонизму, когда все предметы, символизирующие мир взрослых, воспринимаются как препятствие для получения удовольствия и вызывают протест. Таким образом, вандализм – это разрушение источников запрета [191]. Р. Бэрн и Дж. Фишер в рамках теории взаимодействия субъективной несправедливости и уровня контроля утверждают, что глубинным мотивом вандализма является восстановление справедливости, попранной в результате перманентного нарушения другими людьми правил общественного бытия или неподтвердившихся ожиданий субъекта [149]. С. Козн также описывает данный вид вандализма как мщение, когда разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление. Специфической особенностью здесь выступает то, что разрушение является отложенным ответом на действия противной стороны и совершается анонимно. Обида может не иметь под собой реальных оснований, быть воображаемой. Также объект разрушения может напрямую не являться собственностью человека или организации, против которых выступает субъект вандализма, а быть связан с ними лишь косвенно, символически, опосредовано. Но эмоциональный «выплеск» и совершаемые разрушения позволяют снять накопившееся напряжение по принципу замещения как механизма психологической защиты [157].

Проявлениями данного вида вандализма могут быть следующие формы поведения: неконформное поведение рядом с запрещающими табличками, знаками и надписями; нанесение надписей, отражающих протест против общественных правил, норм и законов; деструктивный протест против популярности других людей; националистический протест; религиозный протест; культурный протест [70].

2. Вандализм, вызванный средовыми причинами. Среда является значимым стимулом в формировании поведения человека. Качества природной и искусственной предметно-пространственной среды могут выступать основанием для выделения причин вандализма. Так, Дж. Цайсель предложил различать злонамеренный вандализм (соответствующий описаниям агрессивного вандализма), неверно назван-

ный вандализм (когда повреждения объектов возникают в результате просчетов в проектировке среды, а не намеренных действий человека), незлонамеренное повреждение собственности (возникающее в результате игры или другой деятельности, когда необходимо что-то отметить на стене и т. п.), скрытое повреждение объекта в ходе эксплуатации (когда происходит постепенное разрушение объекта в силу его местоположения, специфики его материала, просчетов в проекте его установки и т. п.) [212].

Следует также учитывать и то, что среда не ограничивается исключительно предметно-пространственным окружением человека, в котором он развертывает свою активность, но и состоит из информационных потоков, социальных воздействий, которые постоянно способствуют видоизменению позиции и поведения человека. Мотивы свершения данного типа вандализма основаны на разнообразных стимулах среднего воздействия, являются внешне детерминированными и могут быть представлены в следующих видах вандального поведения.

Конформный вандализм. Совершение вандальных действий здесь является следствием давления группы, необходимости или желания субъекта подражать другим. Иногда подобные действия совершаются под девизом «Все так делают». Особо это относится к представителям некоторых субкультур, в которых делинквентное поведение считается нормой. С. Козн установил, что для подростков, склонных к делинквентности, характерна существенная фрустрация, а их группа характеризуется как неутилитарная, злонамеренная и негативистская по отношению к обществу. На важность мотивов подражания, заражения, внушения как механизмов распространения вандализма в подростковой среде указывает и В. Ф. Пирожков [98]. В групповом контексте вандализм может быть представлен как игра, в которой все участники группы остаются в выигрыше [168], и как деятельность, часто инициируемая в группе и посредством группы, ради развлечения [154]. В то же время неконгруэнтность школьных требований реальностям современной жизни также может приводить к возникновению вандализма. Часто удовлетворение подростком требований, предъявляемых школой для успешного обучения, не позволяет ему в полной мере быть успешным в настоящем и будущем общесоциальном взаимодействии [162], поскольку послушание, усидчивость, вежливость, высоко ценящиеся при взаимодействии с педагогами, в подростковой среде будут значительно снижать статус субъекта.

Формы конформного вида вандализма проявляются в подражательных деструктивных действиях; деструктивных действиях «за компанию»; деструкции окружающей среды под давлением группы в соответствии с ее нуждами [70].

Вандализм, вызванный неудобствами окружающей среды. Этот вид вандализма инициируется каким-либо неудобством окружающей среды, желанием субъекта изменить ее для себя, ради персонального удобства, комфорта, чувства безопасности. Г. де Грюши и Г. Хансфорд подчеркивают, что большинство случаев разрушений так или иначе связано с характеристиками природной и искусственной сред [164]. В. Вейнмаер утверждает, что основа вандализма коренится не в личности субъекта, а в природе и качестве зданий, оборудовании парков, общественном транспорте и других объектах вандализма. Он писал: «Реальные вандалы в нашем обществе – это проектировщики и монтажники, которые обеспечивают возможность совершения так называемого вандализма. Девяносто процентов того, что называется вандализмом, может быть предотвращено на этапе проектирования среды, остающиеся десять процентов злонамеренно и необъяснимо... Вандализм случается, потому что взрослые предоставляют возможность для неправильного употребления среды, а затем сваливают вину за это на молодежь, склонную к вандализму» [209, р. 286].

При исследовании данного вида вандализма внимание часто концентрируется на том, каким образом особенности пространства и дизайна воздействуют на возможность воспринимаемого и реального социального контроля над поведением субъекта. Так, большинство разрушений происходят в тех местах, которые воспринимаются как недоступные для постороннего наблюдения [208]. Также внимание обращается на специфические детали предметов, подвергшихся разрушению и порче, поскольку предполагается, что они ослабляют внутренние механизмы сдерживания деструктивных действий. Замечено, что появление первых, даже мелких и случайных, разрушений или надписей и рисунков резко увеличивает вероятность последующих поломок и увеличения ущерба. Разрушенные объекты кажутся «ничейными», создавая тем самым дополнительный стимул для их поломки и облегчая нарушение социальных запретов.

Проявления средового вандализма многообразны по своей форме. Это прокладывание удобных путей, маршрутов через ограждения,

газоны, клумбы и т. п.; самовольная организация удобных субъекту мест отдыха при деструкции изначального окружения частной или общественной территории; использование элементов общественной территории не по назначению; самовольное преобразование окружающей среды для повышения субъективного удобства от взаимодействия с ней; самовольное изменение субъектом вандализма окружающей среды для повышения качества собственной жизни [70].

Вандализм, вызванный скукой. Мотивом выступает поиск новых впечатлений, острых ощущений, связанных с запретом и опасностью [150]. Безделье, скука, неумение занять себя, поиск развлечений часто бывают связаны со скудностью информационного фона, отсутствием мест отдыха, незанятостью человека учебой или работой [24]. В рамках теории удовольствия [162] отсутствие в школе необходимого для подростка числа и качества интересных и увлекательных событий трактуется как основание совершения им асоциальных действий, поскольку последние приносят подростку большее удовольствие, чем обычные учебные действия [162]. Таким образом, основой совершения подростком вандальных актов являются скука и стремление ее преодолеть, развлечься, получив при этом должное удовольствие.

Проявляется данный вид вандализма в форме деструкции окружающей среды с целью развлечения, рисунков на партах или иных поверхностях объектов частной или общественной собственности при депривации потребности в новой или интересной информации [70].

Стоит также учитывать, что одной из причин проявления вандализма может являться нарушение удовлетворения или депривация субъектных потребностей индивида. К. А. Абульханова-Славская под субъектом понимает способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире [3]. Исходя из этого основным качеством субъекта как детерминанты осуществляемых им изменений в мире считается проявляемая им активность. Активность является основной субъектной потребностью, без которой проявление субъекта невозможно. Процесс удовлетворения потребности в активности реализуется в двух направлениях – во внутреннем плане как потребность в самопознании, самовыражении и саморазвитии, во внешнем плане – с учетом двух комплементарных тенденций: интеграции с другими и дифференциации от других. В результате потребность в активности может быть детализирована в виде трех основных субъектных потреб-

ностей: 1) потребности в самореализации, основанной на процессах самопознания, самовыражения и саморазвития; 2) потребности в признании, которая может быть прошкалирована по степени своей остроты от потребности в принятии (допуска в сообщество) до потребности во власти (права управления сообществом); 3) потребности в свободе – отсутствии ограничений и директив в выборе направления и действий по реализации активности.

При нарушении или депривации субъектных потребностей, отсутствии условий для их реализации данные потребности могут быть компенсированы неадекватными способами. Причиной девиантного поведения подростков часто является фрустрация – психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении субъектных потребностей, желаний, которое влечет за собой необходимость снятия напряжения [75].

По мнению Л. С. Ватовой [24], главными причинами вандализма являются фрустрация высших, созидательных потребностей и, возможно, неспособность индивида превращать позитивные социальные влияния в факты собственной внутренней жизни. Акты вандализма могут быть также средством достижения иных, второстепенных целей: экономических, политических и пр. В результате многолетней практической и исследовательской деятельности Л. С. Ватова в зависимости от отношения к окружающим выделила несколько групп подростков и молодежи, причастных к вандализму:

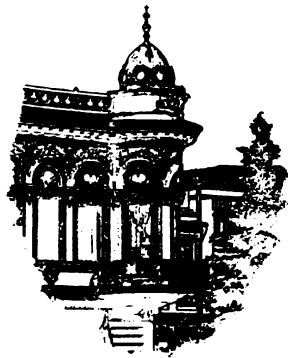
- *уступчивые*: молодые люди шизоидного (интровертированно-го) типа с тормозимыми реакциями астенодепрессивного типа;
- *зависимые*: молодые люди с конформностью, склонностью к подражанию, внушению, эмоционально-волевой неустойчивостью;
- *уверенные в себе*: молодые люди с проявлением эпилептоидности (возбудимости);
- *доминирующие*: молодые люди с проявлением демонстративности, гиперактивности, агрессивности.

Для всех этих групп молодых людей характерны причастность, предрасположенность к вандализму, положительное отношение к вандальному поведению, нарушение норм и правил, дезадаптация, предрасположенность к разрушающему поведению, эгоцентризм, низкий уровень социального развития, конформность, склонность к подражанию, заражению, внушению, неадекватная самооценка. Молодежь

первой и второй группы склонна к аутсайдерству, третьей и четвертой – к лидерству [24].

Типы вандалов также были выделены Дж. Мартином [181]. Он подразделил субъектов, склонных к совершению вандальных действий, на три категории: тревожный вандал – демонстрирует деструктивное разрушительное поведение по причине каких-либо серьезных эмоциональных проблем, которые он не в силах разрешить другим способом; законопослушный вандал, который совершил деструктивное действие по неосторожности, в силу чрезмерных эмоциональных нагрузок или в результате ответной реакции на внешние обстоятельства; субкультурный вандал – участвует в разрушительных актах как один из участников молодежной группы, обязывающей своих членов совершать преступные групповые действия.

Таким образом, проблема вандализма является перманентным вопросом, сопровождающим всю историю человечества. Социальные истоки вандализма в достаточной степени понятны и очевидны – это, безусловно, протест одних категорий людей против социальных и культурных устоев, моделей поведения, норм, правил, ценностей других категорий. Фактически вандализм является показателем степени напряженности межгруппового взаимодействия и обострения социальных противоречий. При широчайшем распространении вандального поведения в современной молодежной среде психологические феномены вандализма, его основы, дефиниции, разновидности, виды и причины совершения и с групповой, и с личностной позиции изучения представлены крайне поверхностно.

Глава 7. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Классификация методов

Метод (от гр. *méthodos* – путь исследования, теория, учение) – это способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов и операций практического или теоретического освоения действительности [124, с. 364].

Метод – это способ научного познания объекта или практической деятельности, реализующий познавательную позицию субъекта по отношению к объекту исследования [55, с. 306].

Психологические методы исследования – это основные приемы и средства получения научных знаний о психической реальности.

Средовая психология как относительно молодое научное направление для сбора эмпирических данных использует общенаучные методы исследований, методы и методики, применяемые в различных отраслях психологии, а также имеет собственные, специфические способы получения информации.

В основе приведенной ниже классификации лежит конкретизация предмета исследования при условии изучения взаимодействия человека и среды. Подобная систематизация транслируется в рамках

изучения человеко-средового взаимодействия в Экопсихологической лаборатории города Самары [137].

I. Методы анализа поведения в условиях среды

1. Анализ использования пространства (Postoccupancy Evaluation) – систематическая экспертиза того, как здание или другой архитектурный объект действительно используется жителями и другими пользователями. Метод направлен на определение того, насколько реализуется функциональный потенциал какого-либо архитектурного объекта. В качестве основных средств можно использовать наблюдение, опрос и анкетирование.

Наблюдение реализуется либо включенно, т. е. сам наблюдатель находится в заданном пространстве и изнутри фиксирует поведенческие особенности людей, либо невключенно – наблюдатель может анализировать количество человек, входящих в здание или выходящих из него, интервалы времени, которые люди проводят в данном объекте, находясь при этом за пределами изучаемой среды. Кроме того, наблюдение обязательно должно быть стандартизировано и структурировано; заблаговременно выделяются и систематизируются параметры, изменения которых и будут наблюдаться; разрабатываются шкала оценки и бланк наблюдения.

Опрос – это структурированная беседа по заранее подготовленным вопросам, т. е. получение информации посредством устного диалога либо с людьми, систематически находящимися в данном пространстве, либо с теми, кто просто наблюдает этот объект со стороны. У данного способа есть несколько особенностей: временное ограничение (человек, как правило, не расположен к длительным беседам в ситуациях, когда его останавливают на улице или около дверей квартиры), установка на поверхностные ответы (респонденты склонны ограничиваться типичными, «средними» формулировками), минимализм в количестве задаваемых вопросов (люди не согласятся на опрос, включающий в себя ответы на 20 или 50 вопросов, рекомендуется ограничиваться максимум 7–10).

Анкетирование – письменный вариант опроса; участникам исследования предлагается письменно ответить на ряд вопросов, расположенных на бланке. Вопрос может быть закрытого типа – в анкете предложен ограниченный выбор вариантов ответа, открытого – предполагается свободная форма ответа, и полузакрытого – в вопросе есть

варианты ответа, но последний вариант обозначен как «Ваш вариант», где предлагается сформулировать собственный ответ, если все остальные не соответствуют мнению респондента.

2. Видеонаблюдение – наблюдение, осуществляемое при помощи специальных технических устройств, способных фиксировать данные в форме видеозаписи. После осуществления видеозаписи данные анализируются экспертами. Этот метод является разновидностью метода наблюдения, но предполагает использование специальных технических средств – видеокамер или камер слежения. В современных условиях развития нашего общества данный метод в рамках анализа поведения человека в среде города, особенно большого, технически очень доступен. Почти все учреждения оснащены системой видеослежения как внутри здания, так и за его периметром. Однако стоит учитывать этическую сторону его использования, так как вторжение в личное пространство человека недопустимо и он должен быть информирован о видеосъемке.

3. Поведенческое картирование (Behavioral Mapping) – способ, связанный с систематической фиксацией местоположения людей: того, где они сидят, стоят, проводят время. Существует два основных типа картирования – центрированное для места (place-centered mapping) и центрированное для человека (individual-centered mapping). Для сбора такого рода данных более эффективно использование видеонаблюдения, которое в меньшей степени зависит от особенностей наблюдателя, объективно и беспристрастно. При картировании для места основной целью выступает изучение особенностей поведения людей в конкретных пространственно-предметных условиях. Например, для того, чтобы определить, насколько удобно расположен банкомат, анализируем данные видеокамер, а именно: как располагаются люди в ситуации очереди к банкомату, мешают ли они при этом прохожим, насколько далеко расположена проезжая часть и т. п. Картирование для человека выполняется с целью определения особенностей пространственного, территориального поведения какой-либо социальной группы или конкретного человека. Особое внимание следует обратить на тот факт, что данный метод не изучает мотивы поведения людей, а фиксирует их поведенческие особенности либо в контексте каких-то конкретных условий, либо с точки зрения их принадлежности к определенной социальной группе.

4. Трейс-оценка (Trace Measures) – изучение побочного продукта социосредовых взаимодействий. Исследователь оценивает пространство в зависимости от количества надписей на стенах, мусора, других признаков того, насколько оно осталось сохранным. Этот метод – модификация метода анализа продуктов деятельности, однако если в последнем результат деятельности является ее целью, то трейс-оценка анализирует вторичные результаты. Так, в качестве трейс-оценки может выступать интерпретация граффити или рисунков на партах. В качестве примера можно привести подобный анализ, выполненный С. А. Остриковой под руководством О. В. Кружковой.

Целью работы было определение мотивов поведения людей, рисующих на стенах и на партах. Для этого осуществлялся подробный семантический анализ рисунков. Приведем по одному примеру (рис. 10).

Рис. 10. Граффити «Райтер»

Рисунок был нанесен на стену возле подъезда дома, называемого жителями «дворянское гнездо», на ул. Орджоникидзе района Уралмаш в Екатеринбурге. Находится во дворе. Представляет собой изображение фигуры в плаще синего цвета с закрытой головой и частично закрытым лицом с баллончиками краски на поясе.

Контур тела нет, оно «спрятано» под одеждой, что говорит об изоляции от окружающей среды, работе психологических защитных механизмов. Затемнение контура тела под плащом, зачернение указывают на присутствие страха и тревоги. Возможно, человек боялся

быть замеченным прохожими. Присутствие жирных линий в рисунке свидетельствует о склонности к импульсивному и естественно-спонтанному поведению. Можно предположить, что рисунок является спонтанным, не спланированным и не продуманным заранее. Наличие тонких линий может быть свидетельством нерешительности. Возможно, автор не был до конца уверен в выборе места, сюжета творения. Заостренные линии, острые углы указывают на агрессивность. Сам факт нанесения рисунка на стену дома можно рассматривать как несколько агрессивное действие.

Линии неодинаковой яркости могут говорить о напряженности, которую можно объяснить нежеланием автора быть замеченным. Наличие длинных линий свидетельствует об импульсивном, легко возбудимом характере.

Голова является отображением сферы интеллекта, воображения, волевого управления «телесными побуждениями». Автор очень тщательно скрывает эту область и дает свободу проявлению своих телесных порывов. Изображение на голове чего-либо – символ защиты от воздействия внешнего мира. «Сам себе на уме». Голова направлена влево – тенденция к рефлексии, размышлениям, нерешительность, страх, боязнь активного действия.

Черты лица – символ сферы общения, импульс к социальному контакту. Анализируя рисунок, можно сделать вывод, что автор не общительный и не ищущий контактов человек. Нечеткие, слабо прорисованные или пропущенные черты лица указывают на сложности в общении, стремление к уходу от проблем, связанных с конфликтами в отношениях с окружающими. Глаза изображены как щелочки – внутренний запрет на плач, выражение потребности в зависимости. Уши как признак – это открытость восприятию. На рисунке уши тщательно прикрыты, что указывает на нежелание воспринимать окружающих и их возможные замечания, указания, критику. Рот как признак – источник чувственного, эротического удовольствия. Маска, закрывающая рот, в жизни автора «прикрывает» его чувственность.

Руки – изменение окружающей среды, чем автор активно и занимается, создавая свои рисунки. Также это символ активности и общения, контакт личности с окружающим миром. Преувеличены кисти, пальцы – это говорит о неудовлетворенной потребности в общении.

Широкая опорная часть фигуры – обдуманность, рациональность в принятии решений, основательность суждений. Поза в три четверти – творческая, художественная направленность, что автор активно демонстрирует.

Доминирующий в рисунке синий цвет в физиологическом плане означает потребность в спокойствии; в психологическом – потребность в чувстве удовлетворенности, т. е. в покое и удовлетворении желаний. Сине-зеленый цвет, цвет сознания и рациональности, символизирует напряжение воли, контроль над эмоциями, умение активно и логически решать поставленные задачи. Это цвет убежденности в своей правоте и полноценности. Таким образом, можно сделать вывод: автор абсолютно уверен в том, что выбранный им способ изменения среды, контакта с ней и выражения себя является верным. Серый – сдержанность, незаметность, скромность, ограниченность. Сочетание серого и темно-синего говорит о трудности общения, избыточной нерешительности, застенчивости. Сочетание темно-синего и сине-зеленого – стремление к точности, потребность в самоуважении, сензитивность в отношении критических замечаний, стремление к упорному отстаиванию своих позиций.

Автор не идет на контакт с окружающими людьми вербально, закрывается от их замечаний и комментариев, но осуществляет свой контакт с окружающей средой посредством рисунков. Вносит свои изменения в среду, подстраивает ее под себя. Является «думающим» человеком, склонным к самоанализу. Инверт.

Следующий рисунок (рис. 11) представляет собой изображение сидящего и плотно одетого молодого человека. Рисунок нанесен на поверхность парты и выполнен с использованием основных цветов: синего, красного, желтого и оранжевого. Это означает стремление к активности, достижению, спокойствие, легкость, радость, раскованность, агрессивность, тревожность, враждебность, импульсивность, соперничество, уход в себя, энергичность. Рисунок имеет большой размер, это означает, что рисующий имеет склонность к тщеславию, высокомерию, экспансивен. Закрашивание говорит об интенсивности эмоций. Сидящая фигура указывает на креативность или малую активность. Используемая штриховка говорит об агрессивности. Изображение большого количества одежды показывает использование психологической защиты, сокрытие своей телесности (об этом же

свидетельствует изображение капюшона на голове). Отсутствие изображения шеи указывает на конфликтность, несдержанность при выражении импульсов или на отсутствие контроля разума над желаниями, влечениями и действиями тела. Отсутствие ушей говорит о стремлении рисующего не принимать никакой критики, заглушить ее. Целеустремленность и активность, ориентация на будущее обусловлены поворотом фигуры вправо. Волосы являются признаком мужественности, сексуальной привлекательности. На рисунке волосы закрывают большую часть лба, что говорит о стремлении к социальному проявлению в большей степени, чем к интеллектуальным достижениям. Черты лица как признак – символ сферы общения. На рисунке они хорошо проработаны, что говорит о потребности во внимании. Агрессивное выражение лица указывает на импульсивность и негативизм рисующего. Об агрессивности говорит подчеркнутое изображение ноздрей. Нос с горбинкой указывает на тенденцию мыслить ироническими социальными стереотипами. Включение в рисунок заметной сигареты интерпретируется как орально-эротический акцент. Изображение рук расслабленными и гибкими говорит о хорошей приспособляемости в межличностных отношениях. Детальная проработанность кистей рук говорит о благополучии в сфере общения. Изображение ног расставленными свидетельствует об откровенном пренебрежении, неподчинении, негативизме. Ступни – признак подвижности.

Рис. 11. Рисунок на парте «Сидящий человек»

Автор данного рисунка обладает следующими характеристиками: активность, стремление к достижениям, эмоциональность, высокомерие, агрессивность, некоторая скрытность, импульсивность, несдержанность, целеустремленность, общительность.

II. Методы исследования особенностей восприятия пространства

1. Когнитивное картирование (Cognitive Mapping) – используется в городском планировании для изучения того, как люди воспринимают место, какие используют ориентиры, как запечатлевают другие естественные особенности. Эта информация может быть использована для создания карт городов, брошюр, туристических планов и других проектов, связанных с развитием среды.

2. Техника репертуарных решеток Келли – многоплановый метод создания когнитивных карт. Позволяет точно оценить «схему мышления» человека в отношении того или иного объекта. Автор оригинальной методики – Г. Келли (1955). С помощью этого метода происходит определение биполярной структуры в системе предлагаемых испытуемому понятий. Метод предназначен для изучения индивидуально-личностных конструкторов, опосредующих восприятие и самовосприятие при анализе личностного смысла понятий.

Техника репертуарно-матричного тестирования представляет собой реализацию индивидуально-ориентированного подхода к субъективному шкалированию. При этом целью является не столько сравнение оценок респондента с нормативными данными, сколько реконструкция индивидуальной системы смысловых единиц, обобщений, противопоставлений, лежащих в основе объективного отношения к себе и окружающим, выявление уникальных, не похожих на групповые, конструкторов (принцип индивидуальности). У метода нет ограничений по возрасту.

3. Метод интервью – метод исследования различных особенностей восприятия системы объектов посредством специально составленных и определенным образом организованных вопросов. В отношении изучения восприятия городской среды может использоваться для определения отношения к среде, уровня комфортности или наоборот, дискомфорта окружающего пространства. С помощью специфичных вопросов, с применением элементов проективных методик могут выявляться как сознательные, так и бессознательные аспекты отношений человека к среде. Данный метод может быть дополнен

или опосредован разнообразными наглядными стимульными материалами. Кроме того, интервью является вспомогательным и дополняющим способом получения информации для других методов, а также может использоваться и как самостоятельная техника. Одним из основных ограничений его проведения является необходимость организации специальных условий – наличие времени, позитивная установка интервьюируемого, комфортные условия окружающей среды.

4. Метод пиктограмм – выявляет особенности социальных представлений, культурно закреплённых стереотипов, а также личностных отношений и визуальных образов относительно заданной системы объектов. Пиктография – это рисуночное письмо, древнейший вид письменности. Его отличительная особенность заключается в том, что изображаемые знаки не связаны со звуковой стороной речи, они отображают ее семантическое значение. Б. Г. Херсонский выделяет следующие особенности метода пиктограмм [126, с. 17]:

- пиктограмма обладает широким диапазоном чувствительности и позволяет изучить широкий спектр интеллектуальных и аффективных особенностей человека;

- разнообразие символов, используемых в пиктограмме, определяет относительно низкую степень формализации ответов респондентов; с другой стороны, возникает потребность в более тщательном подходе к разработке сопоставимых критериев оценки для возможности перевода результатов в количественную шкалу;

- кроме того, пиктограмма как метод исследования особенностей восприятия городской среды позволяет проводить анализ на нескольких уровнях – семантическое значение символов, цветовое решение пиктограммы, характеристика чертографической организации рисунка и описание детализации изображений.

5. Экспертная оценка (Expert Witness testimony) – анализ показаний экспертов в отношении архитектурных объектов или территорий. Под экспертными оценками понимают комплекс логических и математических процедур, направленных на получение от специалистов информации, ее анализ и обобщение с целью подготовки и выработки рациональных решений.

Методы экспертных оценок можно разделить на две группы: методы коллективной работы экспертной группы и методы получения индивидуального мнения членов экспертной группы.

Методы коллективной работы экспертной группы предполагают получение общего мнения в ходе совместного обсуждения решаемой проблемы. Иногда эти методы называют методами прямого получения коллективного мнения. Основное преимущество этих методов заключается в возможности разностороннего анализа проблем. Недостатками методов коллективной работы являются сложность процедуры получения информации, сложность формирования группового мнения по индивидуальным суждениям экспертов, возможность давления авторитетов в группе.

Методы получения индивидуального мнения членов экспертной группы основаны на предварительном получении информации от экспертов, опрашиваемых независимо друг от друга, с последующей обработкой полученных данных. К этим методам можно отнести методы анкетного опроса и интервью. Основные преимущества методов индивидуального экспертного оценивания состоят в их оперативности, возможности в полной мере использовать индивидуальные способности эксперта, отсутствии давления со стороны авторитетов и в низких затратах на экспертизу. Главным их недостатком является высокая степень субъективности получаемых оценок из-за ограниченности знаний одного эксперта.

III. Методы исследования эмоциональной реакции на среду

1. Тест Люшера (и его модификации) – позволяет выявить систему бессознательных предпочтений и антипатий в отношении того или иного набора объектов, а также эмоциональный (не всегда осознанный) отклик человека на средовое воздействие. Это проективная методика изучения личности, основанная на субъективном предпочтении цветовых стимулов. Стимульный материал представляет собой набор карточек с различными цветами и оттенками. Респонденту предлагается составить несколько рядов, опираясь на свои предпочтения. Анализ проводится именно по очередности и конкретному набору цветовых карточек [23, с. 165]. Сокращенная версия теста содержит 8 карточек разных цветов – 4 основных и 4 дополнительных. Основными цветами считаются синий, зеленый, красный, желтый, а дополнительными – фиолетовый, коричневый, черный и серый. Разработка теста базируется на эмпирическом подходе и изначально связана с установкой на изучение эмоционального и физиологического состояния человека [115, с. 3]. В разработанной М. Люшером теории личности

существует два основных психологических измерения: гетерономность – автономность и активность – пассивность, которые символизируются основными цветами. Одним из основных преимуществ теста является его нечувствительность к культурно-этническим основам и отсутствие реакций защитного характера у респондентов.

2. Техника семантического дифференциала (Semantic Differential Technique) – позволяет оценить то, как люди чувствуют определенные места, какое формируют к ним отношение, привлекателен ли микрорайон или он вызывает пренебрежительный отклик. Эта информация может использоваться планировщиками в соответствии с решениями развития.

Метод семантического дифференциала (от гр. *σημαντικός* – обозначающий и лат. *differentia* – разность) – ассоциативная процедура, метод психолингвистики и экспериментальной семантики, является частной разновидностью способов построения субъективных семантических пространств. Метод был разработан американским психологом Ч. Осгудом в 1952 г. для изучения восприятия, социальных установок и личностных смыслов, массовых коммуникаций и рекламы. Его используют в психологии и социологии, теории массовых коммуникаций и рекламе, а также в области эстетики. Суть метода заключается в шкалировании (по трем, пяти, семи уровням интенсивности) тех или иных предметов, в то время как полюса шкал образованы антонимическими позициями, в качестве которых выступают прилагательные, графические изображения и пр.

Это далеко не полный арсенал применяемых методов. Здесь не перечислены методы эргономического исследования, методы исследования личности, социальных отношений в группе (семье или профессиональной группе), а также комплексы анкет, социально-психологических опросников и специальных методов, которые могут быть разработаны либо задействованы в зависимости от целей и задач исследования системы взаимоотношений «человек – среда».

Конкретизация методов

Метод когнитивных карт

Когнитивная карта – образ знакомого пространственного окружения. Этот образ создается и изменяется в ходе активного взаимодействия субъекта с миром, окружающей действительностью.

Когнитивную (ментальную) карту как научный метод предложил необихевиорист Э. Толмен. На сегодняшний день выделяют два вида когнитивных карт:

- карта-путь – последовательное представление маршрутов или связей между объектами;
- карта-обозрение – одновременное (симультанное) представление пространственного расположения объектов и связей между ними.

Анализ научной литературы позволил выделить следующие характерные функции когнитивных карт:

1) создавая собственную ментальную карту, человек с помощью восприятия «отсеивает» большое количество информации, оставляя объекты, имеющие важное значение;

2) мысленная карта определяет действия индивида, т. е. является составной частью представления о пространстве при планировании деятельности;

3) психологическая карта служит для «прочтения» среды, иначе говоря, для ее понимания;

4) при помощи ментальной карты можно сделать город объектом собственного воображения, а также объектом изучения [129].

На основе выделенных функций следует отметить, что ментальная карта является комплексным представлением о том, что мы воспринимаем, когда стремимся представить себе ту среду, в которой действуем.

Для изучения городской среды метод когнитивных карт активно использовали К. Линч и С. Милграм [80; 85]. Посредством когнитивных карт изучалось психологическое пространство мегаполисов, как зарубежных (Нью-Йорка, Парижа), так и отечественных (Перми, Екатеринбурга).

Исследование мегаполиса методом когнитивных карт предполагает отображение города не столько как некоей географической реальности, сколько как субъективной реальности знакового пространства в сознании каждого из его жителей. Как указывал С. Милграм, реальность и ее отражение плохо стыкуются между собой [85]. Так, например, изгибы русла рек на когнитивных картах вообще отсутствуют или гораздо плавнее, нежели их изгиб на топографии города.

Инструкция

«Нарисуйте карту города, на которой отметьте все те основные объекты, которые придут Вам в голову. На карте Вы можете изобразить

зять исторические памятники, площади, отдельные кварталы, улицы – любые подробности, которые вспомнятся Вам. Ваш набросок не должен походить на карту города для туристов, он должен отражать Ваше собственное восприятие города».

Следует учитывать, что испытуемые создают свои карты не только на основе опыта личного, непосредственного, связанного с городом. Они получают его отчасти и из других карт. Возможно, ни один испытуемый не смог бы составить карту города, точно показывающую его очертания, границы, основные сооружения, если в своем собственном сознании не находил бы воспоминаний о картах, которые он уже видел. А благодаря процессам отбора объектов, определения меры их значимости и допущенным искажениям карты становятся отражением образа жизни людей и выражают их эмоциональный настрой.

Кроме того, ни сам город, ни его когнитивные карты не являются простыми нагромождениями разрозненных элементов: они представляют собой определенные системы. Принципиальная характеристика любой системы состоит в том, что перемещение любого ее элемента влияет не только на сам этот элемент, но и на все остальные ее элементы.

Восприятие города отдельным человеком зависит от восприятия этого же города всем обществом. Не только то, что существует, но и то, что выдвигается на первый план обществом, становится заметным в сознании индивида. Город является коллективным представлением в такой же степени, в какой он представляет собой конгломерат улиц, площадей и зданий. Распознать эти составляющие собирательно-го образа возможно, не изучая когнитивные карты отдельного человека, а учитывая то общее, что свойственно разным людям (в разд. II будет представлена интегральная когнитивная карта города Екатеринбурга). Для реализации этой цели нужно перейти от разбора индивидуальных когнитивных карт к статистическому анализу карт всей выборки респондентов. Например, статистическому анализу подвергается частота встречаемости отдельных элементов на когнитивных картах респондентов всей выборки (в прил. 1 на условной карте Екатеринбурга отображена частота встречаемости на когнитивных картах респондентов отдельных объектов города. При этом чем крупнее шрифт, тем чаще встречается тот или иной объект).

Спонтанная последовательность отображений элементов городской среды, наблюдаемая в процессе составления испытуемыми ког-

нитивных карт, может рассказать о том, что появляется в их сознании в первую очередь, когда они думают о городе. То, что представляется наиболее значительным, и появляется первым. Поэтому в процессе выполнения когнитивных карт желательно, чтобы испытуемые нумеровали объекты в порядке их появления на рисунке.

Согласно К. Линчу [80], анализируются следующие основные объекты на когнитивных картах:

- пути – элементы, обеспечивающие движение по территории города; человек по ним может перемещаться постоянно, периодически или рассматривать их как потенциальные траектории для передвижения;
- границы, или края – элементы, разграничивающие разнородные среды отдельных районов и не рассматриваемые человеком в качестве путей; в большей степени это гипотетические линии в ментальной репрезентации города, позволяющие человеку конструировать и соотносить структуру городского пространства;
- районы – отдельные элементы городской среды, которые воспринимаются как целостное пространство и обладают специфическими характеристиками;
- узлы – места пересечений множественных траекторий движения по городу, пункты перехода, смены одного направления на другое или места максимальной концентрации отдельных городских функций. Это фокусирующие точки целых районов, которые могут отождествляться с ними, выполняя функцию сердцевин;
- ориентиры – внешние точечные элементы, самостоятельно вычленивающиеся из множества сопутствующих элементов.

Кроме того, на основе исследования Д. Н. Сазонова когнитивные карты могут быть специфицированы по двум параметрам [106]:

- 1) по географическому (формальному) параметру:
 - карты-схемы – обладают четкой иерархичной структурой городского пространства и уместным и пропорциональным изображением объектов города в нем. Наличие данной карты у респондента, как правило, свидетельствует о достаточном знании им городской среды и легкости ориентировки в ней;
 - карты-эскизы – обладают слабоструктурированными элементами городской среды и значительными диспропорциями в их изобра-

жении. Подобные карты свидетельствуют о протекании процесса формирования репрезентаций среды и встречаются у недавно переехавших в город жителей;

- аналоговые карты – имеют трехмерное изображение какого-то отдельно взятого места в городе и отражают личностную значимость его для респондента;

- смешанные карты – обладают синкретичным и слабоструктурированным изображением разнообразных элементов городской среды. Так же, как и карты-эскизы, свидетельствуют о протекании процесса формирования целостной репрезентации городской среды;

2) по смысловому (содержательному) параметру:

- личностные карты – обладают преимущественным изображением значимых для респондента мест или маршрутов, каким-либо образом связанных с событиями индивидуальной жизни;

- культурно-исторические карты – обладают часто встречаемым на карте изображением объектов, имеющих отношение к истории города, его культурному наследию;

- деловые карты – отражают прагматичное отношение к городской среде и функциональное назначение отдельных ее элементов.

Метод пиктограмм. Проективная методика «Герб города»

В целях выявления особенностей восприятия города в символической форме на кафедре педагогической психологии Института психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург) была разработана методика «Герб города» [29]. Данная методика представляет собой проективный метод отражения ассоциаций, вызываемых городом у его жителей и/или других людей. Основой для разработки данной методики послужил метод пиктограмм.

Как указывалось выше, ассоциативный символизм основан на индивидуальных ассоциациях, посредством которых каждый горожанин оценивает значимость определенной среды. Именно эти связи формируют образ города, отражают его специфику, имидж в сознании и памяти человека.

При интерпретации символов для данной методики мы опирались на общие тенденции в объяснении графических изображений в рамках проективных методик, на культурно-смысловую нагрузку изображаемых объектов, а также на онтогенетический подход А. Менегетти в описании психологического значения образов [84].

Посредством данной методики можно изучать образ как много-миллионного мегаполиса, так и малого города. Однако для исследования образов сельской местности данная методика не совсем подходит, поскольку, на наш взгляд, не позволяет дифференцированно отразить специфику каждой местности.

Инструкция

«Перед Вами окружность (рис. 12). Вам необходимо внутри нее изобразить герб города *N* таким, каким Вы его видите. Задание творческое, поэтому постарайтесь не ограничивать свою фантазию и проявить свое воображение в полной мере. Важно изображение не уже имеющегося (настоящего) герба города, а того, который придумаете именно Вы».

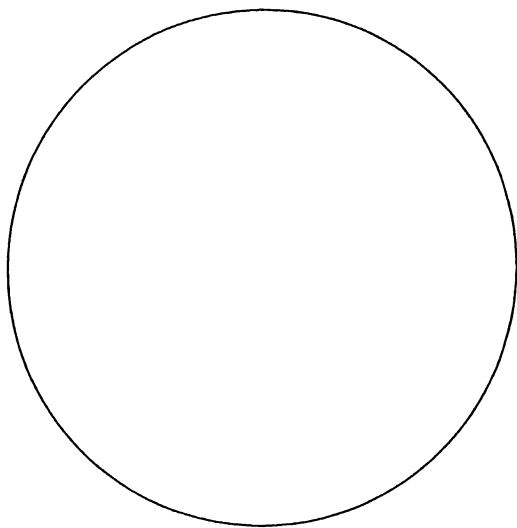

Рис. 12. Стимульный материал для методики «Герб города»

Обработка данных, полученных в результате применения методики, может проводиться двумя путями:

1) индивидуальная интерпретация представленных символов, ассоциирующихся с городом, с целью выделения специфики восприятия исследуемого города данным респондентом;

2) логико-смысловая кластеризация символов, представленных в рисунках всей выборки респондентов, с последующей интерпретацией наиболее часто встречаемых. При кластеризации возможно выделение таких групп символов, как движение, цель, культура и образование, жилой сектор, строительство, управление и государство, производство, загрязнение окружающей среды, агрессия, экономика и торговля, исторические символы города, ландшафт, животные и др.

Интерпретация символов, изображаемых в пиктограммах, производится следующим образом.

Искусственные символы. Для среды мегаполиса характерно преобладание именно символов данного типа. Эти изображения отражают искусственность городской среды и в то же время дают характеристику специфике каждого конкретного города. Так, для промышленных городов характерны изображения фабричных труб, дыма, заводов, элементов различных механизмов; для городов науки и искусства – изображения колонн, масок, книг и т. п.

Автобус. Символизирует подчинение человека ситуации, заранее запрограммированной образом жизни общества. Означает жизнь и движение человека в предсказуемых внешне детерминированных условиях.

Аттракцион. Символизирует стереотип, предрасполагающий к фиксированности и обыденности.

Башня. Отражает мораль преобладающего Сверх-Я и символизирует традицию или идеологию жителей города, препятствующих как индивидуальному, так и общественному развитию. В данном символе отражаются менторские, доминационные аспекты функционирования города как некоторого образования, контролирующего отдельную личность и ее проявления.

Газета. Символизирует социальное Сверх-Я, не несущее никаких истинных ценностей. Таким образом, это изображение отражает функцию навязывания общественного мнения личности со стороны городского социума, при этом данное мнение чаще всего не приводит к личностному росту и развитию.

Город. Символизирует цивилизацию, идеологию или мораль, которые субъект ищет, любит и одобряет.

Грязь. Указывает на невыгодную для субъекта, но потенциально преодолимую ситуацию.

Дом. Изображение домов, строений само по себе является отражением предназначения города как места проживания. Здесь имеют значение именно особенности нарисованного строения. Многоэтажные однообразные дома являются символом агрессивной, замкнутой, перенаселенной среды города, обезличивающей человека, делающей его подобным многим, лишаящей индивидуальности. Изображение зданий с колоннами (театров, музеев, вузов, зданий администраций и др.) является выражением основательности, официальности и престижности города. Также данные рисунки связаны с достижением материального благосостояния, уверенностью и значимостью. Рисунки маленьких одноэтажных «частных» домов наводят на мысль о городе как месте проживания.

Маска. Символ лицедейства, фальши, обмана, игры. Город дает возможность, с одной стороны, проявить себя, с другой – скрыть свое истинное Я. Да и сам город здесь воспринимается неоднозначно, его социальная жизнь имеет много нюансов, возможно, непонятных респонденту, создающих ощущение фальши.

Матрешка. Является символом многоуровневости города в социальном, экономическом, политическом и других планах. Подобное изображение, с одной стороны, свидетельствует о признании города как целостности (мы все вместе, мы едины, несмотря на наши различия), с другой стороны, является свидетельством замкнутости системы, в которую трудно попасть и из которой трудно выбраться. Изображение матершки рядом с жилым домом также указывает на жилищные проблемы, перенаселенность, проблему нарушения личного пространства жителей города.

Мост. Символ перехода, взаимосвязи, целостности.

Оружие. Само по себе оружие не несет ничего положительного, а символизирует разрушение, агрессию, конфликты, глубокую неприязнь. Но изображение исторического оружия (шпаги, топора, щита и др.) также является указанием на историю города, его генезис.

Сектор. Характеризует город как дискретное образование. Нет целостности восприятия образа города, что может быть обусловлено

противоречивостью социально-культурной жизни данного населенного пункта или же географической «разбросанностью» данного объекта. Наиболее характерны сектора для больших городов, где имеется четкая функциональная дифференциация районов и других микрообразований.

Транспорт. Является символом утраты контроля респондента над ситуацией, т. е. город живет своей собственной жизнью, подчиняя ее ритму отдельных людей, являющихся безвольными объектами этой жизни.

Флаг. Символизирует ответственность, целеустремленность, волевые усилия. Является выражением стиля жизни в городе. Как правило, встречается на рисунках горожан и недавно переехавших в город людей.

Часы. Являются символом чего-то вечного, непреходящего. Если рисуются часы с круглым циферблатом, то это свидетельствует о малой агрессивности городской среды в представлении респондента. Песочные часы отражают оригинальность, неординарность среды. Однако следует учитывать то, что в гербе могут рисоваться реальные часы, являющиеся знаковым местом города (Биг-Бен в Лондоне, часы на Спасской башне в Москве, Ратушные часы в Праге и т. д.), тогда данные объекты не будут носить скрытой смысловой нагрузки, а будут служить указанием на место их расположения.

Социальные символы. Не очень широко распространены в изображении герба города. Несмотря на то, что город – явление социальное, люди изображаются достаточно редко. Интерпретация данных символов сложна, поскольку зависит от конкретики изображения. При анализе необходимо учитывать позу, детальность изображения человеческой фигуры, массовость изображений (нарисован отдельный человек или группа, толпа) и др. Для определения значения данных символов возможно частично использовать интерпретацию других проективных методик.

Глаза. Означают сильное влияние на субъекта, оказываемое со стороны города (общества). При этом данное влияние субъектом бессознательно оценивается как негативное, поскольку отражает ощущение постоянной слежки и тотального контроля за его действиями.

Лицо. Символизирует жизнь, ум, позитивность, любовь.

Кулак. Является символом силы и единства. Означает, с одной стороны, угрозу любому, кто посягнет на целостность социального образования (сообщества города), с другой – замкнутый, единый,

сплоченный мир жителей города, в который чужому будет проникнуть достаточно трудно.

Рука. Как символ может иметь множество значений и в зависимости от смысла, вкладываемого в тот или иной жест, приобретает положительный или отрицательный характер. Часто рука является выражением власти, силы, верности, кроме того, рукопожатие означает дружеское принятие, воздетые или скрещенные руки – мольбу, просьбу о помощи.

Природные символы. Данный тип символов в гербе мегаполиса встречается достаточно редко. При этом, как правило, употребляются символы-изображения, имеющие достаточно обобщенное, не персонафицированное по отношению к конкретному городу значение (что подтверждается общностью набора изображений у горожан и проживающих в других местах). К таким символам можно отнести цветы, звезды, деревья и т. п. Замечено, что чем меньше город, тем чаще встречаются в изображении его «герба» природные символы. В то же время природные символы являются показателем экологического благополучия города, они отражают степень гармоничности существования человека в окружающей среде.

Вода. Символизирует взаимодействие различных аспектов окружающей среды как основополагающий элемент человеческого развития и жизни.

Горы. Означают стремление увидеть с вершины что-то новое, расширить горизонт собственных возможностей, указывают на потребность в самореализации личности. Данное изображение является символом мечты, стремления к цели. Город дает человеку возможность реализовать свои амбиции и желания, но только при определенных усилиях с его стороны. Интересен тот факт, что более часто горы изображают коренные жители города, нежели приезжие или люди, проживающие в других местах, что свидетельствует о более тщательном анализе горожанами своих возможностей, больших надеждах на город в реализации мечты.

Дерево. Означает индивидуальную жизнь и развитие личности. Изображение дерева в контексте описания города указывает на ситуацию, в которой человеку комфортно.

Облако. Символизирует стремление к расслаблению, отдыху, романтике. Как правило, встречается на рисунках людей, недавно пе-

реехавших в город, или жителей других мест. Данными респондентами город воспринимается как место интересного отдыха, новых встреч, романтических свиданий и т. п.

Огонь. Данное изображение является символом жизненной силы, мощи, власти, а также стремления человека к серьезным переменам. Огонь ассоциируется с беспрестанным движением, активностью, широкими возможностями, предоставляемыми городом.

Птица. Птицы в символике имеют преимущественно позитивное значение. Это выражение стремления освободиться от жизненных (земных) тягот, символ мечты. Следует учитывать, какая именно птица изображена, поскольку каждая из них обладает определенной смыслообразующей символикой (орел – власть, обороноспособность; аист – счастье; голубь – любовь, миролюбие, общительность; сова – мудрость, бдительность; павлин – тщеславие, роскошь, надменность и т. п.).

Солнце. Символ оптимизма, удачи, успеха. Наиболее часто данное изображение встречается на рисунках недавно приехавших в город людей. Это выражение доброты, хорошего настроения, симпатии по отношению к городской среде. Кроме того, рисование солнца на гербе означает стремление респондента изменить имеющееся положение дел к лучшему.

Методика изучения корпоративности жителей города (района)

Корпоративность – это приверженность людей, относящихся к одной социальной категории, к интересам, ценностям, образу жизни, территории и другим переменным данной категории. В связи с тем, что одной из форм проявления корпоративности является сплоченность, а в отечественной психологии основным индикатором сплоченности является ценностно-ориентационное единство, предлагаемая ниже методика направлена на его измерение.

Цель методики – определение уровня ценностно-ориентационного единства жителей города (района).

Ход выполнения: испытуемым предлагается анкета, каждые 7 качеств в которой отражают этико-культурные характеристики (1, 4, 16, 23, 26, 28, 33), особенности межличностных отношений (2, 3, 17, 18, 21, 27, 29), личностные характеристики (5, 6, 10, 13, 19, 22, 31), эмоциональную окраску отношений (7, 8, 9, 15, 20, 32, 34), отношение

к деятельности (11, 12, 14, 24, 25, 30, 35). Испытуемые должны выбрать из этих 35 качеств только 5, которые, по их мнению, являются необходимыми и наиболее важными для любого жителя их города (района).

«Какими качествами, по Вашему мнению, обладают жители Вашего города? Отметьте 5 качеств из перечисленных ниже».

1. Гордость	19. Креативность
2. Высокомерие	20. Позитивизм
3. Агрессивность	21. Тактичность
4. Доброта	22. Зависимость
5. Индивидуализм	23. Завистливость
6. Самодостаточность	24. Лень
7. Оптимизм	25. Трудолюбие
8. Пессимизм	26. Лживость
9. Энтузиазм	27. Придирчивость
10. Эгоизм	28. Нравственность
11. Целеустремленность	29. Болтливость
12. Активность	30. Ответственность
13. Терпимость	31. Настойчивость
14. Инициативность	32. Импульсивность
15. Брезгливость	33. Вульгарность
16. Алчность	34. Бесчувственность
17. Коммуникабельность	35. Надежность
18. Грубость	

Обработка полученных данных

Коэффициент C , характеризующий степень ценностно-ориентационного единства жителей города (района), вычисляют по формуле

$$C = \frac{1,4 \cdot n - N}{6N},$$

где n – сумма выборов, приходящихся на пять качеств личности, получивших максимальное число выборов у респондентов во всей выборке;

N – количество респондентов в выборке.

Для малой группы нормы коэффициента:

$C \geq 0,5$ – высокий уровень ценностно-ориентационного единства;

$0,3 \leq C < 0,5$ – средний уровень развития ценностно-ориентационного единства;

$0,2 \leq C < 0,3$ – недостаточный уровень развития ценностно-ориентационного единства;

$C < 0,2$ – респонденты не обладают ценностно-ориентационным единством.

Внимание стоит обратить на то, к какой группе качеств принадлежат наиболее часто выбираемые ответы. Можно просчитать совокупный вес каждого блока качеств, что будет являться показателем отношения жителей к своему городу.

Раздел II
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Эксперимент 1. Знаковое пространство города. Анализ ментальных карт Екатеринбурга

В «Психологическом словаре» когнитивная карта определяется как субъективная картина, имеющая прежде всего пространственные координаты, в которой локализованы отдельные воспринимаемые предметы. Специалисты дифференцируют карту-путь как последовательное представление связей между объектами по определенному маршруту и карту-обозрение как одновременное представление пространственного расположения объектов. В нашем исследовании мы попытались определить основные особенности когнитивных карт жителей Екатеринбурга.

Целью данного эксперимента было изучение представлений жителей города о его пространственной структуре посредством применения ментальных карт города, на основе которых впоследствии была сформирована психологическая структура нашего города – то, как она представлена в сознании жителей.

Исследование проводилось в парковых зонах различных районов Екатеринбурга. Выборку составляли коренные жители Екатеринбурга (более 300 человек от 15 до 58 лет).

Участников исследования просили схематично нарисовать карту Екатеринбурга на листе формата А4 так, как они ее себе представляют, после чего на основе полученных данных была составлена обобщенная когнитивная карта города Екатеринбурга (рис. 13). При этом использовались следующие условные обозначения:

Учебные заведения

Жилые микрорайоны

Учреждения
развлекательного
характера

Магазины

Административные
здания

Промышленная
зона

Железнодорожные вокзалы и автовокзалы

Станции метрополитена

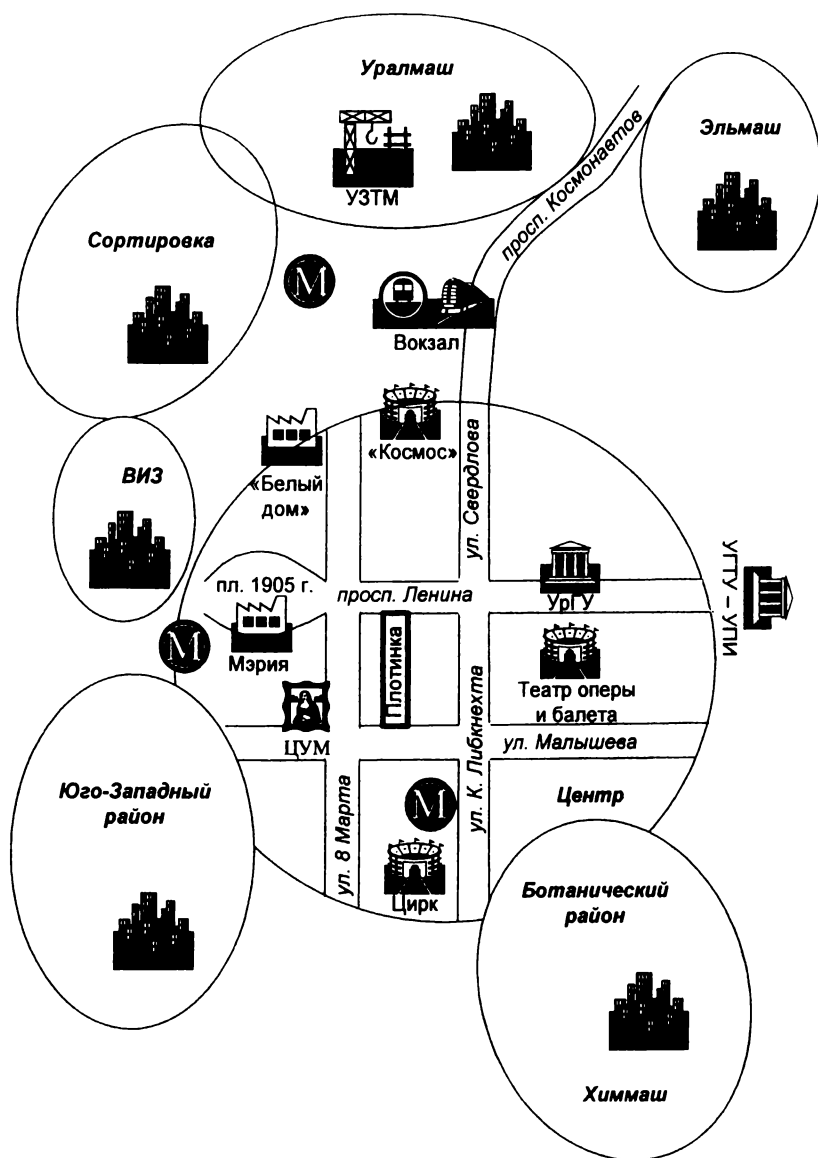

Рис. 13. Обобщенная когнитивная карта Екатеринбурга

В результате анализа полученных данных нами были выявлены следующие особенности представлений о пространстве города Екатеринбурга:

1. В основном жители изображают центральную часть города – 33% (например, Площадь 1905 года – ее отметили 23% участников – является узлом слияния путей), которая является более посещаемой и узнаваемой для большинства жителей. Помимо этого, центр Екатеринбурга несет существенную культурно-историческую нагрузку, кроме функциональных характеристик, горожане предпочитают там отдыхать (в праздники, выходные дни), отмечать важные события собственной жизни (свадьбы), назначать встречи. Данный факт также свидетельствует о том, что условия среды центральной части города в силу разнообразных причин и обстоятельств интериоризированы в субъективную картину одной трети екатеринбуржцев. Косвенно это свидетельствует и о лояльности к местной администрации, принятии основных тенденций развития города.

2. На картах 30% участников исследования представлено изображение железнодорожного вокзала. Это связано с тем, что данный объект является значимым в жизни как минимум каждого третьего горожанина (так или иначе почти каждый человек в своей жизни сталкивается с необходимостью выезда из города). Таким образом, вокзал не только является значительным транспортным узлом, но и выступает в роли важного ориентира в городском пространстве. Опосредованно доминанта этого объекта является индикатором динамичности и высокого темпа жизни мегаполиса. Возможность изменений, движения, перемещения в пространстве характеризует коренных жителей Екатеринбурга.

3. Часто встречаются изображения культурных и досуговых мест: цирк – 26%, Плотинка – 28, киноконцертный театр «Космос» – 10, Театр оперы и балета – 10%, которые являются одними из основных ориентиров. Данный факт свидетельствует о большом значении культурной жизни города для его жителей. Исторически город развивался и функционирует до сих пор как крупный промышленный центр Уральского региона, однако удовлетворению эстетических и духовных потребностей человека уделяется существенное внимание – в городе расположены театры с разной жанровой направленностью, развитая сеть кинотеатров и других культурно-развлекательных

учреждений. Несомненно, включение таких объектов в персональный образ среды – условие полноценного и всестороннего развития и существования личности.

4. Часто изображаемыми являются здания вузов (Уральский государственный университет (УрГУ) – у 18%, Уральский государственный технический университет (УГТУ) – УПИ – у 15%) как образовательных центров Екатеринбурга – ориентиры, выделенные из множества элементов по значимости в научной жизни города. Данные высшие учебные заведения являются наиболее престижными и занимают ведущие места среди вузов Уральского региона.

5. Выделяются также и политические центры города – «Белый дом» (здание правительства Свердловской области) – 13%, здание администрации города – 13%. Эти объекты олицетворяют официальную власть города, соответственно, не могут не рассматриваться жителями как элемент образа города.

6. Встречается изображение станций метро (15%), что говорит о данном виде транспорта как необходимом для горожан и позитивном эмоциональном характере его восприятия жителями города.

7. Также участники указывают на когнитивных картах расположение отдаленных жилых микрорайонов города: «Уралмаш» – 20%, «Химмаш» – 9; «ВИЗ» – 9; «Эльмаш» – 10, «Ботанический» – 11, «Сортировка» – 11%. Таким образом, районы являются значимыми частями города, в которые наблюдатель входит «изнутри». Однако, как правило, отдельный микрорайон называется только теми респондентами, которые там проживают или работают на его территории. Кроме того, прослеживается определенная закономерность – более четкое и тщательное прорисовывание именно «своего» района и более схематическое изображение всех остальных.

8. На ментальных картах представлены одни из самых оживленных и значимых улиц – транспортных артерий города, через которые проходит сеть транспортных коммуникаций – пути: проспект Ленина – 31%; проспект Космонавтов – 11, ул. Свердлова – 10, ул. Малышева – 15, ул. 8 Марта – 20%. Действительно, улицы являются транспортными артериями современного мегаполиса. Зачастую респонденты отталкивались в своем рисунке от какого-то конкретного объекта (здания, парка, района и др.), а затем, прорисовывая улицы, расставляли другие ориентиры в городском пространстве.

Подводя итог, необходимо отметить, что на ментальных картах жителей Екатеринбурга наиболее часто встречаются изображения ориентиров, что свидетельствует о значимости образовательных, политических, культурных центров в жизни города. Выделение микрорайонов подчеркивает уникальную структурированность данного города: рабочие поселки, спальные районы, культурные и досуговые центры. Обозначение же главных коммуникационных путей говорит об огромной роли транспорта в жизни и развитии мегаполиса.

Эксперимент 2. Целостность среды города. Анализ ассоциативных связей между знаковыми местами города

Ассоциация (от средневекового лат. *associatio* – соединение) – связь психических процессов (ощущений, представлений, мыслей, чувств, движений и т. п.), при которой протекание одного из них вызывает появление другого [113]. Термин введен Дж. Локком в 1698 г., хотя само явление связи психических процессов было отмечено еще Платоном и Аристотелем. Психофизиологическая основа ассоциации – условный рефлекс.

Было обнаружено, что сила связи зависит от ряда условий: силы впечатлений, вызываемых элементами связи; их новизны, а также способностей индивида.

Изучение ассоциаций с целью выявления особенностей различных психических процессов часто используется в современной психологии. В частности мы с помощью этого метода надеялись узнать, как соединяются разнообразные элементы городской среды в ментальных структурах Екатеринбурга в представлении респондентов.

Взаимодействие человека с городской средой чаще рассматривается на примере отдельных объектов, а не таких сложных, как объемно-пространственные образования города. Как правило, структура города, определяющая его общее строение и взаимосвязи его частей, слишком обширна, чтобы стать объектом единовременного восприятия.

Закономерности общей структуры города познаются обычно при постепенном ознакомлении, и общее представление о городе конструируется в сознании из частных фрагментарных впечатлений. Лишь впоследствии у человека складывается целостное представле-

ние об общем характере и облике города. Значительную роль в этом процессе играют ассоциативные связи, которые позволяют воспринимать город как целостное образование. Именно поэтому в своем исследовании мы применяем этот метод.

При этом мы выделяем виды ассоциаций по типу их образования:

- по сходству (например, УрГУ – УГТУ – УПИ, т. е. образовательные учреждения);
- по контрасту (УрГУ – «Колизей»: образовательное и культурно-развлекательное учреждения);
- по смежности в пространстве и во времени (УрГУ – памятник Я. Свердлову, так как данные объекты находятся пространственно на одной улице друг напротив друга);
- причинно-следственные (Плотинка – река Исеть, так как Исторический сквер и комплекс других объектов, именуемых Плотинкой, находятся на берегу реки Исети).

Ни один город не состоит из изолированных знаковых элементов, парящих в урбанистическом вакууме, напротив, в некоторых городах имеется плотная сеть маршрутов, связывающих воедино разнообразные памятники и площади. Город представляется скудным или насыщенным в зависимости от того, насколько его разнообразные элементы взаимосвязаны и взаимосоотнесены. Целое становится больше своих составных частей именно благодаря существующим между ними отношениям.

Чтобы обнаружить ассоциативные связи в структуре Екатеринбурга, нами было проведено исследование, где испытуемым давалось следующее задание: «Выберите какой-либо объект города (памятник культуры, улицу, учебное заведение и т. п.), мысленно свяжите его в своем воображении с другим объектом и назовите Вашу ассоциацию. Например, Вы можете припомнить, что находится рядом, но Вы можете подумать и о любом другом месте. Что бы ни пришло Вам в голову, образу естественную связь, – все это представляет для нас интерес».

В исследовании приняли участие более 300 человек от 15 до 58 лет.

Нами были выявлены следующие ассоциативные схемы и особенности взаимосвязи их элементов в глазах жителей города.

1. При выборе объекта ассоциации участники в основном указывали места, находящиеся в центре города: УрГУ, проспект Ленина, Плотинка, Площадь 1905 года, Театр оперы и балета, станция метро «Площадь 1905 года».

2. Выбор ассоциативных связей, как правило, обусловлен близостью объектов друг к другу.

3. Взаимосвязанные объекты объединяются их функциональным назначением.

4. Выбор некоторых ассоциаций связан с индивидуальным опытом того или иного респондента.

После проведения исследования мы получили карту целой сети ассоциаций, характерных для города, создающих связную структуру его образов (рис. 14).

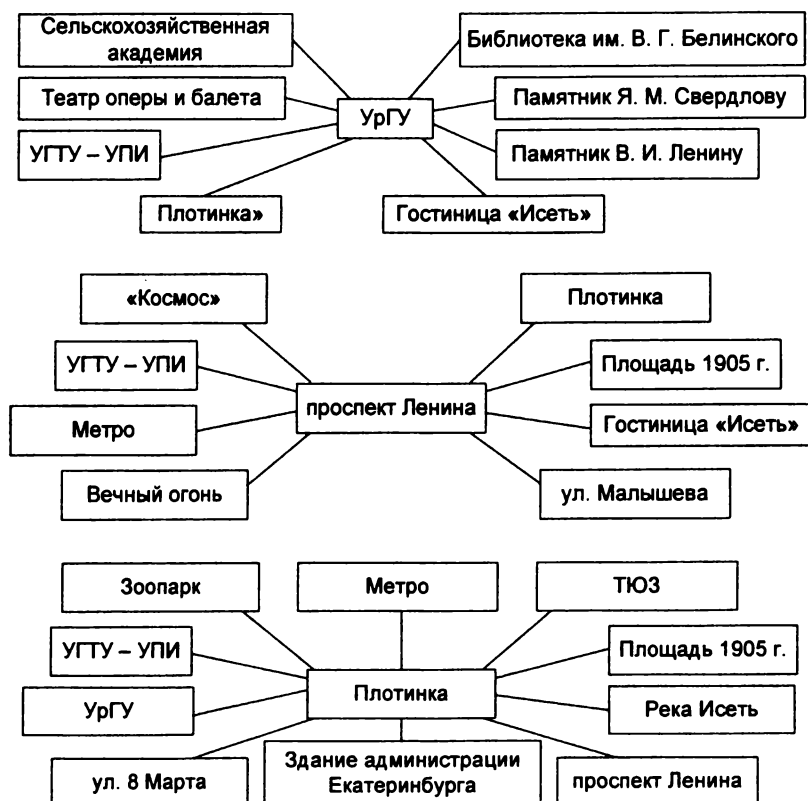

Рис. 14. Плеяды наиболее распространенных ассоциативных связей объектов Екатеринбурга

Первая ассоциативная плеяда, с одной стороны, объединяет городские объекты по пространственному признаку – они расположены на небольшом расстоянии друг от друга или встречаются при движении в одном направлении. С другой стороны, если рассматривать семантическую нагрузку каждой выделенной переменной и попытаться объединить их в некую систему, формируется четкое представление об определенной возрастной группе – это лица юношеского возраста, получающие профессиональное образование в вузе.

Второй ассоциативный ряд «сосредоточен» на главном проспекте нашего города, определены все основные точки, являющиеся средоточием пересечений транспортных путей и развязок. Причем выделены конечные пункты проспекта Ленина, упоминается метро. Данные ассоциации, как правило, формируются у людей, которые в силу обстоятельств вынуждены планировать свои передвижения по центральной улице Екатеринбурга. У нас складывается образ человека работающего, мобильного, с определенным социальным статусом.

В третьей ассоциативной плеяде достаточно очевидно прослеживаются места отдыха горожан, особое внимание привлекает Плотинка как средоточие представлений жителей о досуге, однако помимо молодежного варианта проведения свободного времени в систему вплетаются объекты, выполняющие задачи семейного отдыха (Театр юного зрителя, зоопарк).

Если бы город не оставлял в сознании обитателей отпечаток своей структуры, своих наиболее ярких достопримечательностей и узловых точек, мы вряд ли обнаружили бы нечто общее в восприятии испытуемых. Но город целостен, и без его основных элементов, таких как Площадь 1905 года, Плотинка, проспект Ленина и подобных объектов, невозможно составить сколько-нибудь четкого представления о нашем городе, воссоздать его неповторимую структуру.

Эксперимент 3. Неоднородность и информационная насыщенность среды города. Идентификация элементов города

Большой город состоит из улиц, кварталов и построек, находящихся в реальном географическом пространстве. Но существует также и психологическая репрезентация городского пространства, кото-

рую каждый его обитатель носит в своей голове. Человеку, попавшему в незнакомый большой город, поначалу легко заблудиться, и потому он вынужден строго придерживаться немногочисленных ориентиров, таких как его отель или главная торговая улица, и стоит ему хотя бы немного уклониться от немногих знакомых маршрутов, он сразу же перестает ориентироваться. По мере накопления опыта у него в голове постепенно складывается более или менее отчетливая картина взаимосвязи улиц, соотношения маршрутов, тех поворотов, которые ему нужно сделать, чтобы попасть из одного места в другое. Он приобретает такое представление о городе, которое мы вправе называть психологической картой. Психологическая карта – это город, отображенный в индивидуальном сознании. Приобретение адекватного представления о большом городе может быть медленным процессом, сопряженным с путаницей и неизбежно приводящим лишь к частичному успеху. Лишь очень немногие люди (если таковые вообще существуют) имеют полную картину всех улиц и перекрестков огромного мегаполиса, но каждый из нас удерживает в памяти определенный фрагмент подобной карты [85].

Возможность сформировать представление о структуре большого города в целом зависит не только от индивида, но и от особенностей самого города, от степени его представимости в воображении. То, что план города прекрасно представим, не означает, что и каждый его пункт одинаково распознаваем. Скорее всего, в городском пространстве имеются безошибочно узнаваемые опорные пункты, которые взаимосвязаны и поэтому создают четкую картину. Так, Линч [80] убедительно показал, что высокая степень представимости является первейшим условием комфортабельной и приятной для жизни социальной обстановки. Более того, представимость имеет решающее значение для ориентации индивида в большом городе, для формирования у него чувства местности, которое непосредственно сообщает ему о его местонахождении, направлении движения и т. п. Полное отсутствие подобных примет-ориентиров оказывает на человека неприятное воздействие. Небезынтересно, что постоянное чувство тревоги, возникающее при подобной дезориентации, с наибольшей остротой проявляется в ночных кошмарах, в которых человек бесцельно блуждает по смутно знакомым, но мучительно не поддающимся узнаванию улицам.

Представимость различных частей большого города интересна и по другой причине. Она позволяет нам установить психологические границы различных районов города, которые, конечно, вовсе не обязаны совпадать с границами административными. Методы, используемые Линчем и другими исследователями, являются естественными отправными точками при оценке представимости образа большого города.

Для того чтобы человек определил свое местоположение, должны быть выполнены три условия. Во-первых, тот вид, который разворачивается перед ним, должен в каком-либо отношении отличаться от других мест в данном городе. Если все дома выглядят совершенно одинаково, человек не может узнать, где он находится. Во-вторых, он должен сопоставить конкретный уголок с какими-то представлениями о нем. Эти представления могли сформироваться во время непосредственного контакта или косвенным путем, по фотографиям, картам или с чужих слов.

В-третьих, даже если индивид может узнать то или иное место, это еще не означает, что он в состоянии осуществить необходимую локализацию его по отношению к другим частям города. («Ужасно знакомая улица... Но где именно мы находимся – ума не приложу!»). Привязка того или иного уголка к общей структуре города – необходимое условие, позволяющее утверждать, что испытуемый знает, где он находится.

Нами было проведено исследование, целью которого была точная оценка того, какие именно части Екатеринбурга наиболее легко поддаются опознанию, а какие представляют особую трудность.

Исследование проводилось в парковых зонах различных районов Екатеринбурга. Респондентами являлись жители города (более 300 человек в возрасте от 15 до 58 лет).

Выборка формировалась в зависимости от опыта проживания в городе (10 и более лет), а также в зависимости от района проживания испытуемого (респондентами в равной степени были представлены все районы города).

На первом этапе исследования респондентам предъявлялись фотографии «знаковых», широко известных объектов (зданий или мест) Екатеринбурга. Данные объекты были отобраны нами посредством опроса жителей города, когда они называли памятные места Екатеринбурга. Всего было выделено 67 мест-объектов.

В ходе исследования участников просили назвать, что за место (здание) запечатлено на каждой фотографии, а также указать, где оно находится.

Исходя из полученных результатов (прил. 2) можно констатировать, что наиболее узнаваемыми местами Екатеринбурга являются Плотинка, Площадь 1905 года (их назвали более 90%) и цирк (100%). Полученные результаты связаны с тем, что данные объекты городской среды находятся в центральной части города. Исторический сквер и Площадь 1905 года характеризуются как места культурно-массовых мероприятий и находятся в историческом центре города, а также расположены близко к станции метрополитена. Кроме того, цирк имеет оригинальную и запоминающуюся архитектуру.

Гостиница «Свердловск» (92%) имеет удобное расположение относительно транспортных путей и связана с железнодорожным вокзалом.

Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО) им. Маяковского (91%) выступает в роли популярного досугового центра.

Киноконцертный театр «Космос» (88%) и кинотеатр «Колизей», недавно отреставрированные, служат для отдыха горожан.

Гостиница «Атриум Палас отель» (87%) является международным бизнес-центром, а также имеет неповторимую современную архитектуру. Подобных зданий в Екатеринбурге немного, что подчеркивает индивидуальность данного объекта.

Выбор жителями города Храма-на-Крови (87%) обусловлен активным обсуждением в средствах массовой информации исторических событий, послуживших основанием для создания данного сооружения. Кроме того, храм является грандиозным и эстетически привлекательным строением.

Здание администрации Екатеринбурга (86%) служит политическим центром города, а также имеет запоминающуюся архитектуру.

Наименее узнаваемые здания располагаются в Верх-Исетском, Орджоникидзевском и Чкаловском районах. Вероятно, это связано с тем, что данные сооружения находятся в районах, отдаленных от центра города, и не имеют широкой известности и особой значимости для испытуемых. Возможно, подобные объекты являются наиболее типичными и в общем контексте городской среды и поэтому не запоминаются респондентами.

Второй этап исследования информационной насыщенности и узнаваемости объектов Екатеринбурга проводился по прошествии полугодия на улицах города и в парковых зонах разных районов Екатерин-

бурга. В исследовании принимали участие коренные жители города Екатеринбурга (35 человек в возрасте от 18 до 45 лет, из них 22 женщины и 13 мужчин).

В выборке были представлены жители всех районов города Екатеринбурга. Выборка формировалась в зависимости от опыта проживания в городе (10 и более лет), а также от района проживания испытуемого.

Ключевая задача данного эксперимента может быть сформулирована следующим образом: какова вероятность того, что индивид, помещенный в какую-либо случайно выбранную точку данного города, сумеет опознать свое местонахождение? Для ее решения мы, основываясь на географической карте Екатеринбурга, произвольно выделили ряд точек, располагающихся в разных районах города (общее количество точек – 93). После чего на местности были сделаны фотографии этих мест (зданий, перекрестков, улиц, кварталов и т. п.). Выделенные объекты города распределились между районами следующим образом: Верх-Исетский район – 11 объектов, Железнодорожный – 11, Кировский – 11, Ленинский – 18, Октябрьский – 7, Орджоникидзевский – 13, Чкаловский – 22.

В ходе исследования мы предъявляли пронумерованные фотографии выделенных городских объектов жителям и просили их назвать улицу или месторасположение данного объекта. Исследование проводилось индивидуально в период времени с 14:00 до 17:00 ч.

Как правило, в ходе исследования испытуемые проявляли следующие виды эмоционально-поведенческих реакций:

- интерес к цели исследования;
- при затруднении идентификации и определения месторасположения изображаемого объекта – желание узнать название объекта.

В целом нами наблюдались доброжелательное отношение, интерес и активность со стороны участников исследования.

По результатам проведенного исследования (прил. 3) наиболее узнаваемыми местами Екатеринбурга являются ЦПКиО им. Маяковского (100%), перекресток ул. Пехотинцев – Бебеля (100%), остановка «Каменные Палатки» на ул. Высоцкого (100%), перекресток ул. Луначарского – Малышева (100%) и перекресток ул. 8 Марта – Куйбышева (здание цирка – 100%). Полученные результаты связаны с тем, что данные объекты городской среды находятся в центральной части горо-

да. Они характеризуются как места культурно-массовых мероприятий и располагаются в историческом центре города; кроме того, они являются ориентирами транспортных узлов. Так, например, Бебелевский мост – это одно из современных транспортных сооружений в нашем городе, через которое каждый день идет большой поток транспорта.

Наименее узнаваемые здания, улицы располагаются в Чкаловском и Железнодорожном районах (перекресток ул. Санаторная – П. Лумумбы, перекресток ул. Матросская – Полосная, перекресток ул. Зенитчиков – Палисадная, перекресток ул. Самолетная – Кварцевая, перекресток ул. Трактористов – Чайковского), где узнаваемость составила не более 3%. Вероятно, это связано с тем, что данные сооружения находятся в районах, отдаленных от центра города и центральных улиц, малопосещаемых, до них трудно добраться и они не имеют особой информационно-эмоциональной окрашенности для испытуемых, т. е. подобные объекты являются наиболее типичными в общем контексте городской среды и не запоминаются жителями города.

Эксперимент 4. Виды пространственно-психологической среды города. Особенности восприятия различных видов городской среды

С позиций средовой психологии, человек находится в постоянном поле взаимодействия с окружающей средой, что вызывает у него, благодаря наличию генерализованных реакций организма, определенный эмоциональный фон. Г. Т. Фехнер выделяет два важных элемента в процессе восприятия [81]:

- 1) внешний – свойства объекта (форма, цвет и др.);
- 2) внутренний – все то, что мы присоединяем к восприятию объекта из нашего опыта).

Лишь благодаря сопутствующим ассоциациям создаются субъективный смысл и та специфическая экспрессия, которые получают воплощение в образе восприятия.

В психологии известно, что любое восприятие сопровождается чувственным тоном, что бы ни являлось объектом этого восприятия – линия, цветовое пятно, предмет, человек или окружающая среда. Сам тон может быть определен биологически или связан с неким нашим

прошлым опытом взаимодействия с объектом. В 20-е гг. XX в. Х. Лундхольм исследовал чувственный тон линий [178]. Печаль представляется большими опускающимися синусоидами, веселость – маленькими направленными вверх линиями, доброта – большими горизонтально направленными кривыми. А. А. Барабанов [11] анализировал эмоциональное воздействие объемно-пространственных композиций храмов, рассматривая линии, формы и фигуры зданий как эмоционально-эстетические знаки, несущие определенное символическое значение.

В экспериментальном исследовании А. Г. Маслоу и Н. Л. Минца [182] три группы испытуемых в разных с точки зрения эстетического качества средах оценивали приятность и энергичность людей, чьи фотографии им были предъявлены. Первая среда представляла собой уютно обставленный кабинет, вторая – обычную классную комнату, а третья была неприглядным техническим помещением, где хранился инвентарь для уборки. Оказалось, что эстетическое качество среды существенно влияет на эмоциональную оценку. В более приятной среде лица на фотографиях оценивались значимо выше. Фиксировалась также длительность проведения эксперимента. В неприятном окружении он заканчивался быстрее.

В течение последних трех лет нами проводилось исследование, целью которого было выявление эмоционально-перцептивной окраски различных типов городской среды в восприятии горожан. Таким образом мы проверяли наличие взаимосвязи между стимулами среды и эмоциональными и поведенческими реакциями респондентов.

В пределах зрительного восприятия и ощущения различные визуальные признаки вызывают разную по интенсивности и качеству эмоциональную реакцию. Устойчивость графических и словесных образно-ассоциативных сетей позволила предположить, что силуэты зданий и сооружений сами по себе обладают устойчивыми образно-эмоциональными характеристиками [9].

В качестве средовых стимулов использовались черно-белые фотографии размером 15×21 см различных по пространственному и эстетическому решению городских ситуаций (всего 8 ситуаций). Респонденты должны были придумать рассказ о том, что, по их мнению, может произойти в каждой из предъявленных ему ситуаций. Анализировались особенности поведенческих ожиданий, реализаций и эмоциональные реакции. Для анализа рассказов использовался метод контент-анализа.

Выбор типов среды осуществлялся при помощи экспертных оценок, проводимых среди студентов 3-го курса РГППУ (120 чел.). Нами были выделены следующие типы сред:

- 1-я среда. Типовая серия жилых девятиэтажных домов;
- 2-я среда. Коттеджи и таунхаусы;
- 3-я среда. «Сталинки»;
- 4-я среда. «Хрущевки»;
- 5-я среда. Дома частного сектора города;
- 6-я среда. Здание в стиле хай-тек;
- 7-я среда. Исторический нежилой дом;
- 8-я среда. Бараки.

В результате проведенного эксперимента нами были получены следующие данные.

Первая среда. Типовая серия жилых многоэтажных домов (рис. 15)

Рис. 15. Стимульный материал для 1-й среды

Наиболее часто ассоциируется со спальными районами («Урал-маш», «Ботанический», «Сортировка»), с «большим городом», «двором», «свадьбой». Данные ассоциации свидетельствуют в целом о позитивно-нейтральном восприятии современных многоэтажных домов. Основной акцент респондентами делается на то, что в данной среде осуществляется совместное проживание: «жилой район», «родной двор», «детишки играют все время». Это привычная среда большого города, в условиях которой происходят основные изменения личности, знаковые события и жизнедеятельность. Такими зданиями насы-

шен почти каждый микрорайон города, они лишены яркой индивидуальности, похожи друг на друга, в них фиксируются сходные типы взаимодействия «человек – среда» – неработающие лифты, мусор в подъезде, изрисованные стены.

Вторая среда. Коттеджи и таунхаусы (рис. 16)

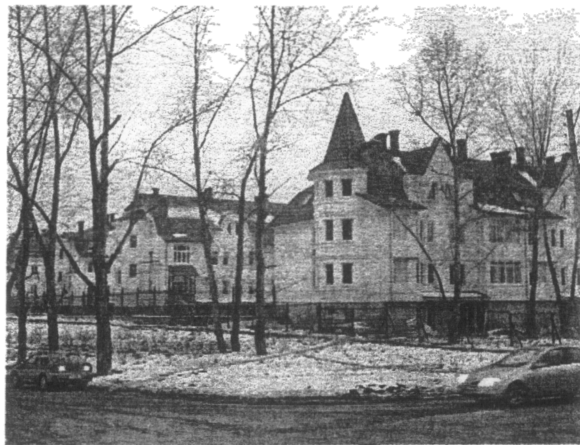

Рис. 16. Стимульный материал для 2-й среды

Данный тип среды ассоциируется с «элитной» жизнью, престижем, роскошью, обеспеченностью: «квартиры богатых людей», «живут хорошо обеспеченные люди», «элитная жизнь», «роскошь»). Возникает желание достичь успеха, амбициозность: «дом моей мечты», «дом, в котором я буду жить». Присутствует взаимосвязь с западным образом жизни: «кусочек Германии», «Прага, уют», «дом, в котором жил Г. Х. Андерсен». Это среда не типична для Екатеринбурга, однако такие здания органично вписываются в городской ландшафт и, соответственно, положительно воспринимаются; среда не является агрессивной, дома разнообразны по архитектуре, декоративным элементам. Однако в некоторых микрорайонах города после постройки подобных сооружений жители столкнулись с проявлениями вандализма по отношению к своим домам. Такое поведение можно объяснить с точки зрения защитного поведения той категории граждан, которые осознают, что такой уровень жизни им в настоящий момент недоступен и, соответственно, выражают протест в форме косвенной, опосредованной агрессии.

Третья среда. «Сталинки» (рис. 17)

Рис. 17. Стимульный материал для 3-й среды

В данной ситуации тип среды ассоциируется с петербургскими дворами, образом жизни: «Бандитский Петербург», «Питер, защита». Проявление молодежного образа жизни: «распитие пива, смех девок», «на скамейке собираются пить пиво», «пацаны в футбол играют, в любви объясняются», «Женя любит Лену».

Замкнутое пространство двора: «замкнутое пространство, тупик», «старый проулок», «дворик». Создается ощущение замкнутого микромира. Такой тип среды характерен для районов города старой застройки. Дома массивны, с большими площадями и внутренним двором.

Четвертая среда. «Хрущевки» (рис. 18)

Рис. 18. Стимульный материал для 4-й среды

Данный тип среды у жителей города ассоциируется с проживанием в «спальных» микрорайонах, эпохой Н. С. Хрущева, пожилыми людьми: «хрущевка», «в основном живут пенсионеры», «у дедушки», «спальные улочки», «старый жилой квартал», «бытовуха, тихая, размеренная жизнь», «дом, как у моей бабушки», «Хрущев, Советский Союз, гниль, мрак». Возникает впечатление состояния регресса, застоя, отсутствия развития и движения.

Пятая среда. Дома частного сектора города (рис. 19)

Рис. 19. Стимульный материал для 5-й среды

Частный сектор ассоциируется у жителей города с деревней, ностальгией по естественной жизни, близкой к природе, утратой корней: «окраина», «каникулы в деревне», «домик в деревне», «тихая размеренная жизнь, естественность», «рубят дрова для отопления домов». Наряду с этим наблюдается тенденция к регрессии, старению, депривация потребностей: «пьяный пастух, дед», «живут пожилые люди», «стремление деревни быть ближе к городу».

Шестая среда. Здание в стиле хай-тек (рис. 20)

Данный тип среды в сознании жителей связан с динамичностью, развитием, официальностью, солидностью и престижностью, конкуренцией, местом активной деятельности: «торговый центр», «офисное здание», «серьезное рабочее здание, люди приезжают работать», «офис богатого человека», «офис, постоянно подъезжают машины».

Такого рода зданиями активно застраивается деловой центр Екатеринбурга, они современны, но не всегда органично вписываются в городской ландшафт.

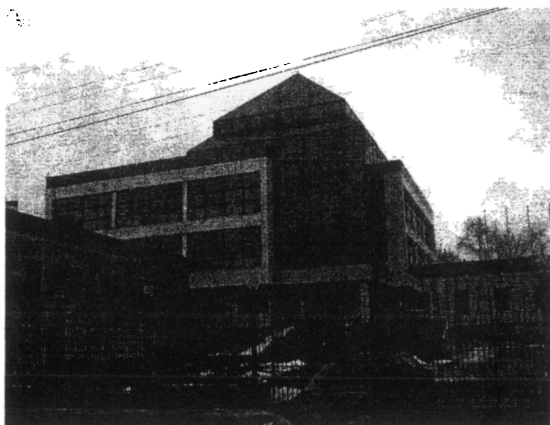

Рис. 20. Стимульный материал для 6-й среды
Седьмая среда. Исторический нежилой дом (рис. 21)

Рис. 21. Стимульный материал для 7-й среды

Исторический нежилой дом ассоциируется с музеем, дворцом, местом культурного отдыха и просвещения, светской жизнью элиты: «дворец-музей», «красиво, раньше умели строить», «проезжают кареты, бегают лакеи», «гулять, любоваться тем, что тебя окружает», «богемка, элита, высшее общество», «светское здание, балы, народ куль-

турно отдыхает». Здания подобного типа являются историческим наследием города, проводится работа по их систематической реконструкции и сохранению.

Восьмая среда. Бараки (рис. 22)

Рис. 22. Стимульный материал для 8-й среды

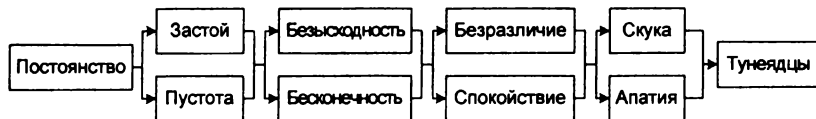
«Бараки» ассоциируются с «ущербностью»: «мрачно», «кошмар», «ужас». Данные ассоциации можно трактовать как неосознаваемый страх смерти. Очевидно, что данный тип среды вызывает резко негативные эмоции агрессии, страха, ужаса. Отмечается явление регресса, застоя, отсутствие каких-либо перспектив. Старость, упадок, безнадежность являются основными характеристиками. Эти объекты подлежат сносу, в городе проходит поэтапная ликвидация ветхого жилья.

Ассоциативный ряд каждой среды был преобразован в логикосмысловые цепочки. Для проверки соответствия осознаваемых и бессознательных реакций в нашем эксперименте был использован цветовой тест Люшера. Участники исследования к восьми типам среды подбирали те цвета, с которыми у них в наибольшей степени ассоциировалась данная ситуация. Нами были получены следующие результаты.

Первая среда. Типовая серия девятиэтажных домов. Современные постройки связываются с серым и зеленым цветом, что предполагает близкое общение между жителями, коллективизм, при этом проявляется обезличивание, освобождение от обязательств, сопротивление изменениям, постоянство воззрений, ригидность.

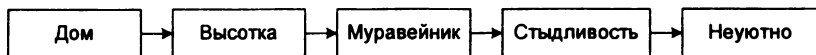
Данная среда у участников исследования ассоциируется с постоянством, вызывающим ощущение застоя и пустоты. Типовые многоэтажные дома по сути своей являются ригидной средой, устоявшейся,

приводящей к ощущению бесконечности и состоянию безысходности. Безразличие и спокойствие перетекают в скуку и апатию, порождающие «тунеядцев» – людей с отсутствием четких жизненных целей и живущих с ощущением бессмысленности существования:

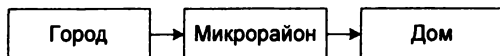

Очевидно, что данные ассоциации вызваны визуальной агрессивностью данной архитектурной среды, оказывающей на человека угнетающее воздействие.

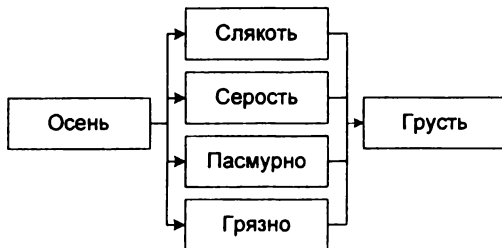
Многэтажный дом также вызывает образы, связанные с резким дефицитом пространства («высотка», «муравейник»), способствует возникновению чувства стыдливости. Человеку неуютно в таких условиях, поскольку нехватка жизненного пространства переживается личностью болезненно:

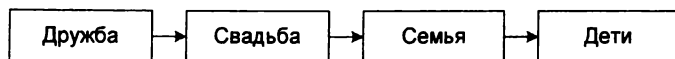
Важно отметить, что подобная среда является типичной для любого крупного индустриального города России. Подобные дома являются составной частью «спальных» микрорайонов или периферийных жилых районов города, застройка которых пришлось на период 1970–1990-х гг.:

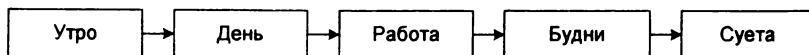
Респонденты особое внимание уделяют времени года, связывая среду многоэтажных домов с осенью, когда в эмоциональном фоне природы преобладает чувство грусти:

Также среда характеризуется динамикой межличностных отношений: начиная с дружбы и завершая свадьбой и созданием семьи. Семья и дети выступают как ценность. Но важно отметить, что в данном случае нет речи о любви, что можно интерпретировать как наличие у респондентов редуцированных, формальных представлений о семейных отношениях в данной среде:

Респонденты отмечают будничность как одну из основных характеристик среды типовых девятиэтажных домов: утро – работа – будни, череда событий порождает суету, присущую крупному городу:

Ассоциации, связанные с замкнутостью, четкостью и системностью, создают ощущение постоянства и индивидуализма, что вызывает чувство защищенности. Иначе говоря, понятность и привычность места проживания способствуют удовлетворению потребности в безопасности.

В то же время данная среда воспринимается как агрессивная. Причин для этого несколько. Во-первых, многолюдье способствует возникновению анонимности и деиндивидуализации личности, бесконтрольности поведения. Во-вторых, однотипность, «серость» среды провоцирует агрессивные реакции человека по отношению как к самой среде, так и к людям, в ней находящимся (вандализм, насилие). В целом это может привести к противоправному или асоциальному поведению отдельного человека или групп людей, т. е. порождает рост преступности и способствует возникновению чувства опасности, исходящей из окружения. Тотальный страх напоминает «стихийное бедствие»:

Таким образом, среда «типовая серия жилых многоэтажных домов» наиболее часто ассоциируется со спальными районами, с «боль-

шим городом», «двором», «свадьбой». Основной акцент испытываемыми делается на то, что в данной среде осуществляется совместное проживание: «жилой район», «родной двор», «детишки играют все время».

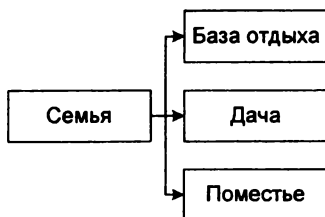
Данные ассоциации свидетельствуют, с одной стороны, о позитивном восприятии современных многоэтажных домов. С другой стороны, анализ ассоциаций приводит к следующим выводам:

- преобладает чувство грусти, ощущение застоя, устоявшейся жизни, приводящей к состоянию безысходности и бесконечности;
- безразличие и спокойствие перетекают в скуку и апатию, порождающую «тунейдцев»;
- нехватка жизненного пространства переживается личностью болезненно;
- череда событий порождает суету, присущую крупному городу;
- понятность и привычность места проживания способствуют тому, что человек ощущает себя защищенным в данной среде;
- среда девятиэтажных домов порождает чувство агрессии, что приводит к увеличению числа преступлений.

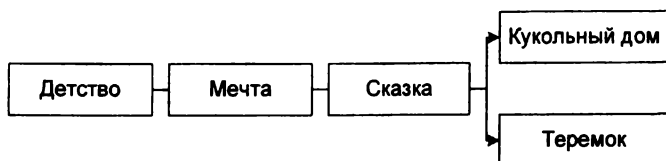
Таким образом, наблюдается соответствие слов-ассоциаций и цветовых ассоциаций, что говорит о достоверности данных.

Вторая среда. Коттеджи и таунхаусы. Проявляется многосторонность и многообразие данного типа среды (выбираются красный, зеленый и фиолетовый цвета): яркость, индивидуальность, амбициозность, достижение вершины роста, стремление к успеху, мечты, упорство и настойчивость.

Коттеджи ассоциируются с семейным отдыхом («база отдыха», «дача», «поместье»). Являются атрибутом обеспеченной жизни (собственный загородный дом):

Участники исследования связывают данную среду с детской мечтой, со сказками. Наблюдается позитивное восприятие среды в качестве мечты:

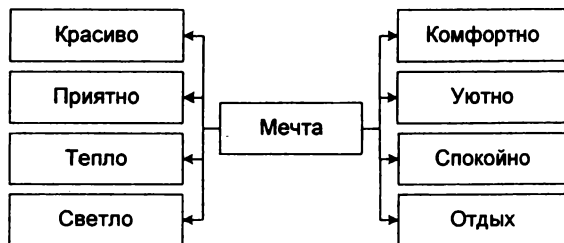
Коттеджи ассоциируются у участников исследования с новостройками, объединенными в микрорайоны:

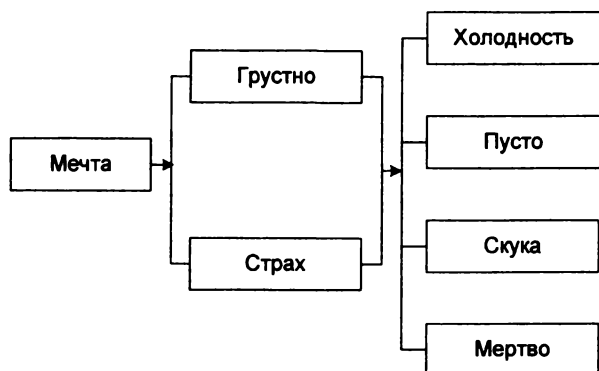
Появляется некая отгороженность и обособленность от остального города:

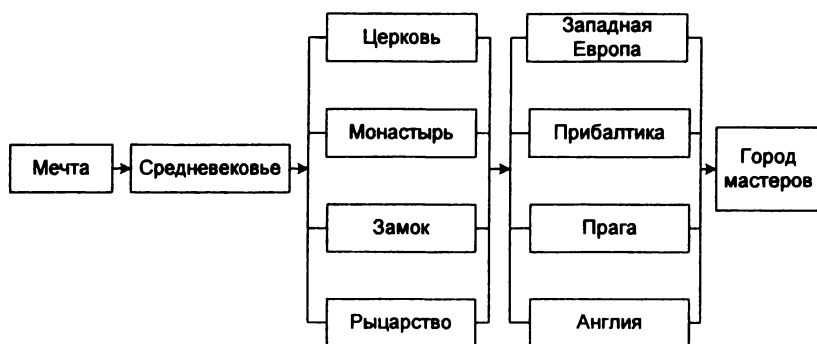
Основной характеристикой данной среды является мечта. В данном случае она имеет позитивную направленность, воспринимается как «красивая», «приятная», «теплая», «светлая». Следовательно, элитные коттеджи выступают в качестве комфортной визуальной среды города, поскольку в ней проживать «уютно», «спокойно», «комфортно»:

В другом варианте мечта имеет негативное отражение, вызывающее чувства грусти и страха. Это связано с тем, что она воспринимается как недостижимая, далекая и неосуществимая. Появляется ощущение пустоты, скуки, холодности. Мечта «мертвая», поскольку не имеет перспективы в будущем:

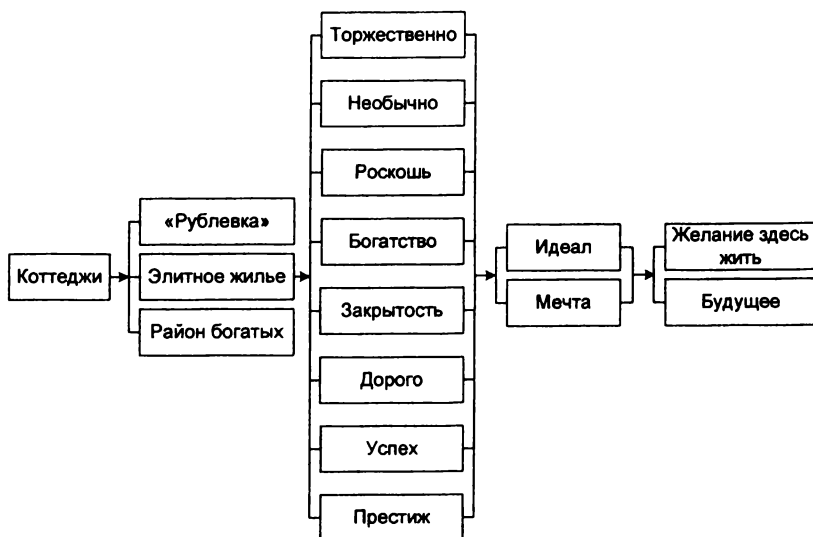

Видение мечты имеет связь и с историей, в частности с эпохой Средневековья, которое вызывает ассоциации с замками, рыцарством, церковью и монастырем. Прослеживается также аналогия с западным образом жизни:

Коттеджи вызывают ассоциации с районом богатых, элитным жильем, «Рублевкой», являются атрибутом престижа, успеха, роскоши, богатства, вместе с тем отмечается «закрытость» данной среды.

Она выступает неким «идеалом», который направлен в будущее, вызывает желание жить в подобной среде:

Таким образом, данный тип среды является источником ассоциаций, связанных с успехом, богатством, высоким качеством жизни, что отражает современные социальные и материальные ценности, доминирующие в нашем обществе. Прослеживается ориентация на образцы европейского образа жизни, являющиеся для россиянина своеобразным эталоном и идеалом организации жизненного пространства.

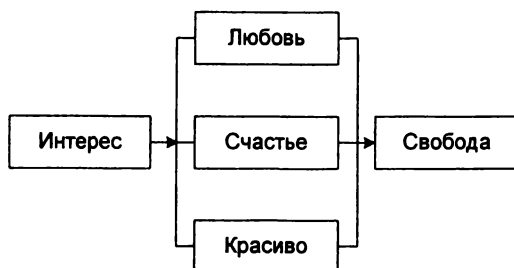
Мечта является основной темой данной среды, причем имеющей две стороны: одна – позитивная мечта, желание достичь успеха и комфорта, другая – негативная, связана с мотивацией избегания неудач, возникающими чувствами страха и грусти в связи с бесперспективностью.

Ассоциируется среда коттеджей в основном с красным цветом, что свидетельствует о яркости, индивидуальности, амбициозности, достижении вершин роста, стремлении к успеху, желании получить жизненные блага, мечте, упорстве и настойчивости.

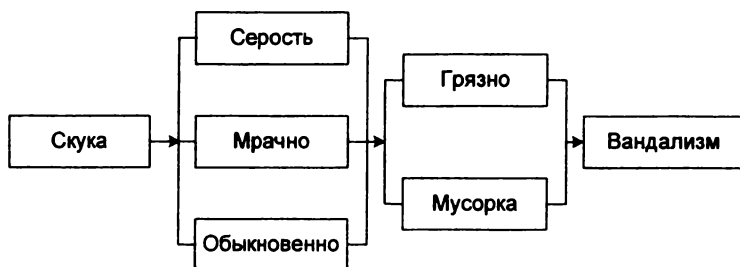
Необходимо подчеркнуть, что ассоциации участников исследования и цветовые выборы соответствуют друг другу, что свидетельствует о наличии общих закономерностей восприятия данной среды.

Третья среда. «Сталинки». Данный тип среды ассоциируется с желтым, коричневым и серым цветом, что говорит об эмоциональности и чувствительности, надежде на будущее, стремлении к новым перспективам, оптимистичном взгляде на жизнь в целом, коллективизме (желании принадлежать группе). Проявление детско-юношеских реакций.

Данная среда вызывает ассоциации, связанные с позитивными чувствами и эмоциями интереса, любви, счастья, вызывающие чувство свободы:

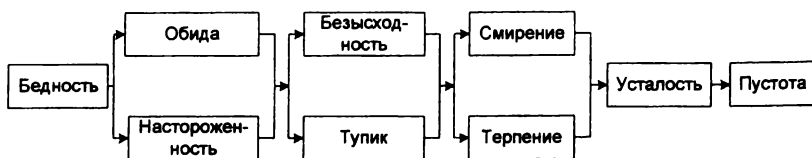

Также возникают ассоциации, связанные со скукой, вызываемой «серостью», «мрачностью» и «обыкновенностью» окружения, возникает образ «мусорки», «грязи». «Скука», в свою очередь, порождает «вандализм», неэкологичное отношение к среде проживания. В данном случае активное преобразование среды действительно вызвано негативными эмоциональными состояниями, которые она обуславливает:

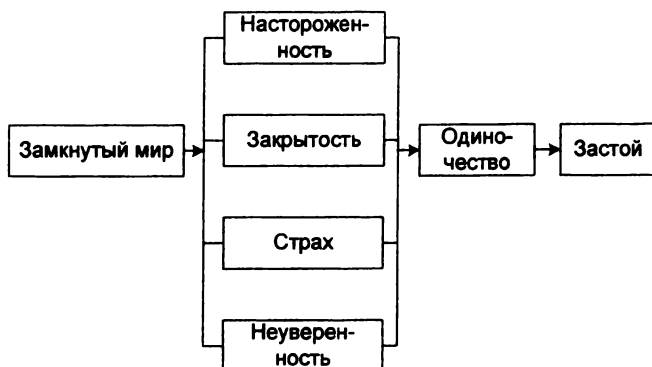

Данная городская среда ассоциируется у респондентов с бедностью, которая вызывает чувство обиды, настороженность, ощущение безысходности и тупика. «Бедность» порождает «смирение» и «терпе-

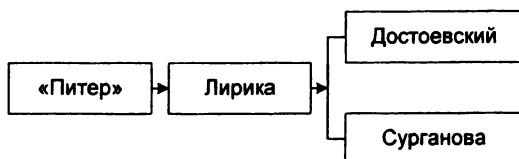
ние», пропадает надежда на улучшение жизни, отсутствуют перспективы. Возникают усталость и опустошенность.

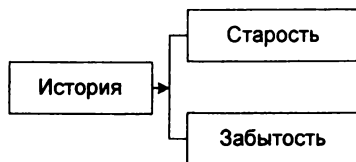
Возникает ассоциация с «замкнутым миром», вызывающим «настороженность», «закрытость», «страх», «неуверенность». В подобном месте возможно возникновение чувства одиночества. «Замкнутый мир» – закрытая система, в которой возникает явление «застоя»:

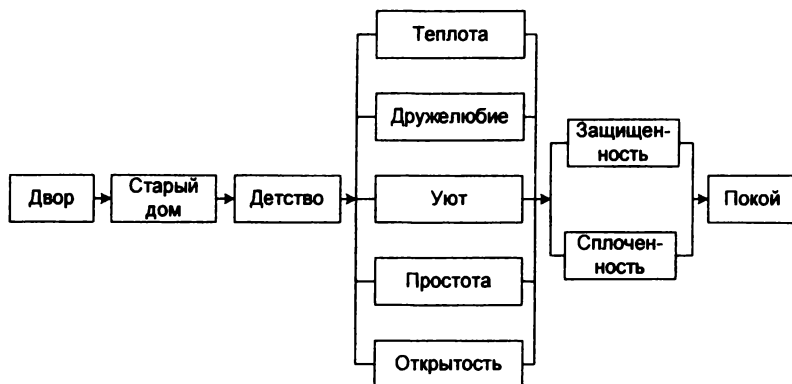
«Сталинки» ассоциируются с характерной застройкой Санкт-Петербурга, вероятно, респонденты проводят аналогию с подобными петербургскими тупиковыми дворами. Произведения Ф. М. Достоевского и С. Сурганова отражают грустное настроение, состояние печали, тоски, которое возникает в данной среде:

Данная среда вызывает ассоциации, связанные с историей, эпохой Сталина, старостью, забывостью:

«Двор» и «старый дом» напоминают детство, которое ассоциируется с теплотой, дружелюбием, уютом, простотой и открытостью. Данные эмоции создают ощущение защищенности и сплоченности, которые вызывают состояние покоя, причем важно отметить, что «покой» и «застой» по сути близкие состояния, однако «застой» сопровождается негативными эмоциями, а «покой» имеет позитивную окраску:

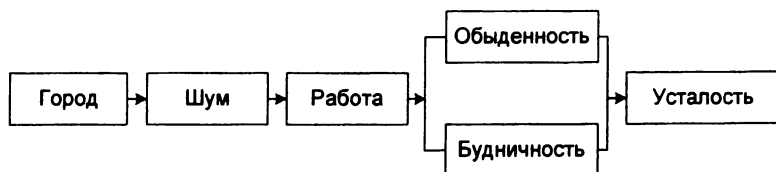

Данный тип среды ассоциируется в основном с желтым и серым цветами, что говорит об эмоциональности и чувствительности, надежде на будущее, стремлении к новым перспективам, проявлении детско-юношеских реакций, оптимистичном взгляде на жизнь в целом, коллективизме (желании принадлежать группе), но при этом присутствует также замкнутость, отгороженность.

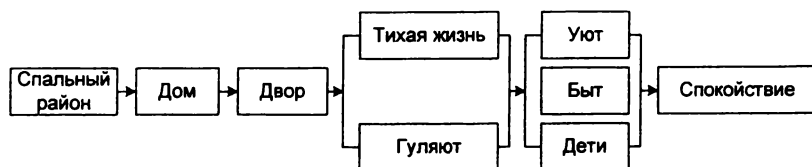
Четвертая среда. «Хрущевки». На первом плане присутствует серый цвет: застой, регресс, устоявшиеся принципы и взгляды, отсутствие развития.

Данная среда ассоциируется с городом, шумом, работой, которые свойственны «обыденности» и «будничности» крупного города.

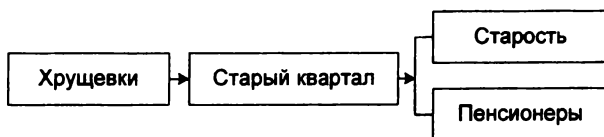
Повседневность вызывает у горожан усталость. Данный ряд можно связать и с более высокой утомляемостью жителей большого города, «замкнутостью» их жизни (дом – работа – дом):

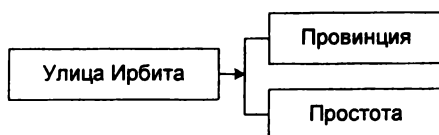
«Хрущевки» являются типичной средой для спальных районов города, ассоциируются с тихой жизнью, уютом, бытом, которые вызывают состояние спокойствия:

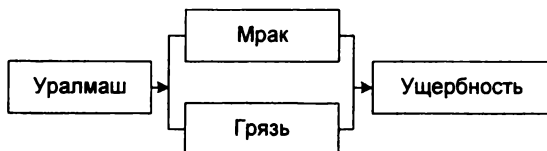
Данная среда вызывает ассоциации со старым кварталом, со старостью, пожилыми людьми. Старое здание напоминает об эпохе Хрущева и людях той эпохи:

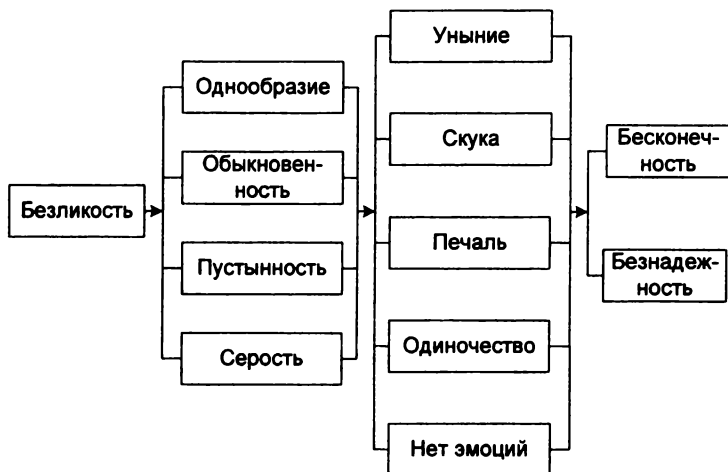
Поскольку в нашем исследовании участвовали жители города Ирбита, они провели аналогию с улицами родного города. Респонденты ассоциировали данную среду с провинциальной простотой:

Участники исследования идентифицировали данную среду с микрорайоном «Уралмаш», который ассоциируется у респондентов с мраком, грязью, ущербностью, следовательно, данный район вызывает негативное отношение, имеет отрицательный имидж:

Необходимо отметить, что данная среда является гомогенной и агрессивной. Участники исследования приводят ассоциации, доказывающие это утверждение: среда безлика, однообразна, обыкновенна, пустынна, серая. «Хрущевки» вызывают состояние дискомфорта, проявляющееся в унынии, скуке, печали, одиночестве, либо вообще не вызывают никаких эмоций. «Безликость» несет с собой ощущение бесконечности и безнадежности:

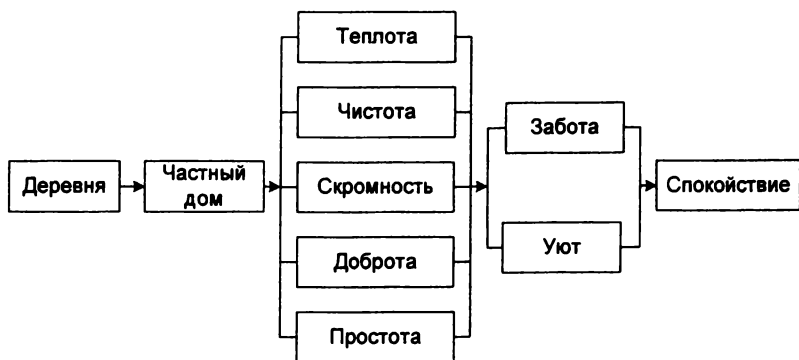

Таким образом, данный тип среды четко ассоциируется с регрессивными явлениями, откатом в социалистическое прошлое при актуализации худших воспоминаний о нем: «застой», «отсутствие возможности самовыражения», «рутинность жизни». Также эта среда связывается в восприятии со старением, упадком, отсутствием перспектив.

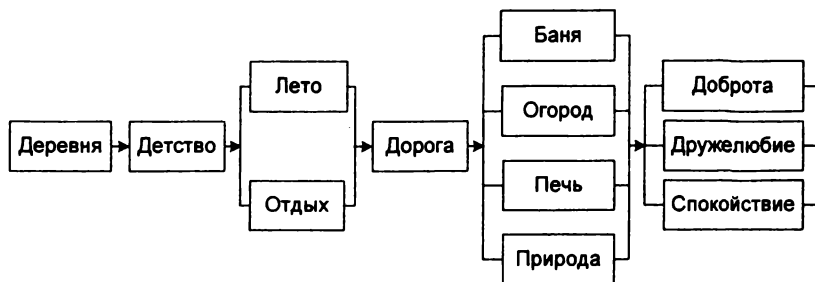
Данные ассоциации подтверждает наиболее часто выбираемый цвет – серый, что говорит о застое, регрессе, устоявшихся принципах и взглядах, отсутствии развития.

Пятая среда. Дома частного сектора. Основной выбор – коричневый цвет: символизирует чувственную основу ощущений, стремление к корням, потребность в домашнем очаге.

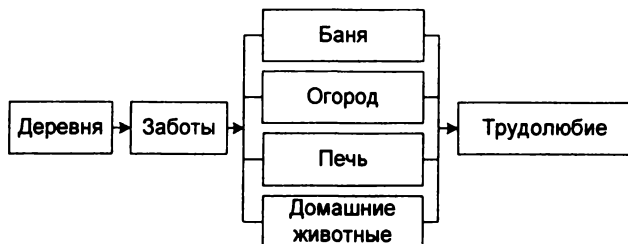
Дома частного сектора наиболее часто вызывают ассоциации, связанные с деревней, частным домом, порождающие позитивные эмоциональные переживания: «теплота», «чистота», «скромность», «доброта», «простота», а также «забота» и «уют» являются важными характерными чертами данной среды. В целом дома вызывают спокойствие:

«Деревня» вызывает ассоциации, связанные с детством, летом, отдыхом, деревенским бытом, которые порождают чувства доброты, дружелюбия и спокойствия:

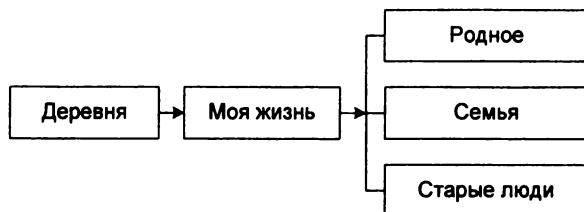
«Деревню» связывают с «заботами»: «баня», «огород», «печь», «домашние животные», содержание которых требует большого трудолюбия:

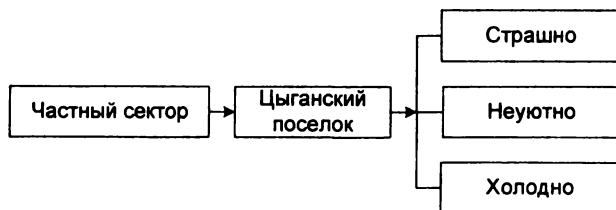
Среда частных домов ассоциируется с природой, лесом, она наиболее природосообразна и естественна. Респондентами осознается и поддерживается связь с природой, ее необходимость в жизни каждого человека:

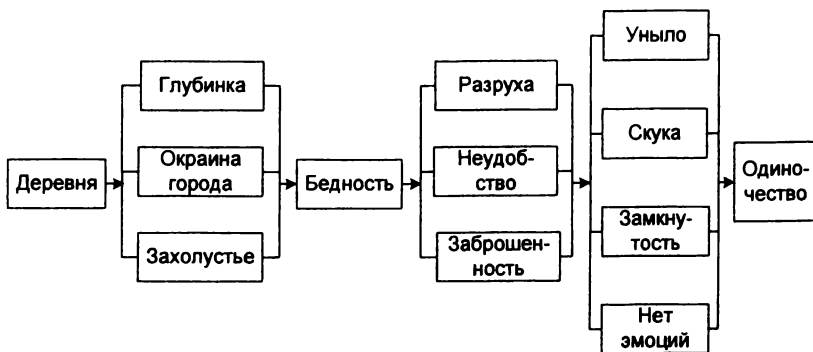
«Деревня» связана с родными, семьей, «старыми людьми» (бабушками, дедушками), прослеживается близость к «корням» и традициям:

В условиях среды большого города «частный сектор» напоминает «Цыганский поселок», вызывающий чувство страха, холода, находиться там «неуютно». Вероятно, это связано с отрицательной репутацией данного микрорайона:

Существующий иной взгляд на «деревню» в контексте городской среды заключается в том, что в домах частного сектора проживают люди малообеспеченные. Возникают ассоциации с «разрухой», «грязью», «неудобством», «заброшенностью», сопровождающиеся «грустью», «унылостью», «скукой», «замкнутостью» либо «отсутствием эмоций» и «одиначеством»:

В целом восприятие застройки сельского типа в городской среде отражает естественную тягу горожанина к природе, актуальную и неудовлетворенную потребность в безопасности и покое. Однако в условиях города создается когнитивный диссонанс при восприятии данной среды, так как она ассоциируется с окраинами, неблагоустроенностью и низким качеством жизни. Это регрессивная среда, предполагающая возврат от динамического, деятельного образа жизни горожанина к вынужденной созерцательности, апатии и бессилию.

Дополнительный выбор – зеленый цвет, символизирующий гармонию, спокойствие, близость к природе, а также постоянство воззрений, консерватизм, сопротивляемость изменениям.

Шестая среда. Здание в стиле хай-тек. Преобладающий цвет синий: нежилое помещение, сфера активной деятельности, интровертированность, индивидуализм, конкуренция.

Современная бизнес-среда ассоциируется с местом будущей работы, стремление к которой связано с проявлением инициативности, целеустремленности, креативности, четкости и расчета. Работа

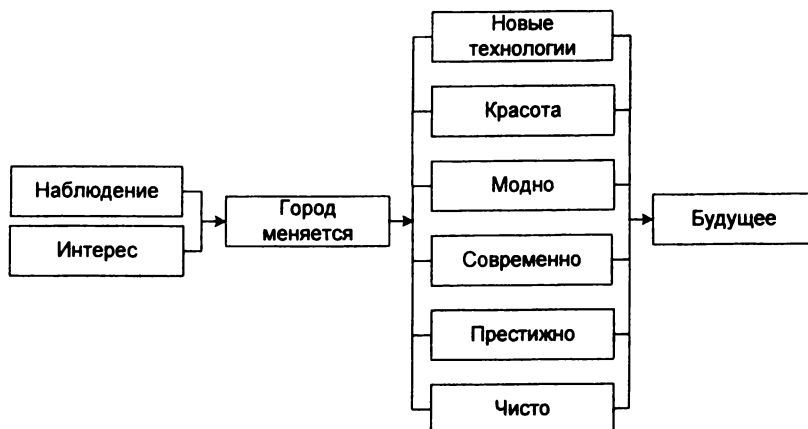
в данной среде дает уверенность, силу, богатство, придает строгость, серьезность:

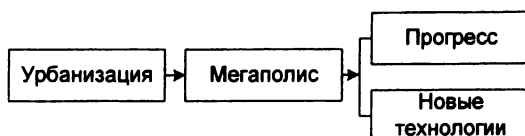
Здание в стиле хай-тек вызывает ассоциации с торговым комплексом, зданием корпорации, посольством, отелем, заводом, банком. Данные организации связаны с престижем, респектабельностью и солидностью:

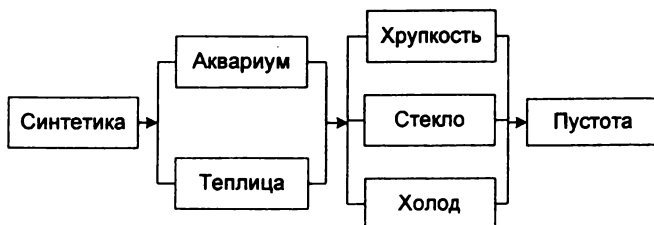
Участники исследования, наблюдая, отмечают, что «город меняется»: появляются «новые технологии», город становится более «красивым», «модным», «современным», «престижным», «чистым». Следовательно, «будущее» за данным типом среды:

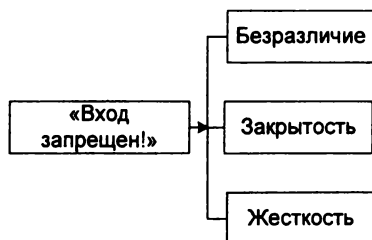
Данная среда ассоциируется с урбанизацией – ростом города, прогрессом и новыми технологиями:

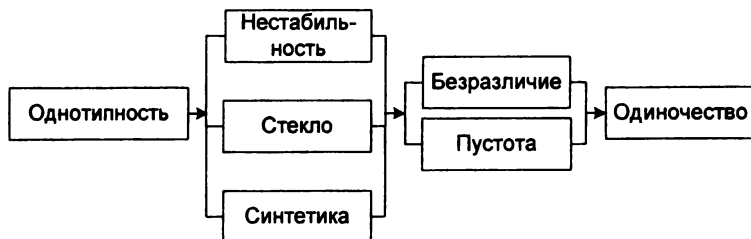
Респонденты отмечают искусственность данной среды, связывая ее с образами «аквариума» и «теплицы». Наиболее характерными являются ассоциации «хрупкость», «стеклянность» и «холод». Пустота выступает отражением впечатления от данного здания:

Участники исследования подчеркивают недоступность и закрытость данной среды, возможно проявление жесткости и безразличия. Вход в бизнес-среду строго ограничен:

Ассоциации «однотипность», «нестабильность», «синтетика», «стекло» связаны с тем, что данная среда является гомогенной и агрессивной, имеющей множество повторяющихся элементов, которые вызывают ощущение пустоты и внутреннего безразличия. Также характерно ощущение одиночества:

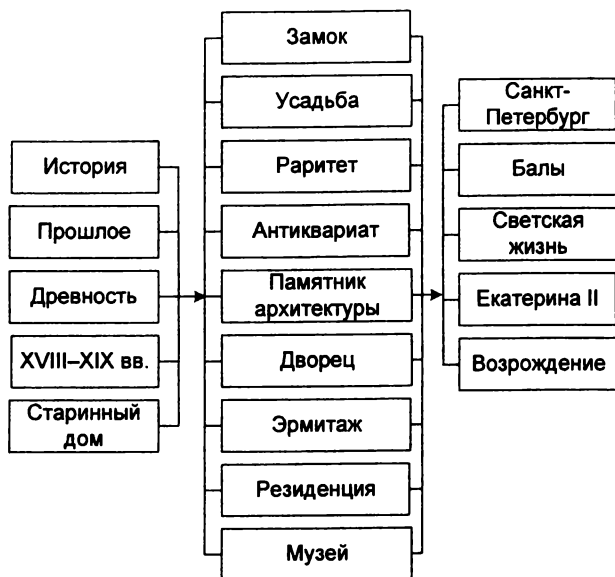

Таким образом, данный тип среды отражает динамичный образ делового города, подчеркивает функциональность и доминанту активности в деятельности и поведении.

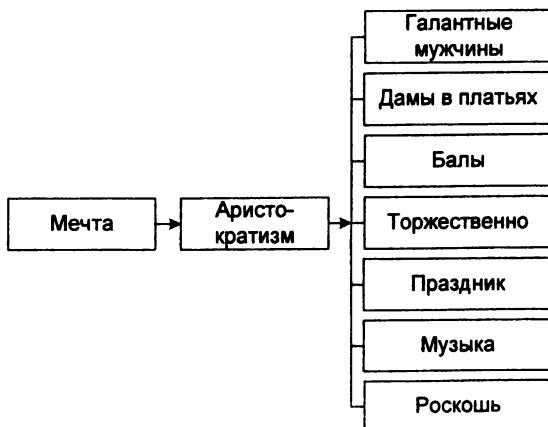
Седьмая среда. Исторический нежилой дом. Основной цвет желтый: выражение несдерживаемой экспансивности, раскованности, активность межличностных взаимодействий, направленность на будущее, ожидание позитивных результатов.

Участники исследования ассоциируют данный тип среды с «историей», «прошлым», «древностью», «памятником архитектуры». Иначе говоря, респонденты воспринимают дом в качестве куль-

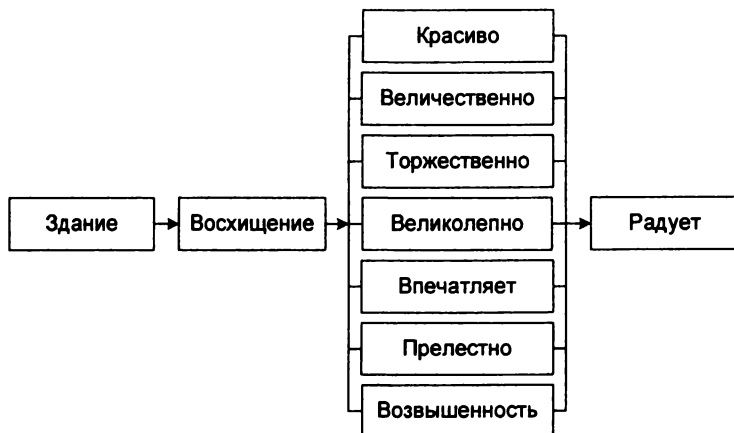
турного наследия и исторической ценности. Прослеживается связь с эпохой Екатерины II, с атмосферой Санкт-Петербурга:

Данная среда связана с «мечтой» об «аристократическом» образе жизни и соответствующей ему атрибутике: «балы», «праздник», «музыка», «дамы в платьях» и т. п.:

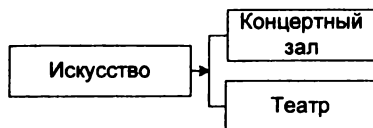
«Здание» вызывает «восхищение» своей красотой, величием, торжественностью, великолепием, возвышенностью, данный тип среды «впечатляет». Наблюдается преобладание позитивного отношения, проявляющегося в чувстве радости:

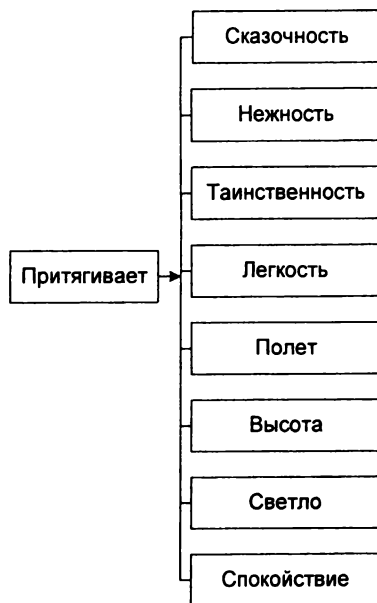
Исторический, нежилой дом ассоциируется с «великими архитекторами», создавшими «уникальное», «изящное» здание, которое вызывает чувство гордости. Иначе говоря, данная среда является произведением искусства, созданным великими мастерами:

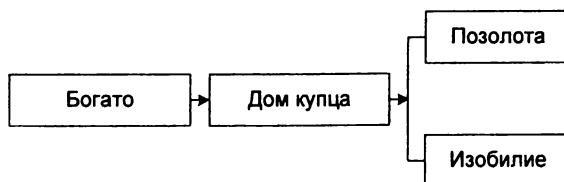
Прослеживается взаимосвязь с искусством: респонденты отмечают, что в данном здании располагается концертный зал, театр, следовательно, воспринимают его как место культурного отдыха:

Историческое здание «притягивает» своей «таинственностью», «сказочностью», вызывая ассоциации с «нежностью», «легкостью», «полетом», «светом», «высотой». Можно с уверенностью утверждать, что данная городская среда воспринимается жителями как комфортная, вызывающая позитивные эмоции:

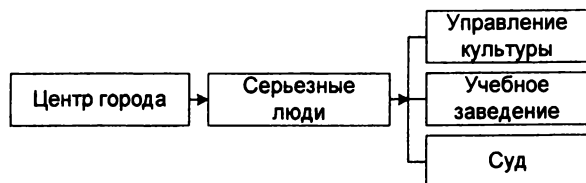

Среда ассоциируется с достатком, материальным благополучием, изобилием, насыщенностью роскошью:

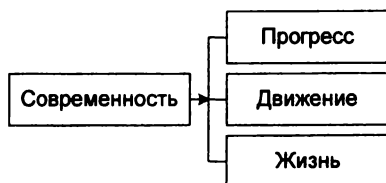

Интересно отметить, что наряду с позитивным восприятием данной среды также присутствуют ассоциации с учебным заведением,

управлением культуры, судом, т. е. местами, связанными с процессом воспитания, привития ценностей, норм и правил поведения:

Историческое здание и по сей день не утратило своей актуальности и современности, вызывая ассоциации с прогрессом, движением и «жизнью»:

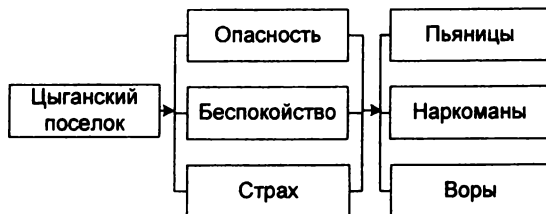
Историческая среда ассоциируется с актуализацией культурного наследия города и выделением пространства этой среды как исключительного и доступного только для избранных. Имеет взаимосвязь с историей, эпохой Екатерины II. Вызывает позитивные эмоции радости, восхищения, восторга. Воспринимается участниками исследования как комфортная визуальная среда города.

Восьмая среда. Бараки. Черный цвет символизирует отказ, полное отречение, протест против существующего положения.

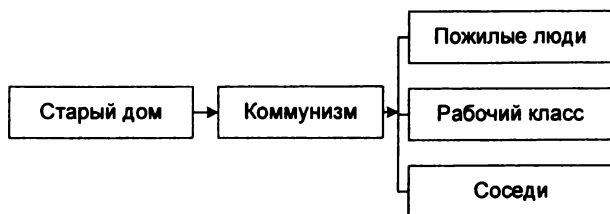
Среда «бараки» ассоциируется у респондентов со старостью, пережитком прошлого, нищетой и бедностью, которые связаны с забытостью, обездоленностью. Проживание в бараке ассоциируется с чувством одиночества:

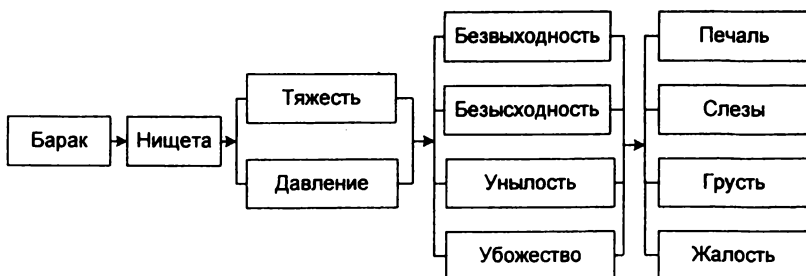
В ассоциациях участников исследования появляется образ «Цыганского поселка», вызывающего негативные чувства страха, опасности, беспокойства. Среда населяют, по мнению респондентов, пьяницы, наркоманы и воры, значит, «барак» небезопасен для проживания:

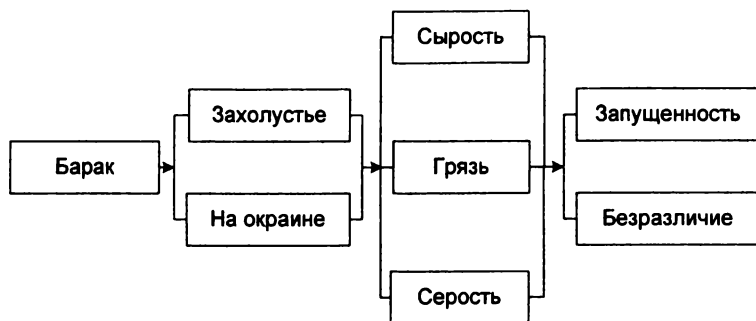
«Старый дом» является отголоском прошлых времен, ассоциируется с коммунизмом, людьми далеких времен («пожилые люди», «рабочий класс»):

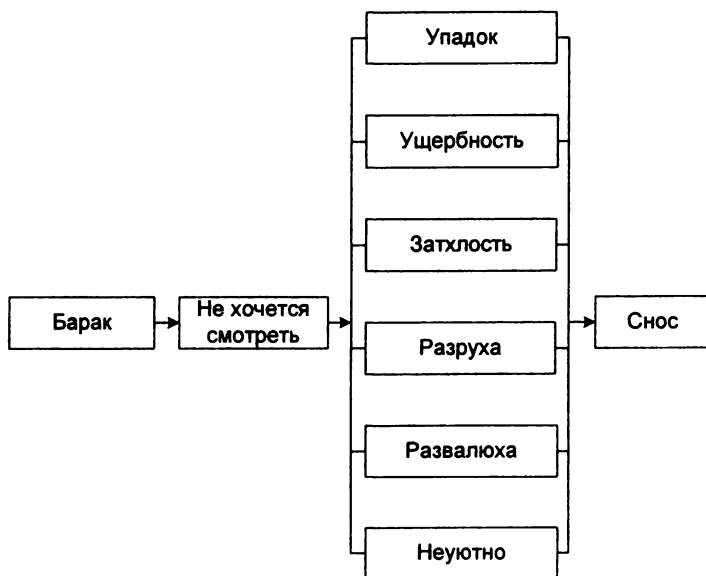
«Барак» связывают с нищетой, вызывающей ощущения тяжести и давления. Данная среда вводит в состояние безвыходности, безысходности и «унылости». Респонденты отмечают, что, когда они смотрят на этот дом, то «наворачиваются слезы на глаза», «жаль тех людей, которые там живут», становится «грустно» и «печально»:

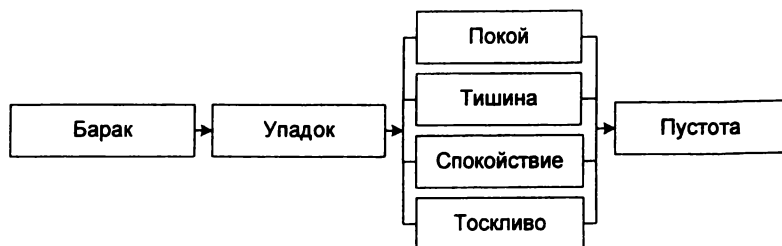
Среда «бараки» выступает в виде захолустья с сыростью, грязью, «серостью». Представляется мрачная картина запущенности с появлением безразличия к происходящему:

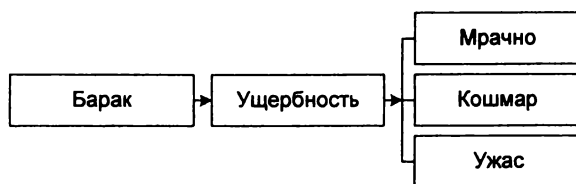
Резко негативные эмоции вызывают желания вообще не смотреть на дом, снести его, поскольку данная среда является воплощением упадка, разрухи, ущербности. Появляется чувство агрессии и стремление уничтожить здание:

«Барак», находящиеся в состоянии упадка, вызывают ассоциации с образом смерти: «покой», «тишина», «спокойствие», «пустота». Данная среда выступает в роли «теневого» части мегаполиса, той части, которая вытесняется сознанием:

Ассоциации, связанные со страхом смерти и упадком, актуализируют негативные эмоциональные переживания аффектированного плана: ужас, омерзение, панику:

Эта среда вызывает явное отторжение и стремление человека дистанцироваться от нее.

На основании результатов факторного анализа оценивалось распределение эмоционально окрашенных ассоциаций по видам сред, которое произошло неравномерно. Две из архитектурных сред обладают исключительно негативными характеристиками – «барак» (81% негативно окрашенных образов из общего количества ассоциаций) и «хрущевки» (33%). Историческая среда получила однозначную позитивную оценку (44% позитивно окрашенных образов). Остальные пять сред представлены амбивалентными ассоциативными рядами.

Эти же среды респондентами оценивались по степени комфортности. Наиболее привлекательными респонденты назвали коттеджи, здание в стиле хай-тек, типовые многоэтажки (59, 53 и 48% респондентов соответственно). Как наиболее нежелательные для проживания

были обозначены бараки, частные дома и «хрущевки» (72, 50 и 41% респондентов соответственно).

Противоречивыми по эмоциональной оценке и степени комфортности оказались типовые многоэтажки (респонденты осознают их внешнюю непривлекательность, но принимают как доступное унифицированное жилье). Обратная картина наблюдается относительно среды исторической застройки – максимально эстетичная, но в силу обстоятельств не пригодная для проживания среда.

После проведения факторного анализа по степени привлекательности описанных сред были выделены три фактора с общим кумулятивным весом 61,3%. Первый фактор (вес 2,038) включил в себя три среды: «коттеджи», «здание в стиле хай-тек» и «историческая застройка». Общим основанием для объединения этих типов сред может выступать их принадлежность к элитному, дорогому, престижному сегменту жилья.

Во второй фактор (вес 1,616) вошли «частные дома», «сталинки» и «бараки». Этот фактор был нами обозначен как «ветхое» жилье.

Третий фактор (1,253) составили такие среды, как среда типовых многоэтажек, «хрущевки» и «сталинки». Перечисленные типы можно отнести к жилому сегменту эконом-класса. Интересно, что среда «сталинок» не была четко соотнесена с каким-либо определенным фактором и вошла как значимая в последние два из перечисленных. Это может быть связано с неоднозначным имиджем данного типа застройки. С одной стороны, дома времен сталинской застройки уже отнесены к фонду старого жилья (срок эксплуатации более 50 лет), требующего капитального ремонта и имеющего множественные коммунальные проблемы, с другой – эти дома привлекательны из-за эргономичных и эстетичных характеристик (большая площадь, высокие потолки, удобная планировка и т. п.).

Проведенный анализ подтверждает предположение о наличии особых стереотипов в восприятии городской среды и ее типов, влияющих на поведенческие характеристики индивида.

Далее нами была предпринята попытка разделения участников исследования на группы исходя из их социально-эмоциональных особенностей восприятия и оценки привлекательности того или иного типа городской среды. С этой целью также применялся факторный анализ, который позволил сгруппировать респондентов в семь внут-

рикомплементарных групп. Каждая из выделенных групп имеет четкую амбивалентную структуру.

Качественный анализ позволил выделить те критерии, которые значимы для оценки окружающей архитектурно-пространственной среды респондентами каждой группы. Соответственно, были выделены следующие критерии:

- оригинальность / стереотипность;
- индивидуализм / коллективизм;
- усредненность / максимализм;
- свобода / нормативность;
- демонстративность / закрытость;
- инновационность / консерватизм;
- динамичность / статичность.

Так, например, респонденты первой группы на одном полюсе выделяют среду, подчеркивающую их самобытность, уникальность, имеющую «собственное лицо», на другом – стандартную, однотипную, не выделяющуюся из общей массы подобных строений архитектурную среду.

Респонденты второй группы делятся на два типа: для первого привлекательными являются среды, позволяющие минимизировать контакты с посторонними (коттеджи, частные дома и др.), второй комфортно чувствует себя только тогда, когда пространство насыщено социальным взаимодействием с разнообразными людьми.

В третьей группе респонденты в первом случае избегают крайностей в характеристиках сред. Для них наиболее комфортной будет та среда, которая обладает «усредненными», не выдающимися по сравнению с другими параметрами, т. е. «золотая середина». Во втором случае респонденты отмечают только те среды, которые обладают особыми, знаковыми признаками, без учета их позитивности или негативности для субъекта. Для них главный принцип – «все или ничего».

Четвертая группа, с одной стороны, включает в себя респондентов, выбирающих те среды, которые не навязывают особые нормы или ограничения в поведении присутствующему в них человеку; с другой – часть респондентов, для которых более удобны среды, четко регламентирующие образ жизни или поведения в их пространстве.

Пятая группа делится следующим образом: первая подгруппа респондентов отмечала привлекательность сред, позволяющих подчеркнуть особый статус, положение человека, присутствующего в них

(хай-тек, историческая застройка). Вторая подгруппа предпочла ту среду, которая способствует уединению, отгороженности от мира и социальной действительности.

В шестой группе одни респонденты особо выделяют креативную, современную среду (хай-тек), другие выбирают как более комфортные те среды, которые являются привычными, традиционными, характерными для массовой застройки города.

Седьмую группу, с одной стороны, составили респонденты, выбирающие насыщенные событиями, социально динамичные среды, способствующие деятельности и общению, с другой – предпочитающие среду «хрущевок», характеризуемую «отсутствием движения», стагнацией в социальных и пространственных отношениях.

Выделенные критерии универсальны для оценки человеком любой архитектурно-пространственной среды. Однако они выступают основанием для косвенного подтверждения наличия определенных групп (типов) людей, обладающих сходными стереотипами и предпочтениями в восприятии города. В то же время остается открытым вопрос обусловленности данных стереотипов и их происхождения: являются ли они следствием наличия специфичных психодинамических характеристик индивида или же приобретаются при взаимодействии социальных субъектов в условиях построения межличностных отношений в рамках архитектурной городской среды?

Существует мнение, что данные стереотипы индивидуальны и локальны по отношению как к пространству, так и к субъекту его восприятия [7, 9 и др.]. Однако, по нашему мнению, существуют определенные закономерности более общего порядка, которые устойчивы и надындивидуальны. Для каждой среды эти закономерности обусловлены ее эстетическими, геометрическими, функциональными, генетическими характеристиками.

Подводя итог, важно отметить, что агрессивной, гомогенной визуальной средой, не выступающей условием экологичного взаимодействия, являются «типовая серия жилых девятиэтажных домов», «хрущевки», «сталинки», «здание в стиле хай-тек», «баракки». Комфортной визуальной средой города, имеющей максимальный положительный эффект, являются «коттеджи и таунхаусы», «исторический нежилой дом», «дома частного сектора».

Таким образом, по результатам исследования можно заметить, что исторические здания, характеризующиеся собственной индивидуальностью

стью, воспринимаются как стимулы для активной и плодотворной творческой и культурной деятельности. Как правило, такие объекты рассматриваются с эмоционально положительным настроем, они не агрессивны и соразмерны человеку. Большинство же жилых зданий, хотя и предполагают проявление коллективизма, однако их среда не всегда воспринимается как благоприятная в психологическом и пространственном плане.

Нами также проводились исследования обусловленности ассоциативного описания респондентами типов среды их индивидуально-психологическими и социально-коммуникативными особенностями. В решении поставленной задачи условно можно выделить два этапа. В рамках первого этапа предпринимались действия по опровержению индивидуально-личностной детерминации восприятия типовых сред мегаполиса. При изучении особенностей взаимосвязи формально-динамических свойств, социально-поведенческих характеристик личности и ассоциативных рядов по выделенным архитектурным средам было обнаружено, что только в 0,04% случаев (при $p < 0,001$) и 0,47% случаев (при $p < 0,01$) были подтверждены данные взаимосвязи. Порядка 40% выявленных значимых взаимосвязей свидетельствуют об обусловленности ассоциаций эмоциональными характеристиками респондентов. Вероятно, присваивание личностного смысла отдельным видам сред в ограниченном числе случаев может детерминировать эмоциональные и содержательные характеристики ассоциаций с окружающей типовой средой. В подавляющем большинстве инициируемый определенной архитектурной средой ассоциативный ряд унифицирован и закономерен.

В то же время оценка комфортности среды для респондента четко детерминирована его индивидуальными особенностями (табл. 5).

Таблица 5.

Взаимосвязи оценки комфортности архитектурно-пространственной среды города и индивидуальных особенностей респондентов

Положительные корреляционные взаимосвязи	Тип среды (по степени комфортности от минимального до максимального)	Отрицательные корреляционные взаимосвязи
1	2	3
Покорный / застенчивый	Дома барачного типа (« <i>бараки</i> »)	Независимый / доминирующий Властный / лидирующий

Окончание табл. 5

1	2	3
Сотрудничающий / конвенциональный Эмоциональность моторная Эмоциональность коммуникативная Индекс общей эмоциональности	Дома сельского типа застройки («частные дома»)	—
—	Дома застройки сталинской эпохи («сталинки»)	—
Сотрудничающий / конвенциональный	Пятиэтажные здания массовой застройки периода правления Н. С. Хрущева («хрущевки»)	—
Сотрудничающий / конвенциональный	Типовые многоэтажки	—
Эргичность коммуникативная Индекс психомоторной активности Индекс общей активности Индекс общей адаптивности	Здания в стиле хай-тек	—
—	Дома исторической застройки XVIII–XIX вв.	Эмоциональность психомоторная
Эргичность психомоторная Эргичность коммуникативная Скорость психомоторная Индекс психомоторной активности Индекс общей активности Индекс общей адаптивности	Коттеджи и таунхаусы	Недоверчивый / скептический

В психодинамическом плане связи обнаружены исключительно по коммуникативной и психомоторной сферам. Интеллектуальная сфера как психофизиологическая основа не детерминирует особенности восприятия окружающей городской среды.

В целом можно утверждать, что психодинамическая сфера определяет стиль жизни индивида, а это, в свою очередь, служит основой для контекстного восприятия окружающей архитектурно-пространственной среды.

В социальном плане определяющее значение имеет сотрудничающий / конвенциональный стиль отношений (детерминирующий позитивное восприятие типовых многоэтажек, «частных домов» и «хрущевок»), отражающий и аффилятивные потребности индивида и потребность в присоединении.

Также был проведен анализ однородности психодинамических и социальных характеристик между выделенными по критериям оценки подгруппами респондентов сред. Его результаты подтвердили наличие достоверных различий в реакциях и поведенческих стереотипах в условиях определенных сред.

Таким образом, восприятие городской среды, безусловно, детерминируется индивидуальными особенностями человека. К ним можно причислить его потребности, экспектации, притязания, стремление к общению, характеристики эмоциональной сферы и особенности поведенческой активности. В то же время в общей динамике восприятия определяющего значения это не имеет, а приобретает таковое только в личностно значимых ситуациях.

Эксперимент 5. Изучение социально-психологических особенностей субъективной классификации архитектурных пространств

Восприятие города отдельным человеком – это во многом субъективный процесс. Несмотря на то, что параметры городской архитектуры, построения улиц, структуры городского каркаса и наполненности городской ткани достаточно четко определены и объективны, каждый из нас на сочетание тех или иных объективных факторов реагирует сугубо индивидуально. Городская среда – это не только данность материальных факторов, это и отношение человека к ним, наполненность объектов среды личными смыслами воспринимающего, формирующимися на основе воспоминаний, ассоциаций, настроений и переживаний. Воспринимая среду здесь и сейчас, человек переносит ее во все времена своего существования, определяя ее образ как временной континуум, длящийся от «вчера» через «сегодня» к «завтра». Характер восприятия зависит и от новизны, степени близости при знакомстве со средой, степени привычности среды для человека.

Большинство из нас при восприятии среды и формировании ее образа пользуются субъективно выработанной на основе знаний

и опыта типологией архитектурного пространства. В то же время на восприятие любой пространственной среды существенное влияние оказывает персональное пространство человека – окружающая зона, привычный мир. Именно привычное и является точкой отсчета, центром системы координат в оценках человека. Соответственно, можно предположить, что люди различных категорий – жители села или жители города, учащиеся или педагоги будут по-разному воспринимать и оценивать городскую среду, выделяя в ней свои специфичные элементы, параметры оценки для создания типологии городского пространства. Гипотеза нашего исследования состояла в предположении, что субъективная сторона восприятия и классификации архитектурного пространства зависит от места проживания респондентов (городское или сельское поселение) и их статуса.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено исследование среди 60 респондентов: преподавателей и студентов вуза (проживающих в большом городе), учителей и учащихся сельской школы (жителей деревни, расположенной более чем в 100 км от большого города). Респондентам были предложены 78 черно-белых фотографий зданий различных архитектурных стилей и функционального назначения, сделанных в разных городах России и Европы. В соответствии с инструкцией респондентам предлагалось разложить фотографии по стопкам по какому-либо признаку (разрешено было выделять не более 10 групп) и объяснить свой выбор.

После обработки данных были получены следующие результаты.

Учащимися – жителями сельской местности были выделены следующие кластеры зданий (с некоторыми их наиболее частными и яркими сопутствующими вербальными характеристиками):

- памятники архитектуры;
- обычные здания (дома «попроще», «без выкрутасов»);
- необычные постройки (фантастика, интересная структура);
- здания сельского типа (деревня, деревенский стиль, купеческая деревня, частный сектор);
- современные здания (современные новостройки);
- многоквартирные жилые дома («малосемейки», жилые квартиры);
- деревянные здания;
- торговые центры и офисные здания;
- музеи.

В качестве частных случаев также некоторыми респондентами выделялись следующие группы:

- исторические постройки (старина, «ранешнее», конный двор, строения времен Екатерины II);
- высотные здания (высотки, многоэтажки);
- церковные постройки (церкви);
- городские постройки (город, мегаполис);
- ветхие здания («древность», старые постройки, «пора сносить», старые дома).

Исходя из общего массива комментариев и индивидуальных названий групп фотографий были выделены основные параметры оценки, основания для классификации, которыми являются следующие дихотомии: исторический / современный; редкий / часто встречающийся; высокий / низкий; городской / деревенский; простой / фантастический; жилой / административный; красивый / уродливый; просторный / тесный.

Выделение типа пространства и отнесение его к определенному кластеру у данной группы респондентов происходит по таким признакам: 1) материал постройки (стекло, дерево, камень); 2) ассоциативная форма (лабиринт, маяк, шахматная доска, корона, корабль, башня); 3) функциональное назначение (церкви, квартиры, офисы, торговые центры, банки, учебные заведения, музеи, конторы, аэропорты); 4) классовая или групповая принадлежность (мафия, средний класс).

Учителя сельской школы выделили следующие кластеры городского архитектурного пространства (с некоторыми их наиболее частыми и яркими сопутствующими вербальными характеристиками):

- зарубежные постройки (европейские, иностранные);
- своеобразные здания;
- невысокие здания (приземленность строений);
- старые дома (кирпичные старые здания, здания «старого образца»);
- административные здания;
- архитектурные памятники (культура, величие архитектуры);
- старые здания (убогие, несовременные);
- «небоскребы» и офисные здания (офисы, фирмы);
- деревянные здания (деревянные дома, дачи, деревня);
- современное жилье и городские многоэтажные здания (многоэтажки, небоскребы, высотный сектор, современный жилой фонд).

Как частный случай также можно упомянуть кластер «необычные здания» (нетрадиционно, необычная планировка).

Основными параметрами оценки и основаниями для классификации у сельских учителей являются такие дихотомии: исторический / современный; оригинальный / стандартный; округлый / угловатый; жилой / административный; отечественный / зарубежный; сжатый / разрозненный; роскошный / убогий; разнообразный / одинаковый; городской / деревенский; периферийный / центральный; традиционный / нетрадиционный.

Студентами вуза – жителями большого города были выделены следующие кластеры архитектурных пространств:

- специфично-функциональные здания (торговые, административные, развлекательные, деловые центры, отели);
- зарубежные строения (европейские здания, иностранные постройки);
- исторические здания (здания с богатым декором, здания с колоннами, эркерами, оригинальные окна);
- офисные здания;
- современные жилые многоэтажные здания;
- эстетически привлекательные здания («понравились», «красивые строения»);
- жилые здания прошлого века (старые дома, дома 1980-х гг., дома 1950–60-х гг.);
- незстетичные здания («уродцы», «отпугнули», «не понравились»);
- современные стеклянные здания («стекольные домики», «много стекла»);
- обычные жилые здания (простые жилые дома, ничем не приметные, скучные, «обычные высотки», стандартные панельные дома).

Основными параметрами оценки и основаниями для классификации у студентов вуза как жителей большого города являются следующие дихотомии: стандартный / оригинальный, современный / исторический, низкий / высокий, малоэтажный / многоэтажный, административный / жилой, отпугивающий / привлекательный, бездушный / одушевленный, красивый / уродливый, округлый / угловатый, индивидуальный / массовый, скучный / веселый.

Выделение типа пространства и отнесение его к определенному кластеру у данной группы респондентов происходит по следующим признакам: 1) по стилю (античный, классицизм, модерн); 2) ассоциации с другими городами и странами (Петербург, Европа, иностранные, российские); 3) присутствию дополнительных элементов декора (с куполами, башенками, колоннами, замки, дворцы); 4) времени постройки (дореволюционные, 1950–60-е гг. XX в., 1980-е гг. XX в., современные); 5) по функциональному назначению (развлекательные, деловые, офисные, гостиничные).

Преподаватели вуза – жители большого города выделили следующие кластеры архитектурных пространств:

- бизнес-строения (деловые кварталы, крупные фирмы, современные офисы);
- здания частного сектора;
- торговые центры;
- высотные здания («муравейники», многоэтажки, небоскребы);
- ветхие здания (заброшенные, «избыток прошлого», «под снос», бараки, «дома, которых не существует на бумаге», «такие необходимо сносить»);
- здания из стекла и бетона;
- типовые здания («хрущевки»);
- публичные здания;
- культурное наследие (народные ценности, культура, деревянное зодчество);
- современные здания (современное жилье, современное градостроительство);
- памятники архитектуры («свидетели былой роскоши»);
- жилые дома (индивидуально жилье, обычные жилые дома).

Основными параметрами оценки и основаниями для классификации у преподавателей вуза являются следующие дихотомии: большой / маленький, высокий / низкий, помпезный / строгий, роскошный / убогий, новый / старый, стабильный / динамичный, жилой / деловой, обычный / оригинальный, индивидуальный / массовый, эклектичный / единообразный, исторический / современный, грустный / радостный, серый / яркий, эстетичный/неэстетичный, вызывающий гордость / позор современности, локально-деловой / многоцелевой.

Выделение типа пространства и отнесение его к определенному кластеру у данной группы респондентов происходит по признакам: 1) время постройки (середина XIX в., советские, старинные); 2) материал постройки (дерево, стекло, бетон); 3) специфические тенденции застройки (частный сектор, бараки, «сталинки», «хрущевки», особняки); 4) функциональное назначение (торговые, образовательные, промышленные, медицинские).

Жители сельской местности проводят выделения по следующим признакам: функциональное назначение (конторы, гостиницы, фабрики, заводы, магазины, дачи), форма архитектурных элементов (круглые окна, часы, зеркальность, крыши, колонны).

Жители города проводят выделения по следующим признакам: эпоха (середина прошлого века, советские, «совковые», памятники архитектуры), материал (дерево, стекло, бетон), тип строения (частный сектор, бараки, «сталинки», «хрущевки», особняки), указание на функции (торговые, образовательные, промышленные, медицинские);

Восприятие архитектурного пространства – сложный процесс. Каждый человек воспринимает это пространство по-своему: люди, проживающие в другой местности, в частности жители деревни, воспринимают городскую среду иначе, чем жители города.

Гипотеза о том, что восприятие архитектурного пространства зависит от места проживания респондентов, подтвердилась. Жители сельской местности выделяют меньше критериев для классификации архитектурного пространства, чем городские жители. Это можно объяснить тем, что для жителей сельской местности город – это непривычная, чуждая среда.

Эксперимент 6. Имиджевые характеристики территорий города. Определение благоприятных и неблагоприятных для проживания районов Екатеринбурга

Все чаще сегодня звучат слова «имидж России», «имидж региона», «имидж города». Именно от имиджа во многом зависят процесс привлечения инвестиций, туристов, реализация перспективных бизнес-проектов, положение в государстве и мире. Имидж требует всестороннего глубокого изучения, исследования его различных аспек-

тов, закрепленных в виде эмоционально окрашенных стереотипов в массовом сознании и в глазах различных референтных групп (населения, бизнесменов, представителей государственных институтов, средств массовой информации (СМИ), иностранных граждан и т. д.). Такого рода исследования имиджа городов и целых регионов осуществляются ведущими российскими исследовательскими центрами.

Если вести речь о городе, то его образ можно представить в виде совокупности следующих составляющих:

1. *Социальный имидж* – продвижение положительных преобразований в сфере повышения качества жизни на данной территории (насыщенность рынка услуг в области быта, образования, здравоохранения, транспорта и т. п.; организованность разнопланового досуга жителей территории).

2. *Культурный имидж* – формирование и представление насыщенной культурной жизни территории, подразумевающее удовлетворение широкого спектра духовных потребностей жителей.

3. *Визуальный имидж* – создание условий для восприятия эстетики и гармонии городского пространства посредством благоустройства территорий и учета неоднородности внутригородской среды.

4. *Информационный имидж* – расширение и совершенствование спектра используемых средств коммуникации в целях систематичного управления и координации информационного поля города с учетом психологических и функциональных особенностей его районов.

На эмпирическом уровне первоначально мы выявляли общие тенденции в восприятии горожанами отдельных районов Екатеринбурга, а также определяли, чем обусловлено данное восприятие. Исследование проводилось в 2004–2005 гг., а так как имидж – феномен динамический, то соответствие некоторых результатов современным показателям будет спорным.

Отношение человека к городскому пространству формируется за счет влияния разнообразных факторов окружающей среды, среди которых можно выделить следующие:

1. Уровень стресса (шум, загрязнение, перенаселенность).

2. Легкость при ориентировании и передвижении по городу, развитая сеть транспортных коммуникаций.

3. Наполненность среды объектами, необходимыми для комфортного проживания и удовлетворения потребностей людей (торговые точки, светофоры, пешеходные дорожки, урны и т. д.).

4. Культура и отдых (как город выполняет задачи в интеллектуальной, культурной, спортивной и образовательной сферах).

5. Эстетическая привлекательность (типы зданий, степень ухоженности, детали экстерьера).

6. Уровень опасности в криминальном отношении.

7. Характер обитателей и их социальный статус.

Немаловажным фактором, влияющим на отношение к тому или иному району, являются установки жителей города. Многие районы считаются неблагоприятными из-за того, что в сознании людей сложились определенные стереотипы.

Выявление наиболее опасных и неблагоприятных районов Екатеринбурга

Объектом исследования выступили коренные жители города Екатеринбурга (более 300 чел.).

Целью данного этапа работы являлось определение районов, признанных жителями наиболее неблагоприятными для проживания.

Жителям города предлагалось ответить на вопросы анкеты: «Какие районы Екатеринбурга Вы считаете наиболее опасными и неблагоприятными?» и «Существуют ли районы, в которых Вы не согласились бы жить? Назовите их». По данным нашего исследования, наиболее опасным и неблагоприятным районом Екатеринбурга является Орджоникидзевский район. В частности, жители города особо выделяют микрорайоны Уралмаш (17%) и Эльмаш (11%). Не согласился бы в них жить 21% опрошенных.

Среди гипотетических причин мы выделяем следующие:

- оба микрорайона имеют имидж криминогенных зон города, что подтверждается информацией СМИ;

- микрорайоны Уралмаш и Эльмаш расположены на северной окраине города;

- изначально эти микрорайоны образовались в результате строительства крупных промышленных предприятий (Турбомоторный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения), вследствие этого близлежащая территория является наиболее загрязненной в черте города;

- поскольку районы являются промышленными, то при их застройке особого внимания строительству культурных достопримечательностей не уделялось.

Вторую позицию среди наиболее неблагоприятных районов занял Железнодорожный район, в частности выделенные в данном районе микрорайоны Сортировка (18%), далее ул. Бебеля и рыночный комплекс «Таганский ряд» (2%). Не согласились бы жить в указанных районах 15% горожан, причем 13% опрошенных особо выделяют район так называемой старой Сортировки. Возможно, настороженность здесь вызывают следующие факторы:

- взрыв на станции «Свердловск-Сортировочный» (прилегающей к жилому району), произошедший в 80-х гг.;
- старые, неблагоустроенные дома;
- близость рынка «Таганский ряд» и, как следствие, большое количество «южан» со своеобразными традициями и манерой поведения;
- наличие благотворительной столовой, которая привлекает большое количество маргинальных лиц без определенного места жительства;
- отсутствие достопримечательностей и зон отдыха.

Район в целом могут выделять в связи с непосредственной близостью железной дороги, следствиями чего являются шум, большое количество приезжих, многолюдье.

Третий наиболее опасный и неблагоприятный район – Чкаловский. Жители особо выделяют микрорайоны Химмаш (8%), Вторчермет (3%), Ботанический (2%). Жить в них не согласились бы 42%. Возможно, полученные результаты обусловлены следующими причинами:

- большинство из отмеченных микрорайонов находятся на окраине города;
- не развита транспортная сеть, следствием чего являются трудности при передвижении в центр города, другие районы;
- данные микрорайоны расположены в непосредственной близости к промышленным зонам.

Четвертое место занимает Верх-Исетский район. Из его микрорайонов особо выделяют район Верх-Исетского района (ВИЗ) (5%) и так называемый Цыганский поселок (2%). Возможными причинами являются следующие:

- крупное промышленное предприятие – Верх-Исетский завод;
- наличие криминального микрорайона (Цыганский поселок), жители которого осуществляют торговлю наркотиками.

Кировский район как неблагоприятный выделяют 7% опрошенных. Особое внимание уделяется микрорайонам ЖБИ (4%), Пионерский поселок (3%) и Синие Камни (1%).

Предполагаемыми причинами негативных отзывов о данном районе являются:

- отсутствие четкого структурированного плана района: большое количество тупиков, трудности в ориентации на местности;
- наличие крупных промышленных предприятий и сети дорог, что способствует загрязнению городской среды и воздействию шумов на жителей района.

В результате проведенного опроса нами была выявлена общая тенденция: участники исследования опасными и неблагоприятными считают те районы, которые наиболее отдалены от их собственных (сложности с транспортом, малая осведомленность о районе).

Выявление наиболее благоприятных для проживания районов Екатеринбурга

При проведении опроса, описанного выше, дополнительно респондентам предлагалось ответить на вопрос: «В какой район города Вы бы переехали, если бы у Вас была возможность?». После обработки данных выяснилось, что большинство жителей (38%) хотели бы переехать в Ленинский район. Вероятно, это связано с тем, что данный район является досуговым, деловым и культурным центром. В нем находится множество театров (театр «Волхонка», Театр эстрады), музеев (Музей изобразительных искусств, Музей истории архитектуры и промышленной техники Урала, Дом-музей П. П. Бажова), кинотеатров («Колизей», «Салют»), развлекательных центров («Малахит», «Антей», «Эльдорадо»), учебных заведений (Уральская государственная горно-геологическая академия, Уральский государственный университет, Уральский государственный технический университет – УПИ), крупных торговых центров («Успенский», «Пассаж», ЦУМ), офисов.

В Ленинском районе имеется густая сеть транспортных коммуникаций. По территории района проходят крупные улицы города (проспект Ленина, ул. 8-е Марта, ул. Малышева, ул. Белинского, ул. Щорса, ул. Куйбышева).

Ленинский район является территорией, на которой располагаются излюбленные места отдыха горожан, такие как Исторический

сквер, цирк, дендрологический парк, природная зона «Зеленая роща», Литературный квартал.

Привлекательными являются архитектура, исторические памятники, большое количество парков, современные архитектурные сооружения.

Второе место среди районов, обладающих наибольшей привлекательностью в плане проживания, занимает Чкаловский район (24%). Выбор участников эксперимента обусловлен, с одной стороны, близостью к центру города отдельных его микрорайонов, наличием торговых и развлекательных центров, перспективами развития данного района, а с другой стороны, тем, что на его территории имеется множество парков, зеленых насаждений, лесопарков. Они служат местом отдыха горожан, способствуют восстановлению экологии окружающей среды. На данной территории располагаются Ботанический сад, Уктусский лесопарк, Нижне-Исетский пруд, дома отдыха, спортивные и оздоровительные комплексы. Близость водоемов и леса сделало данное место предпочитаемой зоной отдыха, особенно в летнее время года; в зимний период Уктусский лесопарк является местом проведения лыжных соревнований.

Высокие показатели предпочтений Верх-Исетского района (12%) вызваны в значительной мере близостью к центру города. Это обстоятельство имеет большое значение для горожан, для которых стремление переселиться в данный район вызвано желанием находиться ближе к месту работы, учебы. Здесь располагается ряд знаковых мест: Уральская государственная юридическая академия, медгородок.

Район имеет развитую транспортную систему, что облегчает передвижение жителей по району. В Верх-Исетском районе много парков, структурированный план улиц, удобное расположение домов. Многих привлекает возможность отдохнуть от транспорта, городского шума. Имеются бульвары, аллеи, зеленые насаждения. Все это создает комфортабельную, приятную для жизни атмосферу.

Также значительный процент участников исследования предпочитает проживание в Кировском районе, но примечательно, что данный район выделяют в основном его же жители.

Орджоникидзевский и Октябрьский районы занимают равные позиции (проживать в них хотели бы 7%). За ними следует Железнодорожный район (1%).

Рассматривая предпочтения жителей отдельных районов, можно отметить, что большинство людей, проживающих в Кировском, Верх-Исетском, Октябрьском и Ленинском районах, не хотели бы менять место жительства.

Также наблюдается тенденция, характеризующаяся стремлением горожан проживать ближе к центру города. Данная особенность обнаруживается у жителей Верх-Исетского и Чкаловского районов. Наиболее же выражено данное стремление у жителей Железнодорожного района (88%). Возможно, это связано с необустроенностью территории данного района, отсутствием мест отдыха, развлекательных центров и торговых центров, достопримечательностей.

Анализ имиджа Екатеринбурга

На основании проведенного исследования мы можем дать комплексную характеристику имиджа Екатеринбурга.

Социальный имидж. По комплексным результатам социологических опросов, публикаций в прессе, касающихся как Екатеринбурга в целом, так и отдельных его районов, можно заключить, что социальный имидж наиболее хорошо сформирован и выгодно представлен в глазах жителей города в центральных районах. Однако стоит заметить, что периферия города в некоторых аспектах социального имиджа не отстает от центральных районов и у нее есть потенциал для развития.

По мнению горожан, *сеть транспортных коммуникаций* наиболее развита в Ленинском районе. На втором и третьем местах находятся Орджоникидзевский и Железнодорожный районы соответственно. Возможно, большую роль здесь сыграли станции метро, которые соединяют северные районы города с центром. Именно они облегчают перемещение людей по городу и позволяют экономить время. Если учесть, что Орджоникидзевский район расположен на окраине, то становится очевидным, что развитая сеть транспортных коммуникаций способствует повышению социального имиджа данного района. Большое количество транспорта в Железнодорожном районе обосновано функционированием вокзалов и сортировочной станции, расположенных на его территории. По мнению жителей города, наименее развита сеть транспортных коммуникаций в Чкаловском районе. Он находится на окраине и добраться до него крайне сложно.

Сеть торговых точек, по мнению жителей города, наиболее развита в Ленинском, Орджоникидзевском и Кировском районах. Цен-

тральные районы традиционно отличаются наличием множества магазинов разной направленности, чем и обусловлены высокие оценки по данному параметру Ленинского и Кировского районов. Орджоникидзевский район оказался в тройке лидеров скорее всего потому, что предприниматели и администрация в последнее время активно развивают здесь разнонаправленную торговую сеть. Это является положительным моментом в формировании благоприятного имиджа как у жителей данного района, так и у жителей близлежащих микрорайонов. По мнению опрошенных, наименее развита сеть торговых точек в Чкаловском административном районе. Это является одним из факторов формирования негативного социального имиджа, влияющего на неудовлетворенность жителей своим районом и предвзятое отношение к нему других горожан.

Уровень опасности в криминальном отношении оценивается как наиболее высокий в районах, которые находятся на периферии города (Чкаловский, Железнодорожный, Орджоникидзевский, Верх-Исетский районы). Это можно объяснить низким уровнем культуры в данных районах (специфика промышленных и индустриальных районов), открытостью информации о негативных и криминальных происшествиях, распространяемой средствами массовой информации, реальной криминализацией обстановки, спецификой этнокультурного состава населения районов.

Наименее опасными считаются центральные районы: Ленинский, Октябрьский, Кировский. Это связано с тем, что в них сосредоточены патрульные службы, ГИБДД, а также с тем, что их территория хорошо освещена в темное время суток и на их улицах многолюдно как днем, так и вечером.

Шум. Самыми шумными признаны Ленинский, Железнодорожный и Октябрьский районы. Это вполне оправданно, так как Ленинский район вмещает в себя большинство бизнес-центров, торговых точек, развлекательных комплексов и учебных заведений; здесь очень хорошо развита сфера услуг, сеть ресторанов и предприятий быстрого питания. Вследствие этого на территории района сосредотачиваются большие массы людей, не проживающих в данном районе, в результате чего повышается уровень шума (большое количество автомашин, многолюдье, общественный транспорт, музыка, звуковые рекламные объявления). В Октябрьском районе находятся несколько крупных автомагистралей и дорожных развязок, железнодорожные пути, что и обуславливает высокий уровень шума.

Наиболее тихими районами считаются Чкаловский и Верх-Исетский. Они выполняют роль «спальных районов», основная часть их территории находится на периферии города.

Загрязненность воздуха. По мнению респондентов, наиболее загрязнен воздух в Железнодорожном, Орджоникидзевском и Ленинском районах. Это объясняется тем, что в Орджоникидзевском районе сосредоточено нескольких крупных заводов и промышленных зон, в том числе Уралмашзавода, и, несмотря на применение новых технологий очистки промышленных выбросов, сохраняется мнение о загрязненности воздуха на прилегающей территории. Железнодорожный и Ленинский районы отличаются большим количеством автотранспорта и, как следствие, высоким уровнем загазованности.

Наиболее чистыми считаются Верх-Исетский и Кировский районы. Возможно, такое мнение сформировалось благодаря наличию зеленых насаждений, лесопарков в данных районах.

Перенаселенность. Наиболее заселенными участками города считаются Ленинский, Чкаловский, Железнодорожный районы. Вероятно, ощущение того, что Ленинский район тесно заселен, складывается из-за большого количества людей на его улицах. Железнодорожный район действительно перенаселен мигрантами и временно проживающими лицами; кроме того, ощущение перенаселенности складывается также из представления о многолюдье железнодорожного вокзала. Наименьшая плотность заселения субъективно ощущается в Орджоникидзевском и Верх-Исетском районах.

Культурный имидж. По мнению горожан, индустрия культурных, спортивных и развлекательных мероприятий лучше всего развита в Ленинском и Кировском районах. Таким образом, распространено мнение, что культурный отдых доступен лишь в центральном и близлежащих районах. На этот факт необходимо обратить внимание и при помощи средств массовой информации проводить рекламные акции, направленные на поддержание районных культурных центров.

Визуальный имидж. К визуальному имиджу мы отнесли все то, что способно украсить район. По мнению жителей города, в наибольшей степени оснащены скверами, скамейками и урнами Ленинский, Верх-Исетский, Кировский и Октябрьский районы, т. е. районы, находящиеся в центре и близлежащие к ним; они не только наиболее привлекательны внешне, но и удобны для проживания за счет удовле-

творения потребности граждан в чистоте и комфорте. Эти районы также наиболее эстетически привлекательны в глазах жителей города.

Информационный имидж. Наличие ориентиров, запоминающаяся среда, необходимое количество светофоров и указателей, по мнению горожан, представлены в Ленинском и Октябрьском районах. Это связано с тем, что люди, приезжающие из других городов, в первую очередь осматривают достопримечательности, гуляют, развлекаются именно в этих районах. Но также актуально развитие информационной среды и в других районах города, например в Чкаловском, Железнодорожном, Кировском. Указанные районы очень похожи друг на друга из-за типичных зданий, безликих дворов, которые абсолютно не запоминаются и в которых очень легко запутаться. Безликость городской среды, скудость ее информационного оснащения является наиболеешей проблемой, которая должна решаться с помощью определенных приемов и стратегий, направленных на повышение имиджа района.

Эксперимент 7. Пространственная организация города

Адаптация человека в условиях радиального района города

Существует несколько типов строения городов, каждый из которых порождает свои специфические особенности адаптации людей, существующих в них.

Одним из типов строения города является радиально-лучевая организация пространства. Подобное строение часто имеют старинные города (Москва, Новгород, Прага и др.), но оно может встречаться и в современных мегаполисах, хотя уже не так выражено в последних.

Ориентация представляет собой важный аспект восприятия окружающего пространства. Изменение ориентации приводит к изменению восприятия окружающих форм.

Для большинства людей стандартной, а значит привычной ориентацией окружающего пространства является параллельно-перпендикулярное построение путей. Это связано с распространенными планировками квартир (где отсутствуют плавно изогнутые, овальные или круглые комнаты, извивающиеся под разными углами коридоры),

распространенным строением районов городов, пространственными очертаниями большинства зданий.

В проблеме ориентации суть дела сводится к обозначению основных направлений в строении окружающего пространства. Обычно мы предписываем эти направления бессознательно, на основе прошлого опыта, но мы можем предписывать эти направления и иным способом, если проинструктированы, как это делать.

Как показывают результаты эксперимента С. Милграма (исследования когнитивного образа Нью-Йорка и Парижа), особенности человеческого восприятия и воспроизводства информации приводят к тому, что кольцевые или радиально ориентированные объекты преобразуются в прямые или параллельно-перпендикулярные (так, например, изгиб русла реки Сены, достаточно отчетливый на географических картах, значительно уменьшается или превращается в прямую на когнитивных картах жителей города) [85].

Целью нашего констатирующего эксперимента являлось изучение взаимосвязи особенностей восприятия радиально-лучевого строения города и уровня адаптированности жителей города и людей, недавно приехавших в него. Исследование проводилось в два этапа. Первоначально изучалась ориентация респондентов в условиях радиально-лучевого строения района города и уровень их адаптации (респонденты, приехавшие в город, проживали в нем на момент исследования не более одного месяца). Второй срез проводился по прошествии полугода, когда изучались изменения в социально-психологической адаптации респондентов к условиям специфического городского пространства.

Исследование проводилось в одном из районов Екатеринбурга (Уралмаш), который характеризуется радиально-лучевой застройкой пространства (рис. 23).

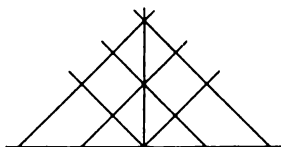

Рис. 23. Схема радиально-лучевого строения городской среды

Радиально-лучевое строение предполагает, что улицы-лучи выходят из одного центра (например, площади), а пересекающие их улицы представляют собой параллельно-перпендикулярную сетку. Такое

строение встречается в современных мегаполисах, но является не явно выраженным, так как чаще всего оно характерно не для всего города, а только для какого-либо его отдельного района. Подобное строение, например, имеет часть Костромы.

После обработки данных методами математической статистики (корреляционный и сравнительный анализ) были получены следующие данные.

Люди, проживающие в Екатеринбурге, проявляют большее самопринятие, нежели недавно приехавшие, но при этом им свойственна большая дезадаптивность т. е. принимая себя, будучи заинтересованными собой, они меньше внимания уделяют окружающему миру, а соответственно, хуже в нем адаптируются (рис. 24). В этом проявляется феномен автономности и внутренней отгороженности горожан, который описал еще С. Милграм.

Рис. 24. Корреляционная плеяда:

- — — — — высокозначимая положительная корреляционная взаимосвязь ($p < 0,01$);
- - - - - среднезначимая положительная взаимосвязь ($p < 0,05$);
- среднезначимая отрицательная взаимосвязь ($p < 0,05$)

Было выявлено, что чем дольше человек живет в городе, тем меньше он принимает других и меньше проявляет толерантность. Это перекликается с предыдущим выводом и может быть объяснено тем, что жители большого города склонны к индивидуализму и конкурентному стилю взаимодействия.

Чем больше объектов при описании районов выделяет человек, тем в большей степени он адаптивен. Люди с высоким уровнем адаптивности называют значительно более широкий спектр объектов (улиц, зданий, памятников и других знаковых мест), нежели люди с низкой адаптивностью. При этом радиально-лучевое строение района осознается и проецируется на когнитивную карту в основном теми людьми, которые называют максимальное число объектов.

Интересна взаимосвязь радиальности с показателями самопринятия. Как правило, четко представляют себе радиально-лучевое строение района респонденты, которые не принимают себя. Этот факт можно объяснить тем, что люди не принимающие, не понимающие себя склонны больше внимания уделять окружающей среде, они в большей степени подвержены влиянию этой среды.

При сравнении групп давно проживающих в Екатеринбурге и недавно приехавших (или не проживающих) были выявлены следующие статистические различия: люди, давно проживающие в Екатеринбурге, демонстрируют большую дезадаптивность и большее неприятие себя по сравнению с недавно приехавшими. Это в целом отражается на уровне самопринятия, который значительно ниже, чем у респондентов, которые не являются жителями Екатеринбурга.

По результатам повторного исследования и после статистической обработки данных и оценки произошедших сдвигов критерием Вилкоксона мы обнаружили следующие изменения в уровне адаптированности респондентов по всей выборке:

- Во-первых, увеличилось неприятие себя ($p \leq 0,027$). Это, вероятно, может быть объяснено усугублением кризиса адаптации участников исследования, недавно приехавших в город, что повлияло на результаты выборки в целом. Повышение общей тревожности, нервозности приводит к неуверенности в себе и гипертрофированности в оценке своих недостатков. Также изменившиеся требования со стороны социального окружения, необходимость проявления большей

ответственности приводят к постепенному расхождению между Я-реальным и идеальным образом себя, что опять же стимулирует внутриличностный конфликт и проблемы в социально-психологической адаптации.

- Во-вторых, усилилось непринятие других ($p \leq 0,008$). Это может быть связано с углублением познавательных конфликтов в сфере социального взаимодействия, а также с обострением внутригрупповых отношений (свой – чужой). Поскольку каждый человек пытается найти свое место в городе среди его жителей и в системе их отношений, иногда отвоевывая его, это вызывает напряженность во взаимодействии и оценке других людей.

- В-третьих, снизился уровень общей социально-психологической адаптации респондентов ($p \leq 0,000$). Это может быть объяснено совокупностью всех вышеперечисленных причин.

При исследовании сдвигов дифференцированно по подгруппам (живущих на Уралмаше и недавно приехавших) были обнаружены следующие результаты:

- Во-первых, в группе коренных жителей Уралмаша не было обнаружено статистически значимых сдвигов в показателях социально-психологической адаптации. Таким образом, изменений в уровне адаптированности жителей Уралмаша не произошло. Можно утверждать что стабильность, узнаваемость и «знакомость» окружающей среды придают личности устойчивость в мироощущении и оценке собственного места в окружающем мире.

- Во-вторых, в группе недавно переехавших в город респондентов усилилось непринятие других ($p \leq 0,002$). Это является следствием противопоставления приезжими себя коренным жителям города, «городским», тоской по дому. Также это может быть обусловлено непринятием новой среды города и радиально-лучевого района в частности, его непонятностью, сложностью для запоминания и ориентации.

Оценка знания маршрутов радиального района города

Для определения особенностей восприятия и ориентации в условиях радиально-лучевого строения города был проведен констатирующий эксперимент по изучению когнитивных карт-путей (маршрутов) по району Уралмаш Екатеринбурга.

Были разработаны и исследованы три маршрута (рис. 25).

1. Площадь 1-й Пятилетки – «Белая башня» (архитектурный объект постройки 1920-х гг.).

2. Станция метро «Уралмаш» – рыночный комплекс «Уралмашевский».

3. Рыночный комплекс «Уралмашевский» – рыночный комплекс «Омега».

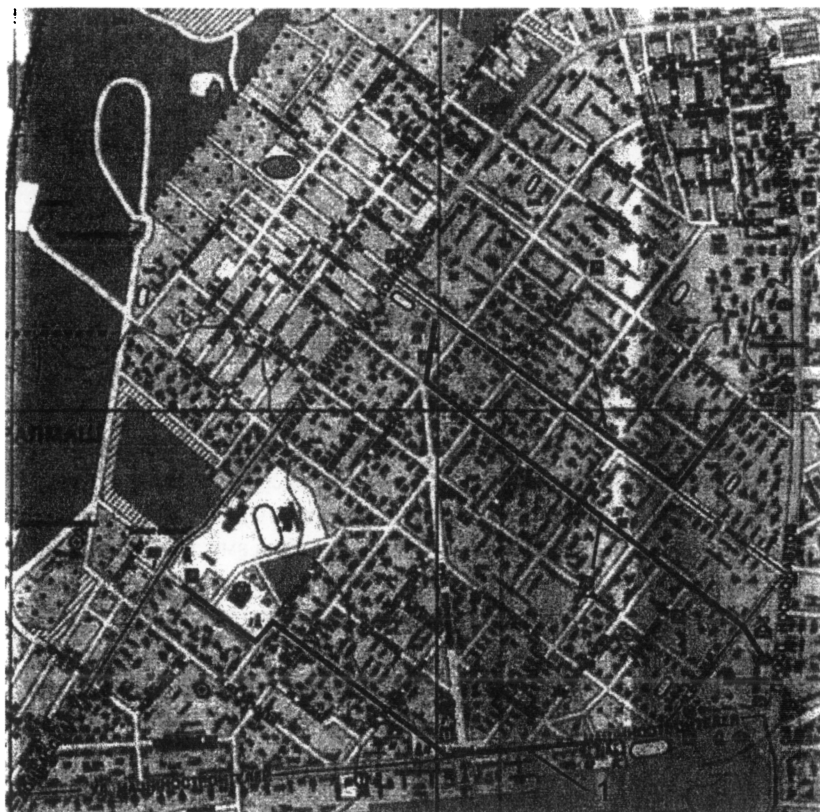

Рис. 25. Карта района «Уралмаш» с отмеченными маршрутами:

1 – площадь 1-й Пятилетки – «Белая башня»; 2 – станция метро «Уралмаш» – рыночный комплекс «Уралмашевский»; 3 – рыночный комплекс «Уралмашевский» – рыночный комплекс «Омега»

Первый маршрут выстроен таким образом, чтобы респондент мог сделать выбор траектории движения как по радиальным улицам,

так и в условиях сетевой параллельно-перпендикулярной структуры. Траектория данного маршрута является показателем того, насколько хорошо человек осознает свое местонахождение и ориентируется в условиях радиально-лучевого строения города (района).

Второй маршрут фактически предполагает движение по прямой в условиях параллельно-перпендикулярной сетевой части застройки района, но является показателем номинального знания района (если человек хорошо знает район, то он выберет движение по малоизвестным улицам, если плохо – маршрут будет выстроен по главным улицам с увеличением траектории).

Третий маршрут предполагает ориентацию в параллельно-перпендикулярном районе застройки, но с движением не по прямой (с изменением направления).

Второй и третий маршруты являлись контрольными для проверки знания местности, так как предполагали движение в условиях параллельно-перпендикулярной сетевой застройки.

Первый маршрут: площадь 1-й Пятилетки – «Белая башня»

Площадь 1-й Пятилетки – центральная площадь района, являющаяся значимым транспортным узлом, знаковым местом и ориентиром в среде района. Центральной площади района, города принадлежит особая роль. Архитектор А. В. Степанов оценивает ее как пространство конфликта, потому что она создает поле притяжения (там расположены культурные, торговые, политические, административные центры), занимает ключевое положение в планировке города и обладает большой вместительностью.

«Белая башня» – водонапорная башня, построенная в 20-х гг. прошлого века. Образец конструктивизма, достаточно хорошо узнаваемый, значимый объект для жителей Уралмаша. Мимо нее проходит несколько маршрутов городского транспорта.

Из проживающих на Уралмаше более трех лет описали данный маршрут 72% респондентов (табл. 6).

Таблица 6

Знание маршрутов радиального района, %

Группа респондентов	Маршрут 1	Маршрут 2	Маршрут 3
Лица, проживающие в данном районе более трех лет	72	100	83
Лица, не проживающие в данном районе или проживающие в нем менее трех лет	68	82	46

Из не проживающих на Уралмаше или проживающих менее трех лет описали маршрут 68% респондентов.

Второй маршрут: станция метро «Уралмаш» – рыночный комплекс «Уралмашевский»

Станция метро «Уралмаш» – это значимая транспортная развязка в исследуемом районе, местоположение которой легко идентифицируемо респондентами.

Рыночный комплекс «Уралмашевский» является значимым городским центром оптово-розничной торговли и известен большинству респондентов как проживающих, так и не проживающих в исследуемом районе.

Из проживающих на Уралмаше более трех лет описали маршрут все респонденты.

Из не проживающих на Уралмаше или проживающих менее трех лет описали маршрут 82% респондентов.

Третий маршрут: рыночный комплекс «Уралмашевский» – рыночный комплекс «Омега»

Торговый комплекс «Омега» находится на оживленном пути – на проспекте Космонавтов, является заметным объектом среды, выделяясь спецификой архитектуры из окружающей застройки.

Из проживающих на Уралмаше более трех лет описали маршрут 83% респондентов.

Из не проживающих на Уралмаше или проживающих менее трех лет описали маршрут 46% респондентов.

При измерении статистических различий в подгруппах респондентов в отношении фактического знания маршрутов было обнаружено, что контрольные маршруты респондентами, проживающими в районе более трех лет, прорабатываются чаще, чем во второй группе респондентов (при $p < 0,01$). По радиальному маршруту значимых различий в подгруппах респондентов обнаружено не было. Таким образом, подтвердилось различие в знании местности между респондентами с разным временем проживания в данном районе.

Далее для оценки степени понимания радиальности района были вычислены стандартные протяженности маршрутов, описанных разными подгруппами респондентов, и произведено их соотнесение с оптимальной (идеальной) траекторией маршрута.

Оптимальным для первого маршрута по карте (с учетом специфики района) является путь длиной 2540 м. Стандартный маршрут, который выбирали респонденты, составляет 4620 м (табл. 7).

Таблица 7

Оптимальная и стандартная длина маршрутов, м

Длина маршрута	Маршрут 1	Маршрут 2	Маршрут 3
Оптимальная	2540	2880	2600
Стандартная (мода)	4620	4260	2600

Для второго маршрута оптимальной длиной траектории по карте является 2880 м. Респонденты выбирали путь длиной 4260 м.

Для третьего маршрута оптимальной длиной траектории по карте является 2600 м. Здесь чаще всего респонденты выбирали оптимальный путь.

Среднее отклонение стандартной траектории от оптимального маршрута среди разных групп респондентов представлено в табл. 8.

Таблица 8

Средняя длина маршрутов и отклонение ее от оптимальной

Группа респондентов	Средняя длина маршрута, м			Отклонение стандартной траектории от оптимальной длины маршрута		
	1-го	2-го	3-го	1-го	2-го	3-го
Лица, проживающие в данном районе более трех лет	3480	3640	2920	940 м (37%)	760 м (26%)	320 м (12%)
Лица, не проживающие в данном районе или проживающие в нем менее трех лет	5020	3820	3460	2480 м (98%)	940 м (33%)	860 м (33%)

При сравнении длины маршрутов в обеих группах респондентов было обнаружено, что значимое отличие наблюдается в длине первого маршрута ($U = 40,5$, $p < 0,01$). В длине второго и третьего маршрутов значимых отличий по группам не обнаружено. Дополнительная проверка различий в отклонениях стандартной длины маршрута от

оптимальной по подгруппам также подтвердила наличие значимых различий (у жителей Уралмаша данное отклонение существенно меньше: $\varphi = 10,9, p < 0,01$).

Таким образом, можно подтвердить, что осознание радиальной структуры района в значительной степени влияет на успешность ориентации в нем. При этом радиальность пространства не только требует фактического запоминания пространства, но и предполагает иную логику построения путей, в основе которой лежат понимание нестандартности ситуации и расширенный когнитивный опыт человека.

Эксперимент 8. Изучение корпоративности жителей города

На основе данных предыдущего исследования можно предположить, что вид застройки района, его пространственная среда могут оказывать влияние на поведенческие характеристики человека, проживающего в нем. Также мы предположили, что данный фактор может косвенно определять взаимоотношения жителей этого района, в частности уровень их корпоративности.

Корпоративность – одна из высших форм организации групповых взаимоотношений, это система воззрений, постулирующая интересы группы.

Современная корпоративность, по мнению Н. М. Рязанова, – это совокупность рациональных принципов взаимодействия людей, характеризующих их организацию со стороны эффективности их взаимодействия и комплементарности, приводящих их (людей) к чувству комфорта, защищенности и расширяющихся возможностей.

Условием появления корпоративности может выступать некоторая общая для участников ценность: собственность, чувство сострадания, эстетические предметы и т. д. Собственность занимает особое положение в сформировавшейся корпоративности.

Каждый носитель корпоративности имеет свой индикатор комфорта. В общем плане им является убежденность в наличии расширяющихся возможностей в осуществлении собственных действий.

Таким образом, одним из индикаторов корпоративности является ценностно-ориентационное единство членов группы.

Для исследования корпоративности было определено пять районов Екатеринбурга, имеющих характерный вид пространственной

застройки, располагающихся на периферии города и имеющих четко обозначенные пространственные границы с другими районами. На улицах этих районов было проведено анкетирование их жителей. Целью анкетирования являлась диагностика уровня внутрирайонного ценностно-ориентационного единства. При анкетировании респондентам задавались следующие вопросы:

- Считаете ли Вы, что жители вашего района обладают какими-либо общими качествами, отличающими их от жителей других районов нашего города?

- Какие качества из предложенного списка (см. с. 132) характерны для жителей Вашего района?

После обработки данных был вычислен коэффициент корпоративности каждого района (по аналогу методики «Что важнее») в зависимости от степени совпадений мнений респондентов относительно предполагаемых качеств жителей этого района.

Таблица 9

**Коэффициенты ценностно-ориентационного единства
жителей микрорайонов Екатеринбурга**

Название микрорайона	Тип структуры микрорайона	Ценностно-ориентационное единство всех респондентов	Респонденты, признавшие наличие качеств, объединяющих жителей микрорайона, %	Ценностно-ориентационное единство данной категории респондентов
Автовокзал	Сетевая	0,107	48	0,127
Сортировка	Линейная	0,259	13	0,100
Синие Камни	Радиальная	0,166	55	0,192
ЖБИ	«Соты»	0,168	38	0,237
Уралмаш	Радиально-лучевая	0,194	60	0,245

Таким образом, наиболее высокий уровень корпоративности жителей районов наблюдается в тех городских элементах, где про-

странственная структура приближается к радиальной. Возможно, что сплачивающим фактором является сложность ориентировки в районе. В то же время не случайно, что города, развивающиеся в течение столетий, имеют, как правило, радиальное строение. Радиальное строение города является воплощением потребностей в безопасности и принадлежности его жителей.

Некоторый побочный эффект на уровень корпоративности в нашем исследовании мог оказывать преимущественный тип среды района. Если в районах «Автовокзал», «Сортировка», «Синие Камни» и ЖБИ преимущественно представлена среда панельных девятишестнадцатизэтажек, то район Уралмаша застроен малоэтажными зданиями в стиле «сталинского ампира» и «хрущевками».

Далее нами было организовано исследование по изучению корпоративности малых городов (районные центры Свердловской области) и сопоставление данных с корпоративностью Екатеринбурга.

Сравнительное исследование корпоративности городов проводилось нами в Екатеринбурге и Свердловской области. Поскольку городской социум – образование динамичное, существенное значение приобретает фактор миграции, оказывающий влияние на психологическую составляющую поведенческой активности жителей. Соответственно, изучение со-бытия личности и города невозможно без дифференциации горожан на подгруппы, обусловленные временем проживания человека в определенном территориальном социуме.

Респонденты были разделены на две подгруппы: 1) проживающие в данном городе 10 и более лет (приезжие); 2) проживающие в городе без длительных выездов с рождения (коренные). Выборки были репрезентативны по гендерному признаку, возраст участников исследования – 18–55 лет. В общем выборка включала 1002 человека: в Екатеринбурге 502 человека, что составило 0,03% от общего населения данного города, и по 100 человек в пяти районных центрах Свердловской области (в среднем выборки составили 0,2% от населения городов).

Поскольку методика позволяет измерить дифференцированно согласованность ценностно-ориентационных представлений респондентов, анализ корпоративности проводился на трех уровнях:

1) констатирующем – подразумевающим однозначный ответ признания или отрицания наличия у жителей города особой внутренней культуры, традиций, норм, отличающих их от жителей других городов;

2) транслируемом – включающем косвенную оценку себя и городского сообщества как носителей социально значимых для взаимодействия внутри города качеств;

3) ассоциативном – основанном на персональном малоосознаваемом выборе цветового образа, характеризующего социальное взаимодействие в условиях данного города.

Мегаполис

Коэффициент корпоративности всех опрошенных респондентов Екатеринбурга, определенный посредством модификации методики диагностики ценностно-ориентационного единства, составил 0,18, что соответствует уровню диффузной малой группы. Но для большой группы, каковой является двухмиллионный мегаполис, данный результат позволяет говорить о достаточно четко определенной согласованности выборов респондентов и относительном единстве их представлений о социуме города.

При разделении общей выборки на подгруппы коренных жителей и приезжих были обнаружены следующие закономерности.

На констатирующем уровне:

1. Были обнаружены статистически достоверные различия между представлениями о наличии особой «ментальной» культуры в выборках коренных и приезжих ($\varphi = 1,988, p < 0,05$). У коренных гораздо чаще (в 69% случаев) открыто признается присутствие объединяющей горожан культуры, чем в выборке приезжих.

На транслирующем уровне:

2. В Екатеринбурге коэффициент корпоративности коренных жителей значительно ниже подобного в выборке приезжих (0,14 и 0,43 соответственно). Причины этого, на наш взгляд, следующие:

- во-первых, в выборке коренных жителей в условиях двухмиллионного мегаполиса ослаблены прямые родственные связи или они для респондентов становятся малоактуальными при решении проблем адаптации и идентификации. Для приезжих характерно объединяться в неформальные группы по национальному, территориальному, конфессиональному и другим признакам с целью найти людей, имеющих сходные проблемы в адаптации и идентификации, для обретения поддержки и понимания. Поэтому приезжие, оценивая общую корпоративность города, часто проецируют на весь городской социум свои оценки более замкнутой и ограниченной социальной общности, в которую они входят;

- во-вторых, для коренных жителей свойствен более обыденный взгляд на город как на данность, константу, само собой разумеющуюся, которую не нужно завоевывать или добиваться, прилагая усилия, чтобы быть принятым. Приезжие более идеализированно воспринимают город в контексте тех возможностей, которыми они стали обладать, войдя в число его жителей. Поэтому город они оценивают в своей совокупности относительно равнозначно;

- в-третьих, у коренных жителей такие базовые потребности, как безопасность и принадлежность, в большинстве случаев являются максимально удовлетворенными априори; на первый план выступает задача самореализации с сопутствующим подчеркиванием своей уникальности относительно окружающего сообщества. У приезжих актуальными и недостаточно удовлетворенными остаются именно потребности в идентичности и безопасности в новой для них среде города и его социума. Поэтому они стремятся максимально подчеркнуть единство с городским сообществом и свою лояльность по отношению к нему.

3. Наблюдается значительное отличие по наиболее встречающимся в идеальном образе города качествам, выбранным коренными и приезжими горожанами. Из пяти случаев совпадение наблюдается в одном – на первые места по частоте упоминания выходит качество «активность». В то же время существует статистически значимое различие в предпочтении его для разных групп нашей выборки ($\varphi = 3,637$, $p < 0,01$). Так, 46% приезжих наделяют данной характеристикой идеальный городской социум, причиной чего может выступать механизм проекции наличного внутреннего состояния личности или требований к ней ситуации городской жизни. Для этой группы активность является необходимостью и одним из условий «выживания» в мегаполисе. Для трети коренных (29%) упоминание активности в образе идеального города является только констатацией факта того темпа жизни, который имеется на данный момент и воспринимается ими как неотъемлемый для мегаполиса.

4. Существует специфика в перечне качеств в отношении эмоциональной доминанты с точки зрения коренных и приезжих. У первых три из пяти характеристик идеального города носят очевидный негативный характер (агрессивность, грубость, лень). В качестве единст-

венного негативного качества приезжими упомянуто высокомерие, но его они называют в качестве элемента «кастовости» горожан, в число которых они стремятся попасть. Таким образом, для приезжих боязнь оценки является более стимулирующим фактором, что дает повышенную социальную желательность на данном уровне ответов.

На ассоциативном уровне:

5. У преобладающего числа жителей (и коренных, и приезжих) из восьми возможных цветов при ассоциации с городом Екатеринбург основная доля выборов приходится на четыре: серый, зеленый, желтый и синий. В то же время доля, приходящаяся на остальные цвета, значительно различается в данных группах ($\phi = 3,853$, $p < 0,01$) – коренные демонстрируют более высокую согласованность представлений о городе, ассоциируя его в основном в рамках четырех указанных цветов (совокупная доля этих цветов 93%), в отличие от приезжих, для которых характерна большая вариативность эмоционального восприятия города (четыре основных цвета выбрали 80%). Возможно, что это является следствием длительности воздействия городской среды (пространственной, культурной, социальной, информационной и т. д.) на респондентов разных групп.

6. Приоритетным цветом для ассоциации с городским сообществом для приезжих выступает серый (31% выборов в группе). У коренных предпочтение отдается зеленому цвету (37% выборов). При этом по частоте выбора зеленого цвета в группах коренных и приезжих существует значимое различие ($\phi = 3,895$, $p < 0,01$), так приезжие выбирают этот цвет гораздо реже (только в 20% случаев). Частый выбор зеленого цвета отражает доминирующую потребность коренных жителей в отстаивании собственной позиции, в оборонительности и агрессивности защитного характера, что особо актуально становится для респондентов данной группы при учете фактора высокой иммиграции в мегаполис приезжих.

Малые города

Для исследования корпоративности жителей малых городов нами были отобраны 5 из 46 территориальных образований Свердловской области: Артемовский, Качканар, Красноуфимск, Полевской, Туринск. Целесообразность выбора именно этих городов была продиктована условием гомогенности выборки по таким характеристи-

кам, как культурно-исторические, географо-топографические и социальные особенности. Географо-демографическая характеристика городов представлена в табл. 10.

Таблица 10

**Географо-демографическая характеристика
исследуемых малых городов**

Город	Возраст города, лет	Численность населения, тыс. чел.	Отдаленность от Екатеринбурга, км	Протяженность, км		Общая площадь, км ²
				С севера на юг	С запада на восток	
Артемовский	343	73	115	14	6	84
Качканар	51	44	205	8	6	48
Красноуфимск	272	44	224	13	7	91
Полевской	290	73	40	21	5	105
Туринск	408	33	280	18	7	126

Коэффициент корпоративности всех опрошенных респондентов в малых городах, определенный посредством модификации методики диагностики ценностно-ориентационного единства, составляет от 0,34 до 0,43 и значительно отличается в большую сторону от значения подобного коэффициента, выявленного на выборке мегаполиса ($t = 13,70$ при $p < 0,001$). Таким образом, жители малых городов демонстрируют больший уровень согласованности экспектаций в отношении городского сообщества, что объясняется множеством факторов: меньшей численностью населения, замкнутостью территории, концентрированностью взаимодействия, наличием актуализированных родственных связей, пониженным уровнем анонимности и высокой персонифицированностью межличностных контактов и др.

Далее был проведен анализ различий в проявлении корпоративности жителей мегаполиса и малых городов в соответствии с выделенными уровнями анализа.

На констатирующем уровне:

1. Были обнаружены значимые отличия в частоте признания наличия особой, характерной для данного территориального образования культуры между жителями мегаполиса и жителями малых городов ($\phi = 5,2$, $p < 0,01$). Так, жители малых городов чаще признают

очевидность присутствия общей «ментальной» культуры, которая объединяет всех жителей их города. При этом стоит заметить, что в малых городах не наблюдается различий в частоте признания этого факта между коренными жителями и приезжими (его признают 78 и 74% соответственно).

На транслирующем уровне:

2. При анализе коэффициентов корпоративности коренных и приезжих жителей малых городов очевидных различий не выявлено. Также невозможно выделить и определенную тенденцию в направлении преобладания данного коэффициента в этих двух категориях выборки. В то же время были обнаружены тенденции взаимосвязи коэффициентов корпоративности малых городов с их географо-демографическими характеристиками. Наблюдаются:

- прямая связь между возрастом города и общим коэффициентом корпоративности жителей города – чем старше город, чем «почтеннее» его возраст, тем больше развито чувство единства и корпоративности. С увеличением возраста города у его жителей развивается чувство гордости, желание поддерживать традиции, увеличивается «теснота» родственных связей. При многообразии и богатстве традиций, что характерно для городов с длительным существованием, приезжие быстрее ориентируются в культурном пространстве, что в целом способствует их более прогрессивной идентификации с населением города;

- обратная связь между численностью населения города и коэффициентом корпоративности приезжих жителей – чем больше численность населения города, тем в большей степени затруднена адаптация приезжих, так как у них возникает меньше возможностей обратиться на себя внимание коренных жителей, реализовать себя или удовлетворить свои потребности. Отсюда рождается чувство неудовлетворенности городом, ощущение его чуждости. Приезжие не образуют своих диаспор, а оказываются рассеянными по городу, не чувствуя поддержки со стороны других.

3. При анализе описаний идеального образа города выявлено, что из всего возможного набора предлагаемых качеств коренными жителями малых городов используется 25%, а приезжими – 22% набора. При этом перечень качеств, выбираемых коренными жителями, мало отличается от такового у приезжих. Так, во всех городах коренные и приезжие жители упоминают доброту (64 и 65% соответственно)

и трудолюбие (53 и 49% соответственно) как приоритетно ожидаемое от каждого жителя качество. Различие существует по вторым по необходимости с точки зрения различных групп респондентов качествам: коренные жители в 4 из 5 исследуемых малых городов упомянули оптимизм, а приехавшие в большой город в 4 из 5 случаев – активность.

4. В отличие от мегаполиса, в малых городах не существует различий в эмоциональной доминанте выбираемых для идеального образа города качествах – и коренные и приезжие жители выбирают позитивно окрашенные и социально желательные качества (доброта, трудолюбие, оптимизм, терпимость, активность, надежность, ответственность, целеустремленность и т. п.).

На ассоциативном уровне:

5. У преобладающего числа жителей (и коренных, и приезжих) из восьми возможных цветов при ассоциации с их городом основная доля выборов приходится на два цвета: зеленый и серый (совокупная доля выборов 69,9 и 71,8% соответственно). При этом не наблюдается значимых различий в частоте выбора как этих двух цветов, так и других из восьми возможных между коренными и приезжими жителями. В то же время существуют различия в выборе цветов для характеристики города между жителями мегаполиса и малых городов. Так, жителями малых городов чаще выбираются зеленый ($\varphi = 6,304$, $p < 0,01$) и красный ($\varphi = 2,632$, $p < 0,01$) цвета, у жителей мегаполиса с их городом чаще ассоциируются синий ($\varphi = 1,702$, $p < 0,05$) и желтый ($\varphi = 2,882$, $p < 0,01$) цвета. Также для описания большого города чаще используются другие из возможного восьмицветового набора варианты ($\varphi = 5,116$, $p < 0,01$) по сравнению с описаниями жителей малых городов.

6. Приоритетным цветом для ассоциации с городским сообществом для жителей малых городов является зеленый (как для приезжих, так и для коренных жителей). В то же время существует специфика выделения сопутствующих цветов в зависимости от конкретного малого города:

- предпочтение красного цвета при ассоциации с пространством города характерно для жителей Красноуфимска. Это может быть связано с наличием в названии города корня «красн-». Также слово «красный» ассоциируется со словом «красивый» (данный город расположен в одном из живописнейших уголков Среднего Урала). Крас-

ный цвет присутствует и в ассоциациях жителей Качканара. В целом можно заметить, что и для них, и для жителей Красноуфимска характерна проблема отсутствия ощущения единства (традиций, мировоззрения, родственной связи) горожан. Причиной этого для Качканара является его относительная «молодость» – небольшой срок со дня основания. Для Красноуфимска данная проблема связана с наличием большого потока проезжающих через территорию города, который является значимым транспортным узлом Российской железной дороги, а также с высоким процентом маргиналов, сосредоточенных в городском пространстве;

- с синим цветом в наибольшей степени представлены ассоциации в городе Туринске, а также вторая доминантная ассоциация в Красноуфимске. Для Красноуфимска предпочтение синего цвета может быть связано с желанием коренных жителей «освободиться» от масс приезжих, обрести покой, стабильность. В Туринске же этот цвет может быть обусловлен погруженностью жителей города в его традиции, центрацией жизни вокруг исторического наследия территории;

- ассоциация с желтым цветом наиболее часто встречается в Качканаре. Здесь желтый подтверждает отсутствие внутренней пространственной структуры города, его аморфность (отсутствие улиц, четко очерченных кварталов, хаотичность застройки и нумерации домов). Среда, в которой человек с трудом ориентируется, естественным образом воспринимается им как враждебная, активно противодействующая ему.

На основании полученных результатов можно утверждать, что одна из базовых характеристик социальной группы – корпоративность имеет специфическую представленность в городской среде. Так, одним из определяющих факторов является объем городского пространства и его соответствующие особенности: численность населения, темп жизни, плотность застройки и т. п.

Жители мегаполиса не только более индивидуалистичны в своих представлениях об идеальном городском социуме, но и имеют выраженную позицию относительно дифференциации на «коренных» и «приезжих». Различная целевая составляющая этих групп обнаруживается на всех уровнях анализа: приезжие демонстрируют более высокую согласованность внешних оценок, тем самым обнаруживая

актуальную потребность в принятии и признании в данной группе, однако внутренне их восприятие городского пространства более вариативно и непредсказуемо.

В малых городах подобное разделение оказалось весьма условным. Их жители (и коренные, и приезжие) обнаруживают не только более высокие показатели корпоративности, в отличие от жителей большого города, для них характерна выраженная положительная эмоциональная доминанта в оценке городского социума. Здесь особую нагрузку несет не время проживания в городе, а его культурно-исторические, географо-топографические и социальные особенности.

В заключение хочется отметить, что город как большая социальная группа является достаточно перспективным объектом научного познания с позиции психологии, так как становится возможным изучение широкого ряда психологических феноменов и их процессуальных характеристик, которые, в свою очередь, проливают свет на сложные взаимоотношения города и отдельной личности.

Заключение

Итак, опираясь на анализ многочисленных теоретических разработок в области среды и средового взаимодействия как зарубежных, так и отечественных авторов, мы попытались обобщить и структурировать возможные способы изучения столь очевидного, но зачастую остающегося без внимания типа отношений «человек – среда». Помимо определенной дефицитарности и дискретности обнаруженных нами сведений, мы столкнулись с необходимостью комплексного и мультидисциплинарного подхода к изучению особенностей восприятия искусственно созданного архитектурно-предметного пространства.

Обобщение существующих исследований города как комплексного материально-социально-психологического феномена позволило нам сделать вывод о сформированном научном интересе в этой области. В контексте современных условий изучение психологии мегаполиса – не только амбициозный проект, но и необходимость, так как именно городская среда является первичной для развития и становления личности человека. Несмотря на установленные факты и отдельные закономерности влияния и восприятия среды города отсутствует целостный подход к изучению этого искусственно созданного пространства. Существует целый ряд работ, которые вскрывают глубокие механизмы и закономерности взаимовлияния города и человека, но в них рассматриваются либо конкретные детали застройки, либо материально-экономические аспекты. В связи с тем, что отсутствует единое понимание особенностей городской среды, отдельные научные направления сосредоточены на собственных предметах изучения, и в современной практике имеют место единичные попытки комплексного взгляда на обозначенную проблему. Возникает очевидный дефицит методико-методологического инструментария подобных исследований.

Развитие данного научного направления сталкивается с определенными трудностями:

- во-первых, нет единообразия в понимании и определении как основных понятий и феноменов психологии среды, так и собственно самой науки – используются названия «психология среды», «экопси-

хология», «средовая психология», «урбанистическая психология», «инвероментальная психология», «психология визуальной среды», «градоведение» и т. п. Несомненно, все они имеют свою специфику, предмет и объект, но в ряде случаев пересекаются в своем содержании или дублируют друг друга;

- во-вторых, в недостаточной степени разработано данное научное направление в рамках отечественной психологии, не проводятся систематические масштабные исследования, очень часто прирост знаний в этой области стихийно, идет с опорой на зарубежные источники;

- в-третьих, существуют сложности с осознанием экономической выгоды от подобных разработок: исследования в рамках изучения городской среды не могут быть направлены на быстрое получение прибыли, но, тем не менее, их результаты имеют длительный пролонгированный эффект и с их учетом могут быть реализованы задачи не только материального обогащения, но и стабильного развития той или иной коммерческой сферы;

- в-четвертых, отсутствуют единые центры общероссийского масштаба, которые позволили бы не только консолидировать и организовать усилия по изучению городской среды в российской действительности, но и создали общую базу для экспериментов в этой области;

- в-пятых, недостаточной является доля участия в развитии исследований органов государственной власти, которое было бы существенным условием для продолжения подобного рода исследований.

Реализованные в работе эксперименты зарождались как идея воспроизведения известных экспериментов С. Милграма по исследованию городских структур как психологического поля восприятия. Уже на этапе организации возникали новые идеи, и экспериментальный план существенно расширился, в него включались все новые направления. Результаты проведенных исследований, несомненно, не могут претендовать на полноту и всеобъемлющий охват, однако вскрывают любопытные особенности той среды, в которой мы живем и в условиях которой формируются основные психологические новообразования личности.

Данная работа – это попытка обобщить и изучить психологические феномены и процессы, инициируемые взаимодействием человека и созданной им самим искусственной среды города.

Библиографический список

1. *Абзианидзе Ш. Г.* О пространственных изменениях личности / Ш. Г. Абзианидзе, Р. С. Джорбенидзе; под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла // Психология и архитектура: тезисы конференции: в 2 частях; Эстон. отд-е О-ва психологов СССР. Таллин, 1983. Ч. 1. С. 57–60.
2. *Абрамова Ю. Г.* Психология среды: источники и основные направления развития [Электронный ресурс] / Ю. Г. Абрамова. Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/psikhologiya-sredyistochniki-i-napravleniya-razvitiya>.
3. *Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности / К. А. Абульханова-Славская. Москва: [б. и.], 1973. 288 с.
4. *Акопов Г. В.* Проблема сознания в психологии: отечественная платформа / А. В. Акопов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, СамИКП, 2002. 206 с.
5. *Андреева Г. М.* Психология социального познания: учебное пособие для студентов вузов / Г. М. Андреева. 2-е изд., пераб. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
6. *Андреева Г. М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. Москва: Аспект Пресс, 1999. 376 с.
7. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм. Москва: Прогресс, 1974. 572 с.
8. *Артемьева Е. Ю.* Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева; предисл. А. Ш. Тхостова. 2-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. 136 с.
9. *Архитектура* и эмоциональный мир человека / Г. Б. Забелъшанский [и др.]. Москва: Стройиздат, 1985. 208 с.
10. *Бандурка А. М.* Вандализм / А. М. Бандурка, А. Ф. Зелинский; Ун-т внутр. дел. Харьков, 1996. 198 с.
11. *Барабанов А. А.* Семиотические основы художественного языка архитектуры / А. А. Барабанов // Человек и город: пространства, формы, смысл: Международный конгресс, 27–30 июля, Санкт-Петербург. Санкт-Петербург; Женева; Салоники; Екатеринбург: Архитектон, 1998. С. 107–139.

12. *Барабанищikov В. А.* Стабильность видимого мира / В. А. Барабанищikov, В. И. Белопольский. Москва: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008. 300 с.
13. *Бардески К. Д.* Месопотамия: колыбель человечества: перевод с итальянского / К. Д. Бардески. Москва: Ниола-Пресс, 2008. 128 с.
14. *Барт Р.* Семиология и градостроительство / Р. Барт // Современная архитектура. 1971. № 1. С. 17–22.
15. *Беляев В. А.* Социальная стратификация российского общества: курс лекций для студентов заочного отделения гуманитарных факультетов / В. А. Беляев. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002.
16. *Беляева Е. Л.* Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия / Е. Л. Беляева. Москва: Стройиздат, 1977. 125 с.
17. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак: Нева; Москва: Олма-Пресс, 2002. 510 с.
18. *Большаков В. Ю.* Эволюционная теория поведения / В. Ю. Большаков. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 496 с.
19. *Большая советская энциклопедия*: в 30 томах / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1971. Т. 4. 843 с.
20. *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://bse.sci-lib.com>.
21. *Большая юридическая энциклопедия*. Москва: Эксмо, 2007. 688 с.
22. *Браун О. А.* Влияние городской культуры на коммуникативные характеристики жителей крупного города / О. А. Браун // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизне-нетворчества. Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. 308 с.
23. *Бурлачук Л. Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. Санкт-Петербург: Питер Ком, 1999. 528 с.
24. *Ватова Л. С.* Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика / Л. С. Ватова. Москва: Народное образование: МПСИ, 2007. 298 с.
25. *Википедия* [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://ru.wikipedia.org>.
26. *Виноградов В. В.* История слов: в 3 частях. Ч. 3. [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=sreda&vol=3>.

27. Волков Ю. Г. Социология / Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая; под ред. проф. В. И. Добренкова. Москва: Гардарики, 1998. 244 с.

28. Воробьева И. В. Ассоциативное мышление в восприятии городской среды / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Современная психология мышления: Смысл в познании: тезисы докладов научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога О. К. Тихомирова, Москва, 17–18 окт. 2008 г. Москва: Смысл, 2008. С. 257–260.

29. Воробьева И. В. Восприятие городской среды в условиях социальной реальности / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Психология когнитивных процессов: материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции: сборник статей / под ред. А. Г. Егорова, В. В. Селиванова. Смоленск: Универсум, 2008. С. 40–46.

30. Воробьева И. В. Корпоративность как условие экологичности взаимодействия жителей мегаполиса / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // 5-я российская конференция по экологической психологии: тезисы, Москва, 26–27 нояб. 2008 г. / науч. ред. М. О. Мдивани. Москва: Психол. ин-т РАО, 2008. С. 65–68.

31. Воробьева И. В. Особенности разработки методики диагностики мотивов вандального поведения подростков и юношей / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, С. А. Острикова // Современная психодиагностика в период инноваций: тезисы II Всероссийской научной конференции / ЮрГУ. Челябинск, 2010. С. 84–86.

32. Воробьева И. В. Программа исследования средовых факторов развития патриотизма и самоидентичности гражданина России / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Психология – наука будущего: материалы Международной конференции молодых ученых, 1–2 нояб. 2007 г., Москва / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. Москва: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007. С. 222–225.

33. Воробьева И. В. Психологическая составляющая архитектурно-средового пространства города / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Качество науки – качество жизни: тезисы докладов 3-й Международной научно-практической конференции, Тамбов, 26–27 февр. 2007 г. Тамбов, 2007. С. 42–43.

34. Воробьева И. В. Развитие психологии мегаполиса в России / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Россия XXI века: пути и перспективы развития: сборник тезисов Всероссийской научно-практической

конференции / под общ. ред. В. Ф. Дубяги. Москва: Фонд «Общество», 2007. С. 118–121.

35. *Воробьева И. В.* Со-бытие личности и города: урбанизированная личность и индивидуализированный социум / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Личность и бытие: субъектный подход: материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 окт. 2008 г. Москва: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008. С. 354–357.

36. *Воробьева И. В.* Социальное пространство городской среды / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Личность в межкультурном пространстве: материалы 3-й Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии: в 2 частях, 20–21 нояб. 2008 г., Москва / РУДН. Москва, 2008. Ч. 1. С. 323–326.

37. *Воробьева И. В.* Социально-психологическое взаимодействие личности и группы: учебное пособие / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. 271 с.

38. *Воробьева И. В.* Социальный образ города и его частей в контексте пространственной структуры городской среды / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова // Психология когнитивных процессов: материалы 3-й Международной научно-практической конференции / под ред. А. Г. Егорова, В. В. Селиванова. Смоленск: Универсум, 2009. С. 201–206.

39. *Галич З. Н.* Урбанизация как глобальный процесс / З. Н. Галич // Мегаполис на рубеже веков: социально-экономические и экологические аспекты: проблемно-тематический сборник. Москва: РАН ИНИОН, 2000. 212 с.

40. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. Москва: Прогресс, 1988. 530 с.

41. *Глазычев В. Л.* Организация архитектурного проектирования / В. Л. Глазычев. Москва: Стройиздат, 1977. 171 с.

42. *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды / В. Л. Глазычев. Москва: Наука, 1984. 180 с.

43. *Глазычев В. Л.* Эволюция творчества в архитектуре / В. Л. Глазычев. Москва: Стройиздат, 1986. 496 с.

44. *Глуханюк Н. С.* Общая психология: учебное пособие для вузов / Н. С. Глуханюк, С. Л. Семенова, А. А. Печеркина. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. 368 с.

45. Горяченко Е. Е. Территориальная общность в изменяющихся условиях / Е. Е. Горяченко // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: материалы к XIII социологическому конгрессу. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1994. Ч. 1. С. 64–89.

46. *Граффити* – искусство улиц [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://moikompas.ru/compas/graffiti>.

47. Гутнов А. Э. Структурно-функциональная организация и развитие градостроительных систем: автореферат диссертации ... доктора архитектуры / А. Э. Гутнов. Москва, 1979. 26 с.

48. Гутнов А. Э. Эволюция градостроительства / А. Э. Гутнов. Москва: Стройиздат, 1984. 256 с.

49. Давыдов В. А. Миф города в социокультурном контексте: диссертация ... кандидата философских наук / В. А. Давыдов. Тверь, 2004. 131 с.

50. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. Даль; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. Т. 1: А – З.

51. Демидов Н. Б. Формирование высотных центров города на территориях, аккумулировавших архитектурную память: На примере Екатеринбурга: диссертация ... кандидата архитектуры / Н. Б. Демидов. Екатеринбург, 2005. 140 с.

52. Дерябо С. Д. Феномен субъектного восприятия природных объектов / С. Д. Дерябо // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 45–59.

53. Дридзе Т. М. Человек в городском пространстве: социально-коммуникативные механизмы и участие в формировании городской среды / Т. М. Дридзе // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 4. С. 20–26.

54. Дридзе Т. М. Человек и городская среда / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131–138.

55. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология / В. Н. Дружинин. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 320 с.

56. Евменова Е. М. Вандализм: этиология, направление исследования и профилактики / Е. М. Евменова // Проблемы совершенствования расследования и профилактики преступлений на современном этапе: сборник научных трудов. Уфа: [б. и.], 1990. С. 157–158.

57. Есаулов Г. В. Экологические аспекты зрительного восприятия архитектурно-градостроительной среды / Г. В. Есаулов // Известия вузов. Строительство. 2000. № 7–8. С. 116–120.

58. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах / Т. Ф. Ефремова. Москва: АСТ: Астрель: Харвест, 2006. Т. 1: А – Л. 1168 с.

59. *Знаков В. В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии / В. В. Знаков. Москва: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007. 479 с.

60. *Иконников А. В.* Искусство, среда, время: эстетическая организация городской среды / А. В. Иконников. Москва: Политиздат, 1985. 336 с.

61. *Каган Г. З.* Городская среда: преемство и наследие / Г. З. Каган // Человек. 2000. № 4. С. 39–40.

62. *Каган Г. З.* Горожанин в городе: Идентификация с землей и небом / Г. З. Каган // Человек. 2001. № 3. С. 35–45.

63. *Каганский В. Л.* Ландшфат и культура / В. Л. Каганский // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 134–145.

64. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. Ю. Н. Скуратова, В. М. Лебедева. 2-е изд. Москва: Инфра-М: Норма, 1997.

65. *Коссов Б. Б.* О некоторых законах восприятия, различения и опознания простых и сложных объектов / Б. Б. Коссов // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 50–60.

66. *Кружкова О. В.* Архитектура как детерминанта девиаций поведения / О. В. Кружкова // Качество науки – качество жизни: тезисы докладов 3-й Международной научно-практической конференции, Тамбов, 26–27 февр. 2007 г. Тамбов, 2007. С. 157–158.

67. *Кружкова О. В.* Влияние городской среды на психологическое состояние человека / О. В. Кружкова, Е. С. Кузьминых // Психология сегодня: материалы 6-й региональной студенческой научно-практической конференции: в 2 частях, 22–23 апр. 2004 г. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. Ч. 2. С. 135–139.

68. *Кружкова О. В.* Исследование воспитательного эффекта городской среды / О. В. Кружкова // Ананьевские чтения – 2007: материалы научно-практической конференции / под ред. Л. А. Цветковой. Санкт-Петербург: [б. и.], 2007. С. 309–311.

69. *Кружкова О. В.* Исследование индивидуально-социальных детерминант восприятия среды / О. В. Кружкова, С. А. Радченко, Я. С. Турыгина // Психология сегодня: материалы 10-й региональной студенческой

кой научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 апр. 2008 г. / отв. за вып. В. А. Лебедева; ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2008. С. 219–220.

70. *Кружкова О. В.* Классификация вандального поведения и его проявлений в молодежной среде / О. В. Кружкова, С. А. Острикова // Прикладная психология: материалы V Всероссийской научно-практической конференции для практикующих психологов, молодых ученых и студентов / ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2011. С. 59–62.

71. *Кружкова О. В.* Особенности корпоративности жителей районов мегаполиса / О. В. Кружкова, С. А. Радченко, Я. С. Турыгина // Социальная психология сегодня: наука и практика: материалы межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 марта 2008 г. Санкт-Петербург: [б. и.], 2008. С. 76–78.

72. *Кружкова О. В.* Психозология современного образовательного пространства / О. В. Кружкова // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: тезисы докладов 14-й Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–19 апр. 2007 г. / ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2007. С. 106–107.

73. *Кружкова О. В.* Специфика ориентации в условиях радиально-лучевого строения города / О. В. Кружкова, С. А. Радченко // Психология XXI века: материалы международной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов, 19–21 апр. 2007 г., Санкт-Петербург / под науч. ред. В. Б. Чеснокова. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 475–477.

74. *Кружкова О. В.* Формирование комфортной визуальной среды в городе / О. В. Кружкова, А. С. Андросенко // Психология сегодня: материалы 8-й региональной студенческой научно-практической конференции: в 2 частях, Екатеринбург, 17–19 апр. 2006 г. Екатеринбург, 2006. Ч. 2. С. 28–30.

75. *Кружкова О. В.* Школьный графический вандализм как реакция на депривацию субъектных потребностей учащихся / О. В. Кружкова, О. В. Гурова // Вестник КГУ. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювепология. Социокинетика». 2010. № 1, Т. 16. С. 150–155.

76. *Лаппо Г. М.* Города на пути в будущее / Г. М. Лаппо. Москва: Мысль, 1987. 236 с.

77. *Латинско-русский и русско-латинский словарь* / под ред. А. В. Подосинова. 4-е изд. Москва: Флинта, 2009. 744 с.

78. *Леду К.-Н.* Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству: в 3 томах / К.-Н. Леду. Екатеринбург: Архитектон – Изд-во Урал. гос. архит.-худож. акад.: Канон, 2003. Т. 1. 592 с.

79. *Лимонад М. Ю.* Живые поля архитектуры / М. Ю. Лимонад, А. И. Цыганов. Обнинск: Титул, 1997. 208 с.

80. *Линч К.* Образ города / К. Линч. Москва: Стройиздат, 1982. 328 с.

81. *Липов А. Н.* Экспериментальная эстетика пространственных форм / А. Н. Липов // *Философские исследования*. 1998. № 1. С. 202–229.

82. *Марков Б. Ф.* Философская антропология / Б. Ф. Марков. Санкт-Петербург: Лань, 1997. 352 с.

83. *Менегетти А.* Введение в онтопсихологию / А. Менегетти. Пермь: Хортон Лимитед, 1993. 60 с.

84. *Менегетти А.* Мир образов: краткое пособие по интерпретации образов и сновидений: перевод с итальянского / А. Менегетти. 3-е изд., испр. и доп. Москва: ННБФ «Онтопсихология», 2005. 224 с.

85. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии / С. Милграм. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 336 с.

86. *Мухина В. С.* Феноменология развития и бытия личности / В. С. Мухина. Москва: МОДЕК: МПСИ. 1999. 640 с.

87. *Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город»* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mojgorod.ru/cities/pop2008_6.html.

88. *Нартова-Бочавер С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С. К. Нартова-Бочавер. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 400 с.

89. *Население России 2000* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>.

90. *Нахутин И. Б.* Мегаполис как объект исследования / И. Б. Нахутин // *Социально-политический журнал*. 1998. № 5. С. 234–251.

91. *Невелева Е. А.* Образ малого промышленного города / Е. А. Невелева, О. В. Кружкова // *Психология сегодня: материалы 9-й региональной студенческой научно-практической конференции*,

Екатеринбург, 18–19 апр. 2007 г. / ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2007. С. 128–131.

92. *Несбыточная мечта* [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://ipaatrevel.narod.ru/brasilgia_main_text.htm.

93. *Общая психология: словарь* // Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 томах / под общ. ред. А. В. Петровского; ред.-сост. Л. А. Карпенко. Москва: ПЕР СЭ, 2005. 251 с.

94. *Панов В. И.* Введение в экологическую психологию: учебное пособие / В. И. Панов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НИИ шк. технологий, 2006. 184 с.

95. *Петровский А. В.* Психология: учебник / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. Москва: Академия, 2005. 501 с.

96. *Петухов В. В.* Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1984. № 4. С. 13–20.

97. *Пирогов С. В.* Социология города / С. В. Пирогов. Москва: Новый учебник, 2004. 208 с.

98. *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи: криминальная субкультура / В. Ф. Пирожков. Тверь: Приз, 1994. 313 с.

99. *Прокуроры проверяют проект «Охта центра»* [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.ifx.ru/txt.asp?rbr=0&id=1310346>.

100. *Прянишников Н. Е.* Проблема целостности архитектурного пространства и межличностное взаимодействие / Н. Е. Прянишников, В. М. Петров // Социально-психологические основы среднего образования: тезисы докладов конференции / под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1985. С. 74–76.

101. *Психология и архитектура: тезисы конференции в Лохусалу (ЭССР), 25–27 янв. 1983 г.* / под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвала: в 2 частях; Эстон. отд-ние О-ва психологов СССР; Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1983. Ч. 2. 211 с.

102. *Раудсепп М.* Жилая среда и взаимоотношения между соседями / М. Раудсепп // Средовые условия групповой деятельности: сборник статей / под ред. Х. Миккина. Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1988. С. 93–118.

103. *Рейсс Э. Дж. (мл.)* Некоторые социологические проблемы американских сообществ / Э. Дж. Рейсс (мл.) // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / под ред. Т. Парсонса; пер.

В. В. Воронин, Е. В. Зиньковский; ред. Г. В. Осипов. Москва: Прогресс, 1972. С. 106–115.

104. *Рязанов Н. М.* От рациональной бюрократии к понимающей власти [Электронный ресурс] / Н. М. Рязанов // ЧиновникЪ: Информационно-аналитический вестник Уральской академии государственной службы. 2000. № 4 (10). Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://chinovnik.uara.ru>.

105. *Савченко М. Р.* К постановке средового эксперимента / М. Р. Савченко // Психология и архитектура: сборник статей: в 2 частях; под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. Таллин: [б. и.], 1983. Ч. 1. С. 99–102.

106. *Сазонов Д. Н.* Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города: автореферат диссертации ... кандидата психологических наук / Д. Н. Сазонов. Курск, 2009. 22 с.

107. *Сайко Э. В.* Человек как активно действующий субъект в системе отношений взаимодействия «Общество – Природа» / Э. В. Сайко // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 2. С. 7–19.

108. *Самошкина И. С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен / И. С. Самошкина // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99–106.

109. *Семенова Т. В.* Городская ментальность: социально-психологическое исследование: монография / Т. В. Семенова. Самара: СГПУ, 2008. 354 с.

110. *Семенов С. В.* Объемно-пространственная система города как основа его гармонии: диссертация ... кандидата архитектуры / С. В. Семенов. Ленинград, 1982. 231 с.

111. *Синицын К. В.* Архитектурно-пространственная организация жилой застройки Екатеринбурга периода индустриального домостроения: диссертация ... кандидата архитектуры / К. В. Синицын. Екатеринбург, 2006. 257 с.

112. *Скороходова А. С.* Граффити: значение, мотивы, восприятие / А. С. Скороходова // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 144–153.

113. *Словарь* практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998. 800 с.

114. *Смелзер Н.* Социология / Н. Смелзер. Москва: Феникс, 1995. (Американская социология).

115. *Собчик Л. Н.* Метод цветowych выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера: практическое руководство / Л. Н. Собчик. Санкт-Петербург: Речь, 2001. 112 с.

116. *Солнцева Т.* Вид на столицу опасен для здоровья / Т. Солнцева // Труд. 2008. 29 февр. С. 7.

117. *Социальная психология: словарь* / под ред. М. Ю. Кондратьева // Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 томах / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. Москва: ПЕР СЭ, 2005. 176 с.

118. *Социология: энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.

119. *Стратегический план Екатеринбурга* / Е. Г. Анимица [и др.]. Екатеринбург, 2003. 192 с.

120. *Титов А. Л.* Организация архитектурной среды и поведение человека: диссертация ... кандидата архитектуры / А. Л. Титов. Екатеринбург, 2004. 121 с.

121. *Трущенко О. Е.* Психология и архитектура / О. Е. Трущенко // Тезисы конференции в Лохусалу (ЭССР), 25–27 янв. 1983 г. / под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвала: в 2 частях; Эстон. отд-ние О-ва психологов СССР, Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1983. Ч. 2. 211 с.

122. *Федоров В. В.* Мифосимволизм архитектуры / В. В. Федоров, И. М. Коваль. Москва: КомКнига, 2006. 208 с.

123. *Филин В. А.* Анатомия взора / В. А. Филин // Наука и жизнь. 1991. № 2. С. 88–92.

124. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.]. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

125. *Хейдметс М.* Психология среды: становление и поиски / М. Хейдметс // Тенденции развития психологической науки: сборник статей. Москва: Наука, 1989. С. 242–254.

126. *Херсонский Б. Г.* Метод пиктограмм в психодиагностике / Б. Г. Херсонский. Санкт-Петербург: Речь, 2003. 120 с.

127. *Хилько Н. Ф.* Развитие творческого потенциала молодежи в контексте социокультурных доминант городской среды / Н. Ф. Хилько, А. С. Шаров // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С. 65–73.

128. Холодова Л. П. Курс лекций для студентов шестого курса специализации «Теория и история архитектуры» / Л. П. Холодова; УралГАХА. Екатеринбург, 1998. 44 с.

129. Черноушек М. Психология жизненной среды / М. Черноушек. Москва: Политиздат, 1989. 174 с.

130. Шабанов Л. В. Методологические проблемы исследования восприятия города как единой (целостной) картины для разных групп и категорий горожан [Электронный ресурс] / Л. В. Шабанов. Режим доступа: // http://psy.tsu.ru/pdf/1_49.pdf.

131. Шкопоров Н. Б. Психологическое пространство личности и гипотеза проникновения в среду: теоретический анализ / Н. Б. Шкопоров // Психология. 1988. № 3. С. 106–108.

132. Штейнбах Х. Э. Влияние городской среды на поведение человека: учебное пособие / Х. Э. Штейнбах; С.-Петерб. гос. ун-т путей сообщ. Санкт-Петербург, 1997. 25 с.

133. Штейнбах Х. Э. Психология жизненного пространства / Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 239 с.

134. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский; общ. ред. и послесл. А. М. Румянцева; пер. с пол. М. М. Гуренко. Москва: Прогресс, 1969. 242 с.

135. Экология: учебное пособие / под ред. В. В. Денисова. Москва: ИКЦ «Март», 2006. 768 с.

136. Экология большого города: альманах / под ред. Е. П. Пупырева. Москва: Прима-Пресс, 1996. 180 с.

137. Экopsихологическая лаборатория [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://envpsylab.ucoz.ru/>.

138. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 томах. Москва: Терра, 2001. Т. 9. 501 с.

139. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet>.

140. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг. Москва: Ренессанс, 1991. 262 с.

141. Юнг К. Человек и его символы / К. Юнг. Санкт-Петербург: Б. С.К., 1996. 454 с.

142. Abel E. L. The handwriting on the wall: Toward a sociology and psychology of graffiti / E. L. Abel, B. E. Buckley. Westport: Greenwood Press, 1977. P. 150–156.

143. *Allen V. L.* An aesthetic theory of vandalism / V. L. Allen, D. B. Greenberger // *Crime and Delinquency*. 1978. Vol. 24(3). P. 309–321.
144. *Allen V. L.* Destruction and complexity: An application of aesthetic theory / V. L. Allen, D. B. Greenberger // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1980. Vol. 6. P. 479–483.
145. *Altman I.* Privacy regulation: Culturally universal or culturally specific? / I. Altman // *Journal of Social Issues*. 1977. Vol. 33 (3). P. 66–84.
146. *An introduction to environmental psychology* / W. H. Ittelson [et al.]; Holt, Rinehart and Winston, inc. New York; Toronto; London, 1974. 406 p.
147. *Bandura A.* Principles of behavior modification / A. Bandura. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1969. 677 p.
148. *Barker R. G.* Ecological Psychology: concepts and methods for studying the environment of human behavior / R. G. Barker. Stanford: CA: Stanford University Press, 1968. 242 p.
149. *Baron R. M.* The equity-control model of vandalism: A refinement / R. M. Baron, J. D. Fisher // *Vandalism: Behavior and motivation*/ ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam; New York; Oxford: North Holland, 1983. P. 63–76.
150. *Canter D.* Fires and human behavior / D. Canter. New York: Wiley and Sons, 1980. 272 p.
151. *Canter D.* Psychology for Architects / D. Canter. London: Applied Sciences, 1974. 182 p.
152. Çatalhöyük [Электронный ресурс]. Access mode: // <http://www.catalhoyuk.com/>.
153. *Childe V. G.* The Urban Revolution / V. G. Childe // *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21. P. 3–17.
154. *Coffield F.* Vandalism and graffiti: The state of the art / F. Coffield. London: Calouslo Gubbenkian Foundation, 1991. 128 p.
155. *Cohen S.* Breaking out, smashing up and the social context of aspiration / S. Cohen // *Working Papers in Cultural Studies*. 1974. Vol. 5. P. 37–63.
156. *Cohen S.* Campaigning against vandalism / S. Cohen // *Vandalism*; C Ward (ed.). London: Architectural Press, 1973. P. 215–257.
157. *Cohen S.* Destruction of property: motives and meanings / S. Cohen // *Vandalism* / ed. by C. Ward. London: The Architectural Press, 1973. P. 23–53.

158. *Cohen S.* Direction for research on adolescent school violence and vandalism / S. Cohen // *British Journal of Criminology*. 1971. Vol. 9. P. 319–340.

159. *Conyne R. K.* Environmental assessment and design / R. K. Conyne, R. J. Clack // *A New Tool for the Applied Behavioral Scientist*. Pralger Publishers, 1981. 183 p.

160. *Cordess C.* Art vandalism / C. Cordess, M. Turcan // *British Journal of Criminology*. 1993. Vol. 33, № 1. P. 95–102.

161. *Criminal Damage Act*. 1971. Chap. 48: 10 p.

162. *Csikszentmihalyi M.* Intrinsic rewards in school crime / M. Csikszentmihalyi, R. Larsen. Hacken-sack; New Jersey: National Council on Crime and Delinquency, 1978. 335 p.

163. *Csikszentmihalyi M.* The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self / M. Csikszentmihalyi, E. Rochberg-Halton. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 242 p.

164. *De Gruchy G. F.* Crime and architecture in Brisbane II / G. F. de Gruchy, G. T. Hansford. Brisbane: Departament of Architecture, University of Queensland, 1980.

165. *Dollard J.* Frustration and Aggression / J. Dollard, L. W. Doob, N. E. Miller. New Haven: Yale University Press, 1939. 209 p.

166. *Fisher J. D.* An equity-based model of vandalism / J. D. Fisher, R. M. Baron // *Population and Environment*. 1982. Vol. 5, № 3. P. 182–200.

167. *Frank K. A.* Social construction of the Physical environment: The case of gender / K. A. Frank // *Sociological Focus*. 1985. № 18(2). P. 142–159.

168. *Gladstone F. J.* Vandalism among adolescent school boys / F. J. Gladstone // *Tackling vandalism*; R. V.G. Clarke (ed.). London: Her Majesty's Stationary Office, 1978. P. 19–39.

169. *Goldstein A.* The psychology of vandalism / A. Goldstein. New York: Plenum Press, 1996. 296 p.

170. *Grand Larousse encyclopedique*: in 10 vols. Paris: Librarie Larousse, 1964. Vol. 10. 1032 p.

171. *Harris C.* The Nature of Cities / C. Harris, E. L. Ullman // *Annals of the American Association of Political and Social Sciences*. 1945. Vol. 242. P. 7–17.

172. *Howard J.* Factors in school vandalism / J. Howard // *Journal of Research and Development in Education*. 1978. Vol. 11. P. 53–63.

173. *Hoyt H.* The Structure and Growth of Residential Neighborhoods in American Cities / H. Hoyt. Washington Federal Housing Administration, 1939. 230 p.

174. *Ittelson W. H.* Visual Space Perception / W. H. Ittelson. New York: Springer, 1960. 212 p.

175. *Kostof S.* The city shaped / S. Kostof. New York: Bulfinch Press, 2007. 352 p.

176. *Lansing J. B.* Planned Residential Environments / J. B. Lansing, R. B. Marans, R. B. Zehner; University of Michigan. Ann Arbor, 1979. 213 p.

177. *Lawrence C.* The Influence of Perceived Prison Crowding on Male Inmates Perception of Aggressive Events / C. Lawrence, K. Andrews // *Aggressive behavior*. 2004. Vol. 30. P. 273–283.

178. *Lundholm H.* The affective tone of lines: experimental researches / H. Lundholm // *Psychological Review*. 1912. № 28. P. 43–60.

179. *Lynch K.* A Theory of Good City Form / K. A. Lynch. Cambridge: MA: MIT Press, 1981. 514 p.

180. *Macionis J. J.* Cities and Urban Life / J. J. Macionis, V. N. Parrillo. 4th ed. New Jersey: Upper Saddle River, 2007. 468 p.

181. *Martin J. M.* Juvenile vandalism: A study of its nature and prevention / J. M. Martin. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1961. 145 p.

182. *Maslow A. H.* Effects of Esthetic Surroundings / A. H. Maslow, N. L. Mintz // *Journal of Psychology*. 1956. № 41. P. 247–254.

183. *Mumford L.* The City in History / L. Mumford. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. 657 p.

184. *Mumford L.* The Culture of Cities / L. Mumford. New York; London, 1938. 640 p.

185. *Murray H.* Explorations in personality / H. Murray. New York: Oxford University Press, 1938. 618 p.

186. *Noin D.* People on Earth / D. Noin // *World Population Map* / UNESCO Publishing. Paris, 1997. 43 p.

187. *Noschis K.* Countries without vandalism / K. Noschis // *Vandalism: Behavior and motivation* / ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Elsevier, North Holland, 1983. P. 91–101.

188. *Park R. E.* The City / R. E. Park, E. W. Burgess. Chicago: University Chicago Press, 1925. 239 p.

189. *Poplin D. E. Communities* / Dennis E. Poplin // A Survey of Theory and Methods of Research. New York: Macmillan, 1979. P. 14–18.
190. *Richards P. Middle-class vandalism and age-status conflict* / P. Richards // Social Problems. 1976. Vol. 6, № 4. P. 482–497.
191. *Roos H. E. Vandalism as a symbolic act in «Free Zones»* / H. E. Roos // Vandalism: Research, prevention and Policy / ed. by H. H. Christensen, D. R. Johnson, M. H. Brookes; Gen. Tech. Rep. Portland, OR: U. S. Department of Agriculture, Forest Servis, Pasific Northwest Research Station. 1992. P. 72–87.
192. *Rotter J. Social dearning and clinical psychology* / J. Rotter. Englewood Cliffs, Nd: Prentice-Hall, 1954. 466 p.
193. *Samdahl D. M. Environmental cues and vandalism* / D. M. Samdahl, H. H. Christensen // The psychology of vandalism / ed. by A. Goldstein. New York: Plenum Press, 1996. P. 245–254.
194. *Searles H. The nonhuman environment: In normal development and in schizoprenia* / H. Searles. New York: International Universities Press, 1960. 464 p.
195. *Smith P. F. Esthetics in Cities* / P. F. Smith // Ekistics 265. Dec. 1977. Vol. 44. P. 301–306.
196. *Skinner B. Science and human behavior* / B. Skinner. New York: Macmillan, 1953. 461 p.
197. *Sommer R. Crime and vandalism in university residence halls* / R. Sommer // Journal of Environmental Psychology. 1987. Vol. 7, № 1. P. 1–12.
198. *Sommer R. Personal space: The behavioral basis of design* / R. Sommer; Englewood Cliffs. New York: Prentice Hall, 1969. 177 p.
199. *Spreiregen P. D. Urban Design: the architecture of towns and cities* / P. D. Spreiregen. New York: Mcgraw-Hill Inc., 1965. 243 p.
200. *Schwartz M. J. Reading between the lines: Personality correlates of graffiti writing* / M. J. Schwartz, J. F. Dovidio // Perception & Motor Skills. 1984. Vol. 59. P. 395–398.
201. *Thaw R. F. Acts against property model – A case study, an extension of the traditional vandalism model: doctoral dissertation* / R. F. Thaw; United States International University. San Diego, 1976. 200 p.
202. *The Merriam-Webster dictionary*. New York: Pocket Books, 1974. 848 p.
203. *The World Gazetteer* [Электронный ресурс]. Access mode: www.gazetteer.de.

204. *Trowbridge G.* On fundamental methods of orientation and «Imaginary maps» / G. Trowbridge // *Science*. 1913. Vol. 38. P. 888–897.

205. *Wade A.* Social processes in the act of juvenile vandalism / A. Wade; M. Clinard, K. Quinney (eds.) // *Criminal behavior systems*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1967. P. 94–109.

206. *Wapner S.* An experimental Approach to Body Perception from the Organismik-Developmental Point of View / S. Wapner, H. Werner // *The Body Percept*; ed. by S. Wapner, H. Werner. New York: Random House, 1965. P. 9–25.

207. *Warren R. L.* The Community in Americ / R. L. Warren. Chicago: Rand McNally, 1963. 343 p.

208. *Webb B.* Is there place for vandalism? / B. Webb // *Vandalism: behavior and motivation* / ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam; New York; Oxford: North Holland, 1983. P. 197–204.

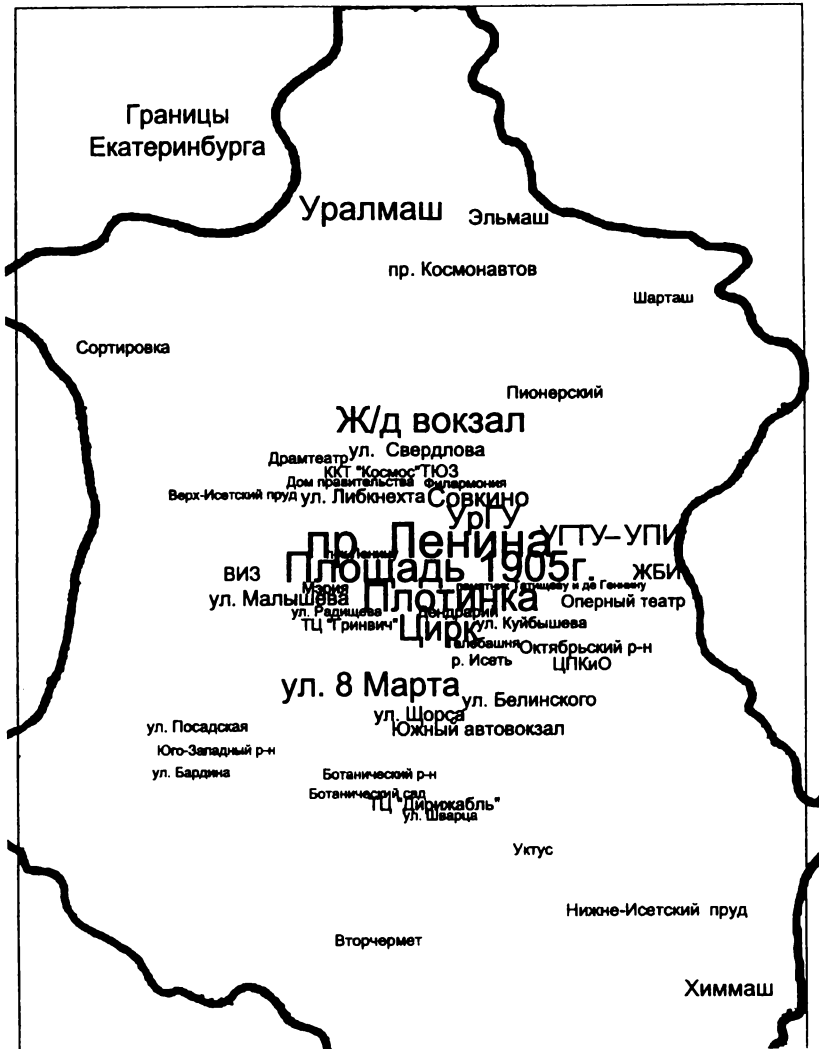
209. *Weinmayr V. M.* Vandalism by design: A critique / V. M. Weinmayr // *Landscape Architecture*. 1969. Vol. 59. P. 286.

210. *Wirth L.* Urbanism As A Way of Life / L. Wirth // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. P. 1–24.

211. *Wise J.* A gentle deterrent to vandalism / J. Wise // *Psychology Today*. 1982. Vol. 16, № 9. P. 28–31.

212. *Zeisel J.* Stopping school property damage / J. Zeisel // *CEFP Journal*. 1977. Vol. 15. P. 6–11; 18–21.

Частота встречаемости на когнитивных картах объектов города

Узнаваемость объектов городской среды жителями Екатеринбурга

№ п/п	Объект	Частота узнаваний	Процент узнаваний
1	2	3	4
1	Плотинка, Исторический сквер	85	100
2	Цирк	85	100
3	Гостиница «Свердловск»	78	92
4	ЦПКиО им. В. В. Маяковского	77	91
5	Площадь 1905 года	77	91
6	Киноконцертный театр «Космос»	75	88
7	Атриум Палас отель	74	87
8	«Колизей» («Октябрь»)	74	87
9	Храм на Крови	74	87
10	Администрация города	73	86
11	Торговый центр «Дирижабль»	72	85
12	Уральский государственный университет	72	85
13	Театр юного зрителя	69	81
14	Главпочтамт	68	80
15	Дворец молодежи	68	80
16	Правительство Свердловской области	68	80
17	Музей изобразительных искусств на Плотинке	67	79
18	«Совкино», Театр музыкальной комедии	67	79
19	Гостиница «Исеть»	66	78
20	Театр оперы и балета (центральный фасад)	64	75
21	Развязка на ул. Бебеля	63	74
22	Зоопарк	63	74
23	Дом кино на ул. Луначарского	62	73
24	Южный автовокзал	61	72
25	Памятник погибшим в Афганистане «Чер- ный тюльпан»	61	72
26	Церковь на Вознесенской горке, Ива- новская церковь	61	72
27	Кинотеатр «Заря»	60	71
28	Уральский государственный технический университет-УПИ	58	68
29	1-я Областная больница	58	68

Продолжение таблицы

1	2	3	4
30	Центральный универсальный магазин	58	68
31	Диспетчерский центр управления ж/д перевозками	58	68
32	«Белая башня» (водонапорная башня)	55	65
33	Пассаж	54	64
34	Гостиница «Центральная», Покровский пассаж, ул. Малышева	53	62
35	Экспо-центр на ул. Громова	51	60
36	Дворец Харитоновых (Дворец пионеров) (центральный фасад)	51	60
37	Библиотека им. В. Г. Белинского	50	59
38	Окружной дом офицеров	50	58
39	Уралтрансгентство	49	58
40	Дворец игровых видов спорта	49	51
41	Театр драмы	48	56
42	Уралмашзавод	48	56
43	Театр оперы и балета (вид с улицы Д. Мамина-Сибиряка)	47	55
44	Педагогический институт, проспект Космонавтов	46	54
45	Железнодорожный вокзал	46	54
46	Дом промышленности, НПО «Автоматика»	45	53
47	Ротонда в парке Дворца Харитоновых	44	52
48	КОСК «Россия»	43	51
49	Дворец культуры железнодорожников	42	49
50	Управление железными дорогами	42	49
51	Кукольный театр	41	48
52	Дом кино на Юго-Западе, Дом техники	38	45
53	Филармония	36	42
54	Перекресток улиц Восточная – Декабристов – Луначарского	34	40
55	Церковь методистов на ул. Шаумяна	33	39
56	Гостиница «Мадрид»	33	39
57	Турбомоторный завод	30	35
58	Дворец культуры Верх-Исетского завода	30	35
59	Дворец Харитоновых (Дворец пионеров) (торец здания)	30	35
60	Плотина на Химмаше	30	35

Окончание таблицы

1	2	3	4
61	Верх-Исетский завод	29	34
62	Радиобашня в Пионерском поселке	28	33
63	Российский государственный профессионально-педагогический университет	28	33
64	Дворец спорта на ВИЗе	26	31
65	Площадь Эльмаша	22	26
66	Завод на Химмаше	11	13
67	ВИЗ-бульвар – ул. Крылова	9	11

Процент узнаваний по фотографиям объектов Екатеринбурга его жителями

№ п/п	Перекрестки, улицы, объекты	Район расположения объекта	Частота узнаваний	Процент узнаваний
1	2	3	4	5
1	Металлургов – Викулова	Верх-Исетский	6	17
2	Ост. «Металлургов»		5	14
3	Татищева – Викулова		10	29
4	Репина – Металлургов		10	29
5	Репина – пер. Тульский		11	31
6	Папанина – Челюскинцев		9	26
7	Площадь Коммунаров		17	48
8	Готвальда		5	14
9	Крауля – Токорей		17	48
10	Шаумяна – Белореченская		11	31
11	Токарей (ост. «Уралкабель»)		7	20
12	Расточная – Соликамская	Железнодорожный	6	17
13	Расточная – Ангарская		2	6
14	Пехотинцев – Бебеля		35	100
15	Матросская – Полусная		2	6
16	Стрелочников – пер. Производственный		5	14
17	Техническая – пер. Теплоходный		3	9
18	Ангарская – Билимбаевская		4	11
19	Ангарская – Техническая		4	11
20	Техническая – Сортировочная		9	26
21	Челюскинцев – Свердлова		23	66
22	Челюскинцев – 9 Января		11	31
23	Уральская – Сулимова	Кировский	22	63
24	Шарташская – Луначарского		33	94
25	Уральская – Советская		23	66
26	Гагарина – Малышева		17	49
27	Комсомольская – Малышева		16	49
28	Ост. «Каменные палатки»		35	100
29	Сиреневый бульвар – Сыромолотова		21	60
30	Гагарина – Первомайская		18	51
31	Комсомольская – Блюхера		24	68
32	Шарташский мост		7	20
33	Данилы Зверева – Сулимова		13	37

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
34	Мальшева – 8 Марта	Ленинский	30	86
35	Большакова – Московская – Ясная		12	34
36	Московская – Предельная		11	31
37	Екатерининский привоз – Амундсена		11	31
38	Московская – Куйбышева		30	86
39	Фурманова – 8 Марта		30	86
40	Амундсена – Онуфриева		18	51
41	Амундсена – Бардина		17	49
42	Громова		3	9
43	Бардина – Ясная		11	31
44	Шаумяна – Ясная		12	34
45	Чкалова – Шаумяна		3	9
46	Щорса – Московская		23	66
47	8 Марта – Фрунзе		21	60
48	Чапаева – Большакова		11	31
49	Большакова – 8 Марта		15	43
50	8 Марта – Куйбышева		35	100
51	Куйбышева (ост. «Сакко и Ванцетти»)		4	11
52	ЦПКиО	Октябрь- ский	35	100
53	Куйбышева – Луначарского		24	68
54	Пер. Базовый – Сибирский тракт		5	14
55	Пер. Базовый – Сибирский тракт		11	31
56	Восточная – Декабристов		15	43
57	Декабристов – Луначарского		5	14
58	Луначарского – Малышева		35	100
59	Площадь 1-й Пятилетки	Орджони- кидзевский	18	51
60	Машиностроителей – 40 лет Октября		15	43
61	Машиностроителей – Донбасская		16	46
62	Бакинских Комиссаров – Киров- градская		12	34
63	Победы – Бакинских Комиссаров		15	43
64	Ломоносова – Уральских Рабочих		12	34
65	Индустрии – Уральских Рабочих		9	26
66	Пр. Космонавтов – Индустрии		11	31
67	Пр.Космонавтов – Фрезеровщиков		15	43
68	Шефская – Фрезеровщиков		6	17
69	Красных Командиров – Шефская		10	29
70	Электриков – пр. Космонавтов		18	51
71	Пр. Космонавтов – Машиностроителей		18	51

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
72	Титова – Санаторная	Чкаловский	10	29
73	Санаторная – Патриса Лумумбы		1	3
74	Ост. Керамическая – Окружная		8	23
75	Зенитчиков – Палисадная		1	3
76	Военная – Московская		2	6
77	Шварца (ТЦ «Дирижабль»)		26	74
78	Родонитовая		4	11
79	Походная (ост. «Лыжников»)		5	14
80	Самоцветная – Кварцевая		1	3
81	Молодогвардейцев – Шатрова		6	17
82	Лыжников – Щербакова		11	31
83	Ост. Прониной – Щербакова		13	37
84	Пер. Половодный – Щербакова		3	9
85	Пархоменко – Караванная		4	11
86	Дагестанская – Инженерная		3	9
87	Грибоедова – Бородина		6	17
88	Пархоменко – Димитрова		13	37
89	8 Марта – пер. Рижский		5	14
90	Титова (ост. «Сухоложская»)		1	3
91	Трактористов – Чайковского		1	3
92	8 Марта – Циолковского		14	40
93	8 Марта (ост. «Южная»)		24	68

Примечание. Ост. – остановка, пр. – проспект, ТЦ – торговый центр, пер. – переулок.

Научное издание

Воробьева Ирина Владимировна
Кружкова Ольга Владимировна

ПСИХОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Монография

Редактор Т. А. Кузьминых
Компьютерная верстка А. В. Кебель

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 03.04.12. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 300 экз. Заказ № 501.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического
университета». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Отпечатано ООО "ТРИКС"
Свердловская обл., г. Верхняя Пышма, ул. Феофанова, 4
www.printvp.ru